

Александр и Ксения
Рудазовы

Паргоровские байки. Том 6

Паргоронские байки

Александр Рудазов

Паргоронские байки. Том 6

«Автор»

2022

Рудазов А. В.

Паргоронские байки. Том 6 / А. В. Рудазов — «Автор»,
2022 — (Паргоронские байки)

Все когда-то заканчивается, в том числе и веселые посиделки у Паргоронского Корчмаря. Майно Дегатти и лорд Бельзедор трое суток гостили у него, пили, ели и слушали занимательные истории, а то и сами их рассказывали, но пора и честь знать, пора расходиться. Но еще не сейчас. Нижний Свет только что погас, впереди целая ночь. Еще есть время выпить по чарке... по две... по три... и послушать еще историй, конечно! Присаживайтесь, господа, мы пока еще не расходимся.

© Рудазов А. В., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Птенец олуши	5
Интерлюдия	25
Выходи замуж за моего мужа	27
Интерлюдия	61
Десять Тысяч Лет Войны. Часть 1	63
Десять Тысяч Лет Войны. Часть 2	104
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Александр и Ксения Рудазовы

Паргоронские байки

Том 6

Птенец олуши

1468 год Н.Э., Парифат, Мистерия.

Снежок опять начал орать с самого утра. Я проснулся от того, что он уселся мне на живот и гнусаво выводил одну и ту же ноту. Какое-то время я пытался притворяться спящим, но это не так-то просто, когда твой кот – фамиллиар, который в буквальном смысле слышит твои мысли.

Нет, мысли я еще мог от него закрывать. Мне было бы довольно неуютно существовать, слышь он каждую из них. Но уж с самочувствием-то не получалось никак, и отличить меня спящего от меня бодрствующего он всегда умел с легкостью.

И как только он почувствовал, что я пробудился, но притворяюсь спящим, то пришел в ярость. Возмутился таким гнусным обманом и удвоил натиск.

Знаете, какие когти эта тварь отрастила? Какие мышцы нажрала? Куда делся тот крошечный котенок, которого я пять лет назад вытащил из реки?

Он превратился в жирного шерстяного мудику.

– Абсолютно не согласен, – раздался сварливый голос, который мог услышать только я. – И я бужу тебя не потому, что умираю с голода, а потому, что жаворонок пропел в третий раз.

Вот тут у меня резко распахнулись глаза. Уже третий рассветный час?!

Я скинул Снежка и принялся натягивать тунику. Третий рассветный... наверняка все уже собрались, ждут... я не могу снова опоздать, мне уже два раза ставили на вид!

– Между прочим, ты видел соседского кота? – продолжал ворчать Снежок. – Он гораздо жирнее меня. Ходит и важничает. А ведь он даже не фамиллиар.

Пропустив это мимо ушей, я кинул ему рыбу из холодильного сундука и заметался в поисках штанов. Да куда ж я их вчера швырнул?!

– Мне вредно рыбу, сколько раз я тебе говорил? – пошевелил ее лапкой кот. – Когда будет курица?

– Ешь быстрее, мы опаздываем! – прикрикнул я.

– Он проспал, а опаздываем мы, – раздраженно дернул хвостом Снежок.

Сам я завтракать не стал, только отхлебнул молока из кувшина. Плеснул и Снежку, но он аж скривился. Будучи целительным фамиллиаром, он лучше всех разбирался в том, что полезно, а что вредно – и не уставал об этом напоминать.

Ничего, попоститься ему точно не вредно. Кошки – пустынные хищники, для их метаболизма нормально есть нерегулярно. В общем-то, им это даже полезно.

– Гнилые отмазки, – с отвращением произнес Снежок.

Схватив кота под мышку, схватив папку с проверенными работами, я вылетел за дверь и понесся к зданию Провокатониса.

Вот уже почти год я живу на территории КА. Собираюсь поступать в магистратуру, знаете ли, а для этого нужен преподавательский стаж. Либо провести практику для двух практикантов, либо два года отработать в университете. При втором варианте больше нагрузка, зато быстрее заканчивается. К тому же за это платят жалованье, а желающим еще и предоставляют квартиру.

В моем случае это было особенно актуально. Я все еще не обзавелся собственным домом, снимать было дороговато, а все время гостить у дяди или друзей стало уже совсем неудобно. С родителями мои отношения оставались ледяными, как айсберг.

Так что получить место преподавателя ятрохимии стало большой удачей. Хорошо, что в свое время я стал развивать Снежка именно в этом направлении. Для фамиллиара он был еще очень молод, но у него уже отлично получалось заживлять и обеззараживать раны, выводить из тела вредоносных хомунциев и взбадривать прану. Он мог просто лечь на больного – и тому сразу становилось лучше.

– Вот именно, а ты меня не ценишь, – сказал болтающийся под мышкой Снежок.

С его помощью я немного сократил путь. Одолжил на минутку его способности – и сразу заметил «глаз», микротрещину в пространстве. Их полно вокруг, кошки их прекрасно видят – и пользуются, конечно.

Это не так здорово, как летать с помощью дракончика. Но невозможно иметь все сразу.

– Хватит сравнивать меня с этой ящерицей, – сердито сказал Снежок.

Ему не нравилось, когда я вспоминал о своем первом фамиллиаре. Он ревновал, хотя ни за что бы в этом не признался. Но мне и вправду не хватало полетов, и я иногда подумывал, не обзавестись ли вторым фамиллиаром. Летающим.

О, вот еще «глаз». В КА их полно, тут все пронизано червоточинами. Этот выбросил меня аккуратно в корпус Униониса, всего этажом выше нужной аудитории. Я почти что слетел по перилам и лишь в самый последний момент замедлил шаг, чтобы войти степенно и чинно.

Я все-таки опоздал, но всего на минуту. Это допустимо. Я бросил на стол папку и посадил рядом Снежка, которому дети явно обрадовались сильнее, чем мне. Хотя как дети... это третьекурсники, большинству уже по тринадцать-четырнадцать.

Правда, фамиллиаров пока ни у кого нет – ими редко обзаводятся до четвертого курса.

Ятрохимия – это биологическая магия. Очень востребованное направление. Где бы волшебник ни жил и чем бы ни занимался, он всегда может подрабатывать как лекарь. Полезно что для себя, что для семьи, что для работы.

По-настоящему глубоко ятрохимию изучают только на Монстрамине – там она начинается с первого же курса и продолжается до самого конца. Но в остальных институтах ей тоже уделяют внимание – она обязательно есть на третьем и четвертом курсах, а дальше по желанию, факультативами.

Ее многие берут. А я вот в свое время не брал, делая упор на физмагию – и горько потом пожалел.

– Очень, очень горько, – сказал Бельзедор.

Так что я решил наверстать упущенное, когда завел нового фамиллиара – благо коты для такого просто идеальны. Они великолепные энергетические доноры, а их мурчание не только улучшает настроение, но и восстанавливает физические силы.

Именно этому я и учил третьекурсников уже десятую луну. Основам ятрохимии с точки зрения адепта Униониса – как исцелять через посредство фамиллиаров и тульп. Я был молодым преподавателем, мне еще не исполнилось тридцати, и если не считать жесткого графика, жизнь меня полностью устраивала. От двух до трех занятий в день, практикумы, постоянное общение с коллегами, хорошенькие девушки...

– Я надеюсь, это не будет история о том, как и почему тебя устраивала жизнь? – снова перебил Бельзедор. – Мы все Лахдже расскажем.

Я снова начинаю уходить в сторону, да? Меня постоянно заносит, когда рассказываю о себе. Сложно абстрагироваться, когда речь не о ком-то другом, а о моем собственном прошлом, причем о таких давних событиях...

– Я тебя сейчас ударю за то, что ты такой нудный, – спокойно сказал Бельзедор. – И полвека назад – это не давние события. Вот в рассказе о Всеблагом были давние, а меньше ста лет назад – это свежие новости.

Дегатти окинул его злым взглядом и немного помолчал, собираясь с мыслями.

Это был самый обычный день, ничем не примечательный. Но именно тем утром я впервые подумал, что готов обзавестись вторым фамиллиаром.

В самом наличии второго фамиллиара ничего особенного нет. У многих больше одного. Обычно, правда, это делается после магистратуры, потому что тут все-таки уже начинается продвинутая магия. Сложное расщепление сознания, поддержка сразу двух «живых инструментов»... это как есть сразу двумя ложками или драться сразу двумя мечами. Не то, чему можно научиться сходу.

Но я был преисполнен амбиций. Я более чем оправился от драматических событий юности и вновь начал считать, что мне все по плечу. Готовился поступать в магистратуру, видел впереди звание профессора... и да, уже мысленно репетировал речь, которую произнесу на вручении Бриара.

– Кстати, за что ты ее в итоге все-таки получил, напомни-ка? – спросил Бельзедор.

– Десять фамиллиаров, – чуть горделиво произнес Дегатти. – Десять самостоятельных «осколков» высокой мощности. Включая три неодушевленных. Это не абсолютный рекорд, но близко.

Но тогда я думал в другом направлении. У меня был всего один фамиллиар, а просто заведя второго, я никого бы особо не впечатлил. Да, повторюсь, обычно это делают после магистратуры, а мне не было еще и тридцати, но все равно в этом не было бы ничего особенного.

Так что я стал думать, как бы мне это так... ладно, назовем вещи своими именами... выпендриться. Я хотел, чтобы обо мне заговорили, чтобы на меня обратил внимание ученый совет, а для этого нужно сделать что-нибудь такое, чего до меня не делал никто.

В итоге я решил попытаться заарканить фамиллиара на расстоянии. И не просто на расстоянии, а в запредельном пространстве. Сквозь Кромку. В этом нет никакого практического смысла, но именно поэтому никто раньше такого и не делал.

Я на тот момент уже мог считать себя опытным путешественником по Закромочному. Я ведь побывал в Лимбо, провел там довольно много времени. Да, это всего один мир, причем даже не настоящий мир, а Лимбо... но это на один мир больше, чем у почти всех обитателей Парифата.

Коня для путешествий у меня тогда не было, конечно. Это сейчас я могу просто оседлать его и отправиться куда угодно, а тогда все было сложнее. Тем более, что я и не собирался перемещаться сам, я собирался осуществить... нет, не призыв. Просто призвать какого-нибудь зверька с другой «страницы», а затем обратить его в фамиллиара – это всего лишь два отдельных ритуала, каждый из которых сам по себе довольно прост. Наверняка такое проделывали и до меня, а если даже и нет – в этом точно нет ничего впечатляющего.

Я имел в виду другое. В КА у меня был свободный доступ к библиотеке Мазетти, и я быстро выяснил, что именно сквозь Кромку фамиллиаров действительно никто не создавал. И мне показалось, что это станет отличной темой для диссертации.

Если только я сумею такое проделать.

Ничего принципиально невозможного в этом нет. Обращение в фамиллиара не требует тактильного контакта. Это можно делать на расстоянии... но оно не должно быть большим. Слишком интимный процесс – мы ведь в буквальном смысле обмениваемся частицами души. Перемешиваем наши внутренние «я», в некотором смысле становимся одним существом в двух телах.

Так что лучше все-таки находиться друг к другу поближе. Потому что чем больше расстояние, тем больше рассеивание маны. А чем больше рассеивание, тем больше этой маны требуется. Ну вы в курсе, как работает волшебство.

Но Кромка, как вам опять же прекрасно известно, являет собой какое-то почти несуществующее расстояние. Именно поэтому призывать кого-то из запредельных пространств зачастую проще, чем из нашего же мира. Так что я был уверен, что все сработает, если все сделать правильно.

И я стал... шарить в запредельном. Искать кого-нибудь с крыльями. К тому же я рассчитывал, что иномирное животное, даже самое простое, упростит мои переходы через Кромку. Я прекрасно помнил, как сложно было выбраться из Лимбо.

– Так приятно слышать, что это событие оставило неизгладимую травму в твоей психике, – заметил Бельзедор. – Продолжай это повторять, каждый раз радуется.

Мне нужен был самый простой зверек. Процедура сама по себе предстояла беспрецедентная, я не хотел дополнительно ее усложнять, связываясь с демоном или какой-нибудь волшебной тварью. Целые вечера я проводил, медитируя с котом. Магия адептов Униониса неотрывно связана с фамиллиарами или тульпами, и мы со Снежком всегда колдовали вместе.

Недостатки подобного метода очевидны. Если вы ошиблись с выбором фамиллиара, если связали жизнь с кем-то вроде Снежка – вы это уже никак не исправите.

– У тебя хотя бы выбор был, – недовольно сказал Снежок. – А меня никто не спрашивал, хочу ли я из нормального кота становиться вот этим вот.

– А может, мне поработать в другом направлении? – задумался я. – Поискать способ безболезненно разорвать связь?.. Станешь снова обычным котом, бессловесным. А в фамиллиары я другого кота возьму. Вон того, рыжего.

Рыжий кот словно понял, о чем я говорю, и подбежал к нам. Всем видом он показывал, что готов хоть сейчас... а еще он хочет пожрать, очень хочет. Благодаря Снежку я чувствовал эмоции обычных неразумных котов и внушал им определенную симпатию, а еще мог частично доносить свои мысли. Они в некотором смысле видели во мне вожака, альфу.

Снежок таким моим способностям не радовался и на чужих котов шипел. Зашипел он и сейчас, особенно когда рыжий стал подбираться к его рыбине.

Хотя сам Снежок все равно не собирался ее есть.

– Ты же не хочешь, тебе вредно, – укорил я.

– Но это мое! – возмутился Снежок.

Рыжий все же воровато схватил рыбу, но задерживаться не стал – перепрыгнул обратно на соседский балкон. И на самом деле он не хотел становиться чьим-то питомцем – его устраивало бегать по общаге и кормиться то там, то тут. А Снежок хоть и шипел на него, но иногда все же общался – ему тоже хотелось поболтать с кем-то кроме меня.

Жил я тогда один. Не монашествовал, понятно, у меня периодически случались приятные знакомства, но обычно они не длились долго. Незадолго до начала тех экспериментов я полюбовно расстался с одной очаровательной особой, бакалавром Аргентарта. Она работала поваром-создателем в университетской столовой, и пока мы с ней встречались, я слегка раздался в талии... но это к делу не относится. Главное, что мне никто не мешал.

Чтобы ни на что не отвлекаться, я дождался летних каникул. В день Оловянного Дельфина школяров распустили по домам до Бумажного Вепря. Две с половиной луны я предоставлен сам себе и, как и многие преподаватели, буду вести собственные исследования. Повышать уровень квалификации.

Когда я окончательно все рассчитал и уверился, что все получится, то первым делом убрал подальше вещи, отодвинул мебель к стенам... понятно, почему? Процедура обретения фамиллиара очень сложна. Мы обмениваемся частичками душ, и всегда существует вероятность, что первые несколько минут будешь немного не в себе. Нет, у меня оба раза все прошло идеально, но техника безопасности – не та вещь, которой стоит пренебрегать. Именно этому я учил своих школяров и не собирался лицемерить, игнорируя свои уроки сам.

Впрочем, у меня было не очень-то много вещей и мебели. КА не скупится, предоставляя квартиры своим работникам, но обставляют их по стандартному комплекту. Расширяющаяся кровать казенного образца, письменный стол, пара стульев, шкаф повышенной размерности, камин, холодильный сундук, малое стенное дальнзеркало (неснимаемое), водяная чаша, отхожее седалище, да еще пара мелочей. Ничего сверх необходимого. Ел я обычно в столовой, а из гостей принимал только однажды дядю Жробиса, да несколько раз Вератора. Он тогда как раз начал создавать свою дружбосеть и все пытался меня в нее затянуть.

Личных вещей у меня тоже особо не водилось. Одежда, книги, кое-какие безделушки, набор для маноры и несколько артефактов. Отличный бездонный кошель, прекрасный защитный плащ... я заполучил эти предметы с опасностью для жизни и очень ими дорожил. Фамиллиарами они, понятно, тогда еще не были.

А еще у меня было Кольцо Миров. Это редкий и ценный артефакт. Достаточно его надеть, чтобы перенестись в Лимбо – а уже оттуда можно попасть куда угодно... если найдешь дорогу.

Я собирался однажды попутешествовать с его помощью, посмотреть другие миры, но не желал с этим торопиться. Слишком хорошо был знаком со статистикой невозвращенцев. Запредельные пространства – не лужайка с веселыми кроликами, там очень легко сгнуться.

Однако именно сейчас Кольцо Миров должно было сыграть важную роль в моем опыте. Я не надевал его, а только коснулся. С другой стороны лапку положил Снежок – и вместе мы... забросили удочку.

Это действительно походило на рыбалку. Мы шарили... я шарил почти вслепую. Я делал большую часть работы, Снежок в основном осуществлял энергетическую поддержку, а заодно ворчал, какая глупость, какая чудовищная глупость искать второго фамиллиара, когда у тебя есть такой великолепный кот.

Возможно, в чем-то он был прав. Но я уже настроился, уже загорелся. Ощущая живых существ как этикие комочки тепла и света, я подбирался к ним, пытаюсь хотя бы приблизительно понять, что за бестий касаюсь.

Поначалу мне не везло. Все время попадались рыбы и головоногие. Потом я немного сместился и пошли сплошные грызуны. Кажется, крысы. Еще было много каких-то ластоногих, а один раз я оказался рядом с кем-то разумным... почти уверен, что человеком. Духовные импульсы разумных легко отличить от животных, они заметно мощнее и сложнее устроены.

Но в конце концов мне улыбнулась удача. Птица – и птица летающая! Морская, по всей видимости, и не очень крупная, но за размерами я не гнался, а чем она питается – безразлично. Главное, что это птица, что скоро я снова смогу ощутить за спиной фантомные крылья.

Я сформировал связь и начал... но я не буду подробно описывать процедуру. Если вам интересно, как мы создаем фамиллиаров, почитайте соответствующую литературу, а тут речь о другом.

У меня не получилось. Что-то пошло не так. Вместо того, чтобы почувствовать связь с существом на другой «странице», я почувствовал дурноту. Перед глазами все поплыло, голова закружилась, и я... вылетел из своего тела.

Очень знакомые ощущения. Нас учили такое проделывать на специальных занятиях. Но сейчас это происходило против моей воли, и я запаниковал.

Возможно, я бы еще смог вернуться, если бы сразу взял себя в руки. Но это было как с утопающим, когда отчаянно колотишь по воде, дрыгаешься и в результате только глубже погружаешься. Меня выбросило из тела, на мгновение я увидел сияющий свет и серую дымку... а потом меня втянуло в другое тело.

И я покатился кубарем. Потерял равновесие и упал, полетел с какого-то склона... при этом махал хилыми крылышками и растерянно курлыкал.

Думаю, не нужно пояснять, что именно со мной случилось. Я тоже сразу догадался... и поначалу запаниковал еще сильнее, но быстро успокоился и стал думать, как все исправить.

Прежде всего я разобрался с тем, где нахожусь. Морской берег, довольно крутой. Холодно, кое-где лежит снег. У самой воды лежище тюленей, а повыше гнездимся мы... да, теперь это «мы». Судя по всему, какой-то вид олуши. Они противно орали, дрались друг с другом, летали туда-сюда с рыбой или порожняком.

И высиживали птенцов, в одного из которых я угодил.

По крайней мере, мне попался не только что вылупившийся. У меня уже открылись глаза, тело покрывал теплый белый пух, лапы и крылья худо-бедно слушались. Но меня все еще кормили «родители»... как унижительно. Они сразу заметили, что я выпал, и теперь метались в воздухе, оглушительно крича.

За пределами гнезда явно опасней, чем в нем, так что я потащился обратно. К счастью, упал я по положому склону, а тело птенца было таким мягким, что ничего не повредилось.

Вот с другой стороны, где шумело море... да, если бы я упал туда, то был бы уже мертв. Если бы меня не убила высота, то уж точно сожрали бы тюлени.

Забравшись в гнездо из липких от гуано водорослей и получив от «мамы» утешительную рыбешку, я принялся обращать случившееся вспять. Пытаться. Сначала-то я думал, что ничего страшного не случилось, что для паники нет причин – я просто рассею чары и вернусь в свое тело... но у меня ничего не получалось.

Оказалось, что в этого птенца попал не я целиком. Не вся моя астральная составляющая, как обычно бывает. Тут были только мои сознание, интеллект, личность... а вот магическое начало осталось дома!

И это означало, что я застрял намертво.

Вот теперь откуда-то изнутри стал подкатывать ужас. Поставьте себя на мое место. Вы в другом мире, заперты в теле птенца олуши, лишены волшебной силы и даже не можете говорить. Это... нет, положения хуже бывают, но не так уж много.

Со Снежком связаться тоже не получалось. Причем обмыслив все, я даже понял, почему магическое начало не последовало за остальными – его удержала связь с фамилиаром. Мое волшебство осталось там, в маленькой квартире, на седьмом этаже общежития сотрудников КА.

Как же я допустил такую промашку? Сидя в гнезде и машинально пожирая сырую рыбу, я думал, думал, думал. Размышлял, где ошибся и как это исправить.

Нет, я мог допустить ошибку, конечно. Недостаточно маны, слишком слабая концентрация, слишком сильное сопротивление птицы... что угодно может быть причиной. Но в любом из этих случаев ничего бы просто не произошло. Я остался бы на своей циновке слушать издевки Снежка, а завтра попытался бы снова.

Но раз я здесь и над головой у меня орут олуши, то значит там...

– ...Рря-ря-ря-ря!.. Рря-ря-ря-ря!..

– Ну вот и все, – сказал Снежок. – Мой человек пал жертвой собственной глупости. Я всегда знал, что так закончится.

Он посмотрел на свои белоснежные лапки с великолепной остроты коготками. Что ж, по крайней мере, он все еще способен четко мыслить и не чувствует никакого дискомфорта. Значит, он все еще фамилиар. Снежок смутно помнил существование в виде простого кота, но мышление тогда точно не было настолько ясным, способным на сложные умозаключения.

Встречая иногда других котов, Снежок открыто их презирал. Низшие существа. Человек думает, что ему жалко еды, что он охраняет свою территорию... ох, как же ему объяснить...

Как ему объяснить это теперь, когда он явно утратил способности к обслуживанию кота?

Человек истошно орал, махал руками и пытался подняться на ноги. У него не получалось, он изо всех сил старался выгнуть колени назад. А ощущая его мысли, Снежок... не ощущал там никаких мыслей. Только эмоции и желания, темные и простые.

Рыбы нет! Только что была! Теперь нет?! Нет! Все какое-то странное! Где другие?! Страшно! Мама, кушать!..

Как-то так теперь ощущался человек. Снежок с отвращением покачал головой. Очевидно, что эксперимент закончился ожидавшейся неудачей... причем такой неудачей, что всем неудачам неудача.

В стиле человека. У Снежка не было возможности пообщаться с другими людьми, он все еще не выучился говорить так, чтобы его понимали все, а не только Майно Дегатти, но уже усвоил, что его волшебник – не самый светлый луч в темном царстве. Талантлив, этого не отнять, но при этом редкий растяпа и пустозвон.

И вот, полюбуйтесь, к чему его это привело. Он что, обмочился?.. Да, напрудил прямо в штаны. Ну конечно, ведь теперь в его теле какая-то тупая птица, да еще и птенец, судя по мыслям. Птенцы – это не люди и не коты, они не умеют ходить в туалет.

– Слушай, а обязательно с такими подробностями?! – не выдержал Дегатти.

– Пусть рассказывает! – восхищенно воскликнул Бельзедор. – Продолжай, Снежок!

Белый кот, которого волшебник извлек из кошеля, чтобы тот помогал с эпизодами, в которых сам Дегатти не участвовал, важно откашлялся и продолжил. Он наслаждался вниманием.

Теперь, когда человек утратил способность связно мыслить, Снежку стало проще им управлять. Та штука, которая делала человека волшебником и связывала с фамилиаром, осталась при нем. Все остальное улетело, а это осталось – поэтому Снежок слышал его мысли и мог внушать свои.

Но пока что удалось только заставить его не вставать. Куда его вообще несет, если в теле птенец? Разве птенцы не должны сидеть смирно в гнезде и ждать родителей или голодного кота?..

А, точно. Вот в чем дело. Тупая птица видит кота и паникует.

– Я тебя не съем, – пообещал Снежок, между делом доедая куриную грудку. – У меня пока есть еда.

Правда, еды осталось не так уж много. Обычно они с человеком ели вместе, за одним столом. Либо в университетской столовой, либо приносили сюда. Запасов не делали, потому что человек – существо недальновидное и не верит, что в Клеверном Ансамбле однажды может закончиться продовольствие.

А теперь Снежку нужно чем-то питаться самому и кормить это тело.

Интересно, будет ли он рыбу? Котам-то она вредна, Снежок точно знал. Прочитал в прошлом году в учебнике зоологии.

Ничего, сожрет. Это котов надо беречь, а человек – тварь неприхотливая. Они еду и сами портят, потому что считают, что недостаточно вредно. Жарят, коптят, промасливают, солят и

подслащивают. Жалкие существа инстинктивно чувствуют свою ущербность, а потому всеми силами стараются сократить и без того малый жизненный срок.

Да, птице в теле человека понравилась сырая рыба, но попытка проглотить ее целиком вызвала приступ удушья и исцарапала горло. И кот Снежок, кое-как вырвав у тупорылой твари тушку, попытался сесть на человека, чтобы исцелить.

Но тот запаниковал, скинул кота – и его снова пришлось успокаивать, подавлять волю.

Снежок, будучи фамиллиаром-котом, прекрасно умел воздействовать на разум. Но прежде он подавлял волю человека тонко и незаметно, а теперь стесняться перестал. В конце концов, положение у него безвыходное – тело должно оставаться в хорошем состоянии на случай, если человек вернется.

Да нет, что еще за «если»? Вернется, конечно. Очень скоро вернется. Потому что если нет... Снежок немного занервничал.

Быть фамиллиаром без волшебника не очень-то весело. В Валестре даже есть специальное учреждение – что-то вроде дома призрения для фамиллиаров и тульп, лишившихся волшебников. Многие после такого и не выживают, а те, что выжили... они все грустные и потерянные.

Нет-нет, человек обязательно вернется. Ведь тут осталась его магическая оболочка... ах ты тля.

Хотя нет, стойте!.. Раз магическая оболочка осталась тут, человек все еще связан с этим телом! А значит, он вернется, если...

...Я должен сдохнуть! Меня озарило. Если в этом теле застряла только моя ментальная часть, а физическая и магическая остались там, то разум вернется домой, как только это тело умрет. Без труда вытолкнет подселенца и... ярыть, как-то совестно перед бедным птенцом.

Но положение безвыходное. Мне жаль его, но не настолько, чтобы до конца своих дней оставаться олушей. От старости эта птица может умереть только лет через пятнадцать, а то и двадцать... сколько вообще живут олуши?!

Я никогда не интересовался, знаете ли.

Да и мое настоящее тело столько просто не продержится. Олуша не сможет в нем существовать, она его убьет или покалечит. В лучшем случае меня упрячут в Госпитиум, и я пополню ряды одержимцев, телолишенцев, безумных психозрителей.

Надеюсь, Снежок сейчас присматривает за... мной, но он все-таки только кот, его возможности ограничены. Даже если он свяжется с Кустодианом, объяснит им все, если они организуют спасательный ритуал... сколько времени это займет?

И как это скажется на моей репутации? Майно Дегатти, блестящий молодой волшебник, будущий лауреат премии Бриара... по собственной дурости застрявший в теле олуши.

Я стану посмешищем.

Нет, ко всем хракам эту олушу. На кон поставлено слишком много, так что... как тут проще всего подохнуть?..

– Серьезно, Дегатти? – насмешливо спросил Бельзедор. – Вся твоя любовь к животным пропала в момент, когда ты понял, что для твоего спасения птенец должен умереть?

– Ну да, – пожал плечами Дегатти. – Я люблю животных, но я не адепт Священной Природы. Я ем мясо. И яйца ем.

– Вот видишь, мы не такие уж разные, – сказал Янгфанхофен.

Как только я догадался, как все исправить, то снова перевалился через край гнезда и засеменял к краю обрыва. Не к тому покатутому склону, по которому скатился в первые минуты,

а прямиком в пропасть, к морю и тюленям. Даже если они не едят птенцов – их туши меня просто раздавят.

Умирать будет больно, но ничего, вытерплю.

И я почти добрался. Почти перевалился через край. Почти упал... но в последний момент меня схватили чьи-то руки.

– Куда ж ты, малыш? – раздался оглушительно громкий голос.

Огромные ручищи подняли меня в небо. Как пара лопат. Словно великан... только это был не великан, а самый обычный человек.

Я не сразу это понял. У олуш и вообще птиц совсем другое зрение. Вместо трех цветов я видел четыре – красный, синий, зеленый и сверхфиолетовый. Вы даже не представляете, насколько красочней все окружающее, когда добавляется всего один цвет. Поле зрения тоже гораздо больше, глаза очень широко расставлены.

Так что в первый момент я испугался, хотя казалось бы – чего бояться, если я сам уже настроился сдохнуть? Я забился, заорал, но великан... человек держал меня крепко.

– Ты зачем схватил? – подошел к нему второй. – Ни в коем случае нельзя трогать птенцов.

– Но... он же... – растерялся первый.

– Упал бы и упал. Был бы хороший кадр. А теперь монтировать придется – ты зачем влез?

Я понимал каждое слово... ну, почти каждое. «Кадр» и «монтировать» оставались чем-то непонятным. По крайней мере тут рядом много людей, раз при межкромочном переходе я подцепил языковой пакет. Только вот хорошо ли это для меня?

Плохо. Это оказалось плохо, потому что конкретно эти решили сделать из меня актера. Как я понял, они тут снимали что-то вроде представлений с помни-зернами, только вместо магии использовали какое-то громоздкое оборудование. Что-то вроде гремлинских махин или субтермагических конструкторов.

И таково уж оказалось мое невезение, что обустроились они именно рядом со мной – и один из них не дал мне умереть. А теперь, раз уж я им попался, они стали снимать, что я делаю, как живу.

А я, конечно, по-прежнему пытался умереть.

– Не, так дети будут плакать, – сказал первый человек, толстый и бородатый.

– Да отстань ты от него! – возмутился второй, маленький и лысоватый. – Пусть плачут! Не препятствуй естественному отбору! Еще раз его тронешь, я на тебя жалобу подам!

– Кому, мне? – саркастично спросил бородач, снова оттаскивая меня от обрыва. – Святая корова, какой суицидальный птенец!

Кроме этого злополучного обрыва вариантов сдохнуть было немного. И от него меня все время отгоняли. Можно было, конечно, просто дожидаться, пока они закончат и оставят меня в покое, но мне уже не терпелось. И я решил попробовать объясниться.

Мой клекот они, конечно, не поняли. Я старался изо всех сил, но вызвал только еще больший интерес к себе. Исторгаемые мной звуки показались этим типам необычными, но, конечно, и близко не похожими на человеческую речь.

Тогда я выбрал участок, где почва была чуть мягче, и принялся расчерчивать ее клювом. Местный язык теперь сидел у меня в подсознании, и не только устный, но и письменный, так что я написал: «Дайте мне умереть».

Слава Кому-То-Там, на местном языке эта фраза оказалась почти вдвое короче, чем на парифатском.

– Ты знаешь, я ведь не сумасшедший, – задумчиво сказал лысоватый. – И я ведь не пил. И не пью. Я веду здоровый образ жизни. А ты?

Бородач ничего не ответил. Но он достал из-за пазухи фляжечку и отхлебнул, тоже пялясь на мою надпись.

А я пошел к обрыву. Теперь-то они все поняли и не будут препятствовать волшебнику.

Так?

Не так. Видимо, птичьи мозги все-таки начали влиять на мое здравомыслие, если я решил, что это может сработать. Когда меня снова схватили, я запоздало сообразил, что это было худшим, что я мог сделать в такой ситуации.

– Пустите меня, руки уберите! – орал я, вырываясь и клюя бородатого.

Они слышали только клекот. Только нечленораздельные визги.

– Слушай, мы должны отнести его в твой университет, – сказал лысоватый. – Я вообще не понял, что это было, но это что-то... что-то сатанинское.

– Ну... ну не... ну нет. Достань-ка... разверни-ка... достань-ка клетку, – выговорил бородатый, с трудом удерживая бющегося меня. – Хорошо, что я взял.

Они спустились по склону – там оказались их палатки. Там действительно нашлась огромная птичья клетка, куда меня и запихали. После этого они налили чаю из термоса, а бородатый закурил. Пальцы у него дрожали.

– Должно быть какое-то разумное объяснение, – сказал он. – Ну вот попугаи, например... Вполне умеют копировать голоса других птиц... и людей. Это общеизвестный факт.

– Как он вяжется с умением писать? – саркастично осведомился лысоватый.

– Это не умение писать!.. Нет!.. – отмахнулся бородатый. – Это невозможно! Ты знаешь, какого размера мозг олуши? На нем практически нет извилин! Он просто скопировал... возможно, видел где-то... запомнил...

– Слушай, это была довольно четкая надпись. Он явно не случайно написал именно это.

– Причем каллиграфическим почерком... – вздохнул бородатый, снова отхлебывая из фляжечки. – Но в дьявола я не верю.

Когда они сказали о каллиграфическом почерке, я слегка заважничал. Ну да, у меня были отличные оценки по каллиграфии. Я очень способный олух... олуша.

Насчет мозга без извилин тоже правда, видимо. В этом теле мне все сложнее ясно мыслить.

И мне нельзя здесь долго оставаться. Я ведь попал сюда ненамеренно, я не стабилизировал ментальную оболочку чарами, удерживающими от деградации. А значит, рано или поздно она подстроится под когнитивные способности этой птицы. Уже начала подстраиваться, я ощущаю тупею.

Хм, прутья... Достаточно широко расставлены, чтобы протиснуть голову, но если я ее поверну, они будут меня душить.

Эта гипотеза увлекла меня... и нуждалась в немедленной проверке.

Стараясь не привлекать к себе внимание и не издавать звуков, я принялся тихонько умирать. Но люди, хоть и обсуждали свое, не выпускали меня из поля зрения. Лысоватый при виде новой попытки суицида поперхнулся, явно обжег небо и подбежал, принялся освобождать мне голову.

– Слушай, он хочет умереть, – опасливо сказал бородатый, пытаясь вытрясти из фляжки еще хоть каплю. – Может, просто позволим ему? Будет хороший кадр...

– Если он умирает в нашей клетке, это не хороший кадр, а наша эта... безалаберность. А кроме того... что если оно умрет и просто... освободится?!

– Ты что городишь? – сглотнул бородатый. – Это просто птица. Не анирник же.

– Что такое «анирник»?

– Ну... инуитский злой дух. Когда он освобождается смертью, то волен отомстить.

– Отомстить кому?!

Люди устали на меня. Они тоже были растеряны и напуганы. Даже сильнее, чем я. Мне очень хотелось донести до них, что я не анирник и не собираюсь никому мстить за свою смерть. Наоборот, я бы охотно чем-то их вознаградил... я все-таки волшебник, наверняка я могу что-то для них сделать.

Но пол клетки был деревянным. Я попытался на нем что-то написать, но у меня ничего не вышло, конечно. Однако люди жадно на это смотрели, напряженно размышляли и в конце концов... дали мне бумагу и чернила.

Я решил, что хуже уже не будет, обмакнул в чернильницу клюв и написал: «Дайте мне сдохнуть, или я вас убью».

Возможно, это было не очень разумно. Но они ведь уже решили, что если я умру, то выйду злым духом и отомщу им... не знаю уж, правда ли в их мире такое водится или это просто легенда. В любом случае я решил донести до них, что все наоборот.

До них не дошло.

– Это осмысленное предложение, – изумленно произнес бородатый. – Я обязан показать специалистам. Разумная олуша!

– Но он... оно обещало нас убить! – нервно выкрикнул лысоватый.

– Что ты говоришь «оно»? Это просто олуша.

Они принялись спорить. Из их слов я сумрачно понял, что на этой «странице» магии нет вообще, она числится детской сказкой... так что я реально совершил худшее, что только мог. Пишущая олуша их буквально оглушила, они запаниковали и не знали, что с этим делать.

Но время назад не веротишь, память им не сотрешь. Я мог попытаться изложить свою ситуацию с самого начала, но что-то подсказывало, что тогда станет еще хуже. Если они узнают, что у них в руках волшебник, который заперт в теле птицы... что они сделают тогда? Если они узнают, что в случае смерти этого вместилища я просто испарюсь, исчезну... понравится ли это увлеченным исследователям?

Я представил себя на их месте. Что бы сделал я?... Так, нет, ни в коем случае нельзя сообщать им ничего лишнего. Я бы вцепился в такую находку руками и ногами. Честно говоря, я уже сделал достаточно, чтобы они именно так и поступили.

И я перестал писать, замкнулся и просто угрюмо пялился. Может, если я прекращу вести себя разумно, они решат, что анирник ушел, что я теперь снова просто олуша. А сдохнуть... что ж, в крайнем случае просто уморю себя голодом. Я в теле птенца, ему надо есть много и часто.

– ...Снежок, Майно дома?

– Нет, он за Кромкой, – сказал истинную правду Снежок.

Вератор его, конечно, не понял. Никто не понимал мяуканья Снежка, кроме его человека. Но он был уже степенным, выдавшим виды котом, ему недавно исполнилось пять лет, и он прекрасно умел изъясняться жестами. Просто помотать головой из стороны в сторону – и люди понимают, что это «нет», да еще и умиляются милому котику.

Оккупированное птицей тело сидело на балконе. Снежок заманил его туда рыбой и велел сидеть тихо и не пытаться сдохнуть.

Это оказалось серьезной проблемой – следить, чтобы тот не сдох. Птенец чайки или что там за птица все время карабкался на перила и жадно пялился на остатки рыбы, украденной рыжим мародером. У него не получалось, он с трудом мог передвигаться даже на четвереньках.

Но если получится – он свалится с седьмого этажа.

А еще птенец все время норовил подавиться рыбьей костью, то и дело запинался о неуклюжие человеческие ноги и падал, а один раз едва не разбил башку о дверной косяк. Тупорылое создание. Причем его смерть означает, что умрет родное тело Дегатти... а значит, ему некуда будет возвращаться.

Как это скажется на Снежке, фамилиар предпочитал не думать.

А тут еще и Вератор. Снежок уже жалел, что открыл ему. Молодой эльфорок завалился, как к себе домой, плюхнулся в единственное кресло и без спроса закурил.

– Майно скоро придет? – спросил он. – Раз он ушел без тебя, значит, скоро. Я его подожду, хорошо?

Снежок отчаянно замотал головой, но в этот раз Вератор сделал вид, что не понимает. Кот запрыгнул на подлокотник и раздраженно принялся объяснять, что человек не дома, что он придет нескоро, что сегодня вообще вряд ли придет, так что незваному гостю лучше бы убраться куда подальше... но Вератор только ухмылялся и почесывал Снежку шейку. Тот машинально мурчал, но все раздраженнее.

– Слушай, а где тут у Майно мини-бар? – полюбопытствовал Вератор. – Или не мини... лучше не мини. Я же его знаю, наверняка погребок имеется.

Погребок у Дегатти имелся, и Вератор быстро его нашел. Снежок гневно зашипел. Он терпеть не мог, когда его человек напивался, особенно в одиночестве, но уж точно не собирался позволять кому попало распоряжаться их общими запасами.

– Извини, Снежок, – снова плюхнулся в кресло Вератор, но теперь со стаканом и бутылкой. – Твой папаня то и дело приходит ко мне в гости и выдувает все запасы. Вот в прошлый раз, помню, купил я копченых рябчиков к бочонку пива, а тут Майно стучит. Сердцем почувствовал. Да ты помнишь, ты с ним был.

Снежок помнил. Рябчики были неплохие, он признавал. Конечно, они тоже вредные, но тут есть принципиальное различие. Копченые рябчики Снежку нравились, и он позволял себя ими баловать... в отличие от рыбы. Рыба приятно пахнет, очень приятно... но это обман. Вкус у нее гадкий, совсем не как у мяса. В природе коты рыбу не едят, а вот рябчиков едят... возможно... возможно, даже копченых.

Но даже воспоминание о вкусных рябчиках не заставило Снежка смириться. Он все равно вскочил на спинку кресла и зашипел еще громче. Вератора нужно выпроводить, пока он не сунул нос на балкон.

– Снежок, прекрати, – уже недовольно сказал дружбамаг. – У меня к Майно важное дело. Хотя... раз его нет... а ты не хочешь стать моим другом, Снежок?

Фамиллиар сумрачно на него уставился. Знал он это важное дело. Будучи адептом Субрегуля, института общения, Вератор повсюду собирал аурические слепки. Обменивался ими с животными, разумными, духами и вообще всеми, кого встречал. Заключал союзы, искал тех, кто хотел с ним дружить.

И вокруг человека Снежка он давно наворачивал круги. С тех пор, как тот вернулся в Мистерию, Вератор не переставал забрасывать удочку. Хотя казалось бы – что ему до того Майно Дегатти? Волшебник как волшебник, ничем не примечательный и даже заурядный...

– Разбаловал я тебя, Снежок, – поджал губы Дегатти. – Уважать меня перестал. Это от жирности, думаю. Надо тебе паек сократить.

– Снежок, а ты чего так суетишься? – с интересом спросил Вератор. – Случилось чего?

И тут на балконе что-то загрохотало. То птица в теле человека попала ногой в жестяное ведро, ударила им о стену, от шума испугалась, начала орать, метаться, еще сильнее шуметь и еще сильнее от того паниковать.

– Типичный Майно, – сказал Вератор, открывая дверь. – Снежок, ты скрывал от меня его белую горячку?

Птенец олуши дико заверещал. Человеческая гортань не подходила для привычных ему криков, и звуки получались душераздирающие. Вератор поморщился, пригляделся к ауре и немного осунулся.

Он все понял.

– Типичный Майно, – повторил он, хватая бечевку.

...Меня привезли в какое-то учреждение. Я не думаю, что это был жилой дом – в таких местах редко живут. Скорее уж это напоминало один из корпусов Клеверного Ансамбля – а особенно Доктринатоса, с его мастерскими и лабораториями.

Ну да, один из моих похитителей упоминал университет.

Я уже понял, что на этой «странице» люди не слишком балованы магией, зато у них развитые технологии. Везли меня на необычном устройстве, похожем на большой колесный конструкт. Всю дорогу опасливо косились, но я сидел молча, прикидывался обычной олушей, и постепенно мои похитители успокоились.

Я решил усыпить их бдительность и дожждаться удобного момента, чтобы убить себя. Он наверняка будет, надо надеяться на лучшее. Даже Снежок, когда был котенком, пару раз едва не отправился в Шиасс, а у меня-то уж тем более получится.

В университете мне выделили отдельную клетку. К сожалению, прутья там были слишком частыми, и зазоры между ними не позволяли провернуть тот же трюк, что в прошлый раз. К тому же за мной все время наблюдал похожий на студента юноша, а бородатый то и дело меня навещал.

Кажется, я оказался в виварии. Тут были и другие клетки – в них сидели крысы, морские свинки, пара собак и обезьян. Все – обычные животные, это я установил в первые же часы. Надеюсь, эти натуралисты не собираются меня вскрывать... хотя что я говорю? Надеюсь, они это сделают!

Но они этого не делали. По крайней мере в первый день. Когда студент смотрел в другую сторону, я расшатывал клювом прутья, чтобы добраться до задвижки.

Мои попытки привлекли внимание соседа по несчастью – крупного разноцветного попугая. Он смотрел на меня то одним глазом, то другим, заинтересованно крутил башкой, а потом начал подражать.

Попугай – очень сообразительные птицы, должен вам сказать. Их нельзя недооценивать. Они почти так же умны, как гоблины, и частенько ухитряются вырываться из клеток. У одного из моих сокурсников был фамиллиар-попугай – он демонстрировал высокий интеллект и до того, как стать фамиллиаром.

Студент тем временем куда-то отлучился. Бородатый приказал ему особенно тщательно следить за мной, но не сказал, что я собой представляю. А я всего лишь птенец олуши, так что студент не очень серьезно к этому отнесся.

Клюв попугая справился с задачей быстрее моего. Но я отстал ненамного. Понимаете, эти запоры рассчитывались на всего лишь птиц. Никаких замков с ключами, паролей и уж тем более печатей. Просто дверцы с рычажками – немного заковыристыми, чтобы нельзя было открыть случайно, но и только-то.

– Кр-ра-а!.. – гордо сказал попугай, выходя наружу.

Следом вывалился и я, с завистью глядя, как он расправляет крылья. Если бы я угодил в тело попугая, было бы куда проще. Мое вместилище тоже крылато, но летать пока не умеет и в ближайшие дни явно не научится.

Впрочем, мне и не нужно. Что это за ящичек?.. Ага, конструкт для приготовления пищи. Ну да, студент ставил внутрь тарелку с каким-то месивом, нажимал рычажок, ждал пару минут, а потом ел.

Интересно, насколько мучительно будет жариться заживо?.. Или эта штука варит?.. Неважно, сейчас узнаю.

Немного тесновато, но я помещаюсь. Теперь только закрыться... так, у нас затруднение. Дверца не предусматривает возможности закрыться изнутри. Логично, конечно... но мне-то что делать?

И даже если я ухитрюсь – рычажок для активации тоже снаружи. Было бы ужасно глупо помещать его внутрь, не так ли?

Я попытался донести до попугая, чтобы он сначала надавил на дверцу, а потом на рычажок. Попытался объяснить, что хочу сделать его своим сообщником. Но тот не изъявил желания помочь мне покончить с собой – его заинтересовал стакан с разноцветными палочками. Попугай опрокинул его и внимательно наблюдал, как палочки раскатываются по столу.

Я забеспокоился. Попугай не волновался о конспирации – он шумел, хлопал крыльями, все осматривал и издавал разные звуки. Кажется, он подражал человеческой речи, но на каком-то другом языке – не том, что я освоил при пересечении Кромки.

А проклятая дверца не сдавалась. Я тщетно пытался ее захлопнуть, одновременно размышляя, как мне изнутри нажать рычажок и нет ли других способов убиться.

Спрыгнуть со стола?.. Слишком низко, я максимум сломаю лапку – а это сделает только хуже. Надо умереть сразу, надежно и быстро.

Воды нигде нет. Полное ведро меня бы выручило. Даже черпака бы хватило, наверное. Просто погрузить голову и ждать.

Есть окно, но оно закрыто, и щеколды там более тугие. К тому же я не смогу туда взобраться... я помахал на пробу крыльями, но убедился лишь, что я очень юный птенец. До полетов еще минимум месяц.

Тогда... что же делать тогда? Думать мешает какофония звуков. Наша с попугаем выходка взбаламутила всех узников. Обезьяны в большой клетке орали и верещали, обсуждая происходящее. Щенки в вольерах носились и тявкали, не отрывая взглядов от попугая.

Время поджимает. Из средств самоубийства у меня только...

– Ты что делаешь?! – прервал мои раздумья испуганный крик. – Ты же мог умереть!

– Я именно это и пытаюсь сделать! – огрызнулся я.

Конечно, студент слышал только писк и клекот. Он вытащил меня из пищевого ящика, посадил обратно в клетку и принялся ловить попугая.

Что ж, вернулись к тому, с чего начали. Испечься не удалось, возвращаемся к голодовке.

Увы, и этого мне позволять не собирались. Когда мои надсмотрщики убедились, что я отказываюсь от еды, то принялись кормить насильно.

– У птицы стресс, – сказал один из них. – Конечно, это же дикий птенец.

– Честно говоря, я так и не понял, зачем доктор Бергман его притащил.

– А он тебе разве не сказал? Я думал, он тебе сказал.

– Он объяснял, но я ничего не понял.

Кормление рыбной пастой из шприца мне не понравилось, так что я все же начал послушно есть. Честно говоря, смерть от голода мне вообще не нравилась, потому что подражувала долгие страдания. Если я планирую умереть побыстрее, мне нужны силы для активных действий.

Только вот повторно сбежать из клетки не получалось. Тюремщики дополнительно укрепили задвижки у меня и попугая. Теперь им самим стало трудно их открывать, но для меня это и вовсе сделалось невозможным.

Попугай воспринял это как вызов. Это оказалась воистину гордая и умная птица. Своими когтистыми лапами он теперь не переставал ковырять задвижку, пытаясь размотать проволоку.

Я же призадумался. Теперь они более бдительны и знают, что я склонен к побегу. С щеколдой я рано или поздно справлюсь, но за пределы вивария выбраться будет трудно. Не в этом теле.

Так что нужно искать способы прямо тут.

На пищевой конструкт я больше не надеялся. Слишком трудно реализовать. В самом виварии я вообще не видел никаких способов. Однако... если показать попугаю, как открыть окно... но сначала мне нужно туда добраться. И освободить попугая.

Размотать проволоку клювом не получалось. Зато я постепенно смог раздвинуть два прута и просунуть сквозь них клюв. А уже снаружи подхватить одну из тех разноцветных палоч-

чек, что разбросал попугай. Большую часть студенты собрали обратно в стакан, но одну не заметили.

Представляете, это оказалась писчая принадлежность! Она оставляла чернильный след! В другое время я бы заинтересовался таким занятным изобретением, но сейчас меня волновало другое. Я спрятал палочку под собственной задницей и терпеливо дождался ночи.

Можно было попытаться проглотить эту палочку. На ятрохимии я преподавал в том числе ветеринарный курс, и лучше всех знал, насколько легко детеныш может погибнуть, сожрав что-нибудь несъедобное. Когда Снежок был еще несмышленным котенком, он однажды был на грани смерти, схомячив длинный кусок бечевки.

Но это, увы, не дает гарантированного результата. Я вряд ли умру сразу, скорее буду долго мучиться. Мои тюремщики это заметят – а они явно тоже знают толк в ветеринарии. Меня спасут. Возможно, даже прооперируют. Тогда я минимум несколько дней буду в недееспособном состоянии и все станет только хуже.

Побег я планировал осуществить ночью – но у меня ничего не вышло. Вернулся бородатый. Он выгнал студентов, уселся напротив меня – и принялся сверлить взглядом.

Похоже, пришло время для очной ставки.

– Слушай, ну я же знаю, что ты не просто олуша, – просительно сказал он. – Мы с Хадсоном все видели.

Он развернул смятый лист бумаги... ну да, тот самый, на котором я написал свое неосторожное послание.

– Я не сумасшедший, – сказал бородатый, убедившись, что слова по-прежнему тут. – Знаешь, я после нашей встречи даже терапевта навестил. Это написал ты, не отрицай. И еще там, на земле... это осталось на записи камеры. Как видишь, доказательств полно. Нет смысла отпираться.

Я издал противный вопль. Я просто тупая олуша. Я хочу кушать. Я сейчас сренькну в поилку и почищу перья. Отстань от меня.

Бородатый не отстал. И, видимо, за день он выспался, потому что эту ночь посвятил мне полностью. Ходил по виварию и рассуждал вслух, строил гипотезы, пытался наладить контакт. Он, похоже, был настоящим ученым, и мне даже стало его жалко. Возможно, мое появление в его жизни навсегда ее изменит, и он до конца дней будет искать разгадку.

Я прекрасно знал, как часто сходят с ума волшебники, и насколько мало порой для этого нужно. Ученые не так подвержены безумию, на их мозги не воздействуют мана, эфир, духи и загромочные явления, но и с ними тоже случается.

Такое вот необъяснимое событие вполне может стать толчком.

– Если ты просто олуша – что это был за феномен?! – уже с явным раздражением потряс листком бородатый. – Слушай, я бы прибег к угрозам, но...

Он перечитал мое послание. Да, сложно чем-то угрожать тому, кто требует себя убить.

Бородатый никак не мог уговориться. Он начал проводить со мной тесты на интеллект. Показывать какие-то карточки, какие-то головоломки с шариками... я все это подчеркнуто игнорировал. Сидел и кричал. Я надеялся, что смогу достаточно разозлить своего мучителя, чтобы он меня придушил.

Глупая надежда, конечно. Я сам по роду деятельности часто имею дело с животными – мне ли не знать, какую бездну терпения проявляют те, кто с ними работает? Даже когда бородатый достал меня из клетки, и я первым делом сренькнул ему на руки, он остался спокоен. Только вытерся и продолжил свои эксперименты.

И когда он подключил к моей голове какой-то конструктор с присосками, я решил попробовать еще раз. Перестав корчить из себя тупую тварь, я издал три коротких крика и пристально уставился на бумагу.

Бородатый сразу догадался и радостно сунул мне чернильницу. Я обмакнул туда клюв и вывел каллиграфическим почерком: «Я не олуша. Я застрял в этом теле. Я волшебник. Если освободишь, исполню желание».

Подумав, я приписал еще: «Я открыт для торга».

Конечно, я не так уж много мог исполнить. На тот момент я был всего лишь лицензиатом. Но что-то я все-таки мог. У меня были отличные ятрохимические навыки и специфический фамиллиар, так что я умел лечить самые разные болезни – а это часто бывает заветным желанием. Я не мог дать бессмертие, но мог улучшить внешность и здоровье.

В других областях у меня тоже имелись некоторые возможности. А в крайнем случае я мог попросить о помощи друзей. В Мистерии действует принцип взаимовыручки, знаете ли. Волшебники одалживают друг другу способности с большими скидками и даже в кредит. У нас очень развита профессиональная солидарность, это заложено еще отцами-основателями, которые сплотились для победы над Бельзедором, а потом поняли, что в единстве – сила.

– «Хрестоматия для юных волшебников», – ухмыльнулся Бельзедор. – Читал, как же.

Прочитав мою записку, бородач долго сидел в ступоре. Он явно перечитал ее несколько раз, пока не убедился: написано именно это, глаза его не обманывают. Отложив бумажку, он слегка растерянно сказал:

– Зловредный ты какой-то волшебник. Все руки мне обосрал.

– Птицы не контролируют клоаку, – попытался оправдаться я.

Конечно, из моего горла донеслись только писк и клекот.

Бородатый снова принялся ходить из угла в угол, раздражая обезьян. Он о чем-то напряженно думал. В конце концов уселся на стул... почему-то задом наперед, положив руки на спинку... уставился на меня и заговорил:

– А может, ты все-таки анирник? Почему я должен тебе верить? Ну вот умрешь ты – и что?

Я снова сунул клюв в чернильницу. Процедура неприятная, вообще-то, у чернил отвратительный вкус. Уже с досадой я вывел на бумаге: «Вернусь в свое тело».

– Ерунда какая-то, – растерянно сказал бородатый. – Желание какое-то... почему всего одно? И где у меня гарантии, что ты потом сюда вернешься и что-то для меня сделаешь? Может, никакой ты не волшебник, а... не знаю, нечистый дух, злой джинн из сказки?.. Раз уж мы дошли до антинаучной чуши, то что мешает тебе быть самым сатаной?

Хороший вопрос. Мой пленитель оказался здравомыслящим человеком, рассматривающим все варианты. И я, кажется, зря вообще упомянул исполнение желаний. Надо было давить на жалость, но я боялся, что не дожму, и он предпочтет оставить себе разумную птицу.

А теперь вот в нем, похоже, пробуждается алчность. Он уже размышляет, почему желание всего одно. Начинает понимать, что положение-то у меня безвыходное, так что можно получить и побольше.

Я сам себе делаю все хуже и хуже. Блеванные птичьи мозги. Тупая олуша. Надо как можно скорее вернуться в свое тело, а то придется обращаться к психозрителям.

Впрочем, бородатый все же оказался не настолько меркантильным. Он не сосредоточился на желаниях, куда больше его волновало то, что я могу не вернуться. Сейчас у него в руках уже было нечто потрясающее – разумная птица. Птица, которая умеет писать и называет себя волшебником.

А если он меня уьет... на этом все может закончиться. Он останется сдохлой птицей и никогда не узнает, что же такое нашел на том утесе.

Этого он боялся сильнее, чем того, что я окажусь демоном или еще какой-нибудь пакостью. А значит, нечисти, как и магии, у них нет... на виду, во всяком случае. Всерьез он в такую возможность все еще не верит и не понимает, что ему со всей этой новой информацией делать.

Могу его понять. Наверняка у них тут тоже есть сказки, легенды. Я в детстве читал «Старые сказки» – там есть истории про всяких фей, манитари и сальванских воздателей, которые испытывают героя, просят помочь, а потом вознаграждают. Но есть там истории и про паргоронских демонов, которые обманывают доброхота, пытаются его убить или сожрать.

Нет, конечно, герой в конце все равно побеждает, но то в сказках.

– А, у тебя была цензурная версия, – улыбнулся Янгфанхофен. – Как-нибудь напomini при случае – я охотно поведаю оригинальные истории. Все ваши «Старые сказки», знаешь ли, основаны на реальных событиях... только в реальности заканчивались не так радужно.

– Что, даже «Дурак в Паргороне» основан на реальных событиях? – с иронией спросил Дегатти.

– Особенно он.

В итоге мы ни до чего не договорились. Уже под утро бородатый, утомленный и вымотанный, снова ушел. Меня он не убил и не выпустил.

А ближе к полудню пришел лысоватый – и на меня он смотрел с каким-то диким, лихорадочным интересом. За эти два дня он оправился от сверхъестественного ужаса, зато пришел к выводу, что говорящая... пишущая олуша может иметь ценность. Бородатый явно рассказал ему про ночной разговор, потому что он сходу сказал:

– Ты, значит, волшебник... никогда бы не подумал...

Я молчал. Говорить-то по-прежнему не получалось, а предложить мне бумагу и чернила лысоватый не догадался.

– Никогда бы не подумал... – повторил он. – А вот это твое волшебство... что ты можешь, кроме как превращаться в олушу?

Кажется, бородатый ему рассказал не все. О том, что я предложил за свое освобождение желание, умолчал. Логично, я бы тоже умолчал. Но лысоватый и сам додумался, что если помочь волшебнику, то можно рассчитывать на награду, и стал выяснять, насколько большую.

Мне не было жалко. Я готов был посулить все что угодно в пределах моих возможностей, лишь бы мне наконец раскроили башку или прикончили иным образом.

Собственно, я охотно бы посулил и больше своих возможностей. Все сокровища земные и небесные. Если не клясться определенными клятвами, ложное обещание – не такая уж беда для мага. Мы не демоны, мы можем нарушать слово.

– Поэтому мы вас и не уважаем, – заметил Янгфанхофен.

Но лысоватому тоже пришло в голову, что если меня убить – это еще неизвестно, что получится. У них есть только мои слова – а если я вру? Если я вовсе не вернусь к ним с дарами? Если из моей разбитой башки вылезет какая-нибудь тварь и сожрет их? Лысоватого терзала жадность – но он боялся остаться на бобах или вообще стать жертвой нечистой силы.

А еще он боялся выпасть за пределы этой истории. Главным в их тандеме был бородатый – явно крупная шишка в этом университете. Лысоватый же, кажется, был просто наемным работником. Кем-то вроде чародея Типогримагики – умельцем узкого профиля, оператором конструктора для движущихся картинок.

И если бородатый прикажет не пускать его в виварий – его и не пустят.

На него вообще косились, он не мог нормально со мной общаться. Видимо, бородатый дал своим студентам нагоняй, потому что один из них все время оставался в помещении. И в

конце концов лысоватый убрался, потому что его разговоры с олушей стали выглядеть совсем уже странно.

До вечера я терпеливо ждал. Поел, попил. Страдать от голода и жажды смысла не было, меня бы все равно покормили насильно. С заходом солнца один студент ушел, а вот второй, к моему ужасу, остался на ночное дежурство. Он долго читал книжку, но в конце концов, видимо, решил, что ему не настолько много платят за эту работу, и прикорнул на кушетке.

Благослови Кто-То-Там ленивых школяров – он уснул мгновенно. Убедившись, что спит он крепко, я вооружился пищащей палочкой и стал разматывать проволоку.

Это не заняло много времени. Да, клювом было неудобно... но они по-прежнему не считывали запоры на разумное существо. Не знаю уж, что этим юношам наговорил бородатый, но правды точно не рассказал.

Неважно. Выбравшись из клетки, я первым делом освободил попугая. Мой сообщник переминался на жердочке и бормотал что-то нечленораздельное, но как только дверца открылась – выбрался наружу.

Обезьяны в клетках тихонько гомонили. Я задумался, не освободить ли и их, но побоюсь, что меня и не убьют, и не освободят, а вот бестолковый переполох поднимут.

Зато попугай сразу сообразил, что делать. Я подтащил свое неуклюжее тело к окну, привлек его внимание к задвижке – и умная птица принялась ее тереть. Он явно сопоставил задвижку на дверце клетки и эту, смекнул, что делают они одно и то же – и заинтересовался открывающимися перспективами.

Это заняло много времени. Он все-таки был только птицей, а даже самый ловкий клюв уступает человеческим пальцам. Но в конце концов попугай справился, и уже я всунул в щель клюв, навалившись всем весом.

Окно начало открываться!..

Увы, именно в этот момент открылась и дверь. Темноту прочертил луч света... кстати, я упоминал, что у жителей той «страницы» есть искусственное освещение? Не обычные факелы и лампы, а что-то вроде магических светильников, только, понятно, не магические. Вот один такой источник света и держал лысоватый... и при виде моей открытой клетки он ахнул, и его взгляд заметался.

Окно открылось, попугай издал довольный вопль и вылетел. Увы, после этого лысоватый сразу меня заметил – и метнулся вперед.

Но я оказался быстрее. Моя нелепая тушка еле переваливалась, но мне всего-то и нужно было, что... перевалиться. Перевалиться через подоконник – и выпасть из окна.

Увы, полет длился недолго. Виварий был на первом этаже. Я шмякнулся и затрепыхался, а из окна таращился лысоватый. Он даже дернулся было следом, но потом все-таки передумал и побежал в обход.

Ну да, с таким телом я точно не убегу далеко...

Я освободился. Выбрался из здания. Но это не решило мою проблему – я все еще жив и даже не пострадал. И у меня всего минута или две, прежде чем сюда прибежит лысоватый.

Увы, рядом ничего смертельного не было. Я оказался на... на каком-то пустыре. Покрытом гладким серым камнем, расчерченным меловыми полосами. Вдали стояли два больших колесных конструкта.

На другом конце пустыря сидел попугай. Его явно охватили смешанные чувства. С одной стороны он был очень горд собой, его разбирало любопытство перед неизвестным, но в то же время он был разочарован. Судя по яркой окраске, он тропическая птица, а вокруг явно не сальванские кущи.

Всем своим видом попугай словно говорил: и вот это все?.. Вот ради этого все было?..

Я бы ему посочувствовал, но у меня хватало своих проблем. Я должен был освободиться... освободиться по-настоящему!

Из-за угла показался лысоватый. Он не бежал, а шел быстрым шагом – но у меня не было шансов его опередить. Однако именно в этот момент на пустырь въехал еще один колесный конструкт – и я засеменял к нему, не веря своему счастью!

Я почти преуспел! Меня почти сбила многокоровная масса металла! Сидящий внутри не замечал меня в темноте... пока я не оказался прямо перед ним.

Впереди этого конструкта тоже были мощные фонари. Меня ослепил их свет, в ночной тишине раздался вскрик – и конструкт круто развернулся. Почти коснувшись меня, он с визгом крутанулся и влетел в деревянный забор. Сломалось несколько досок, конструкт замер, и из него вылез бородатый.

С другой стороны ко мне уже подбегал лысоватый – но бородатый гневно закричал и бросился наперерез.

– Ах ты, мерзавец!.. – воскликнул он.

– Мы вместе его нашли! – огрызнулся лысоватый. – Не пытайся меня отодвинуть!

– Отодвинуть в чем?! Ты даже не научный сотрудник!

– Здесь наукой и не пахнет!

Пока они препирались, я заковылял к сломанному забору. Возможно, там найдется что-нибудь... или я хотя бы спрячусь.

– Убегает! – крикнул лысоватый.

Они бросились за мной. Я не успевал... ярыть, я не успевал!.. Я всего лишь птенец олуши, у меня кривые медленные лапки!..

– Кр-ра-а!.. – крикнул попугай, с интересом глядящий на кутерьму.

– Хватай!..

– Вон он!..

И тут... словно ангел явился с небес. Из пролома в заборе выскочил бродячий щенок. Довольно крупный, с черной шерстью... и он увидел добычу!

Он весело тявкнул, бросился на меня... и его зубы сомкнулись на моей шее!

Тело прорезало болью. Бородатый и лысоватый завопили, кинулись к щенку, лысоватый с размаху пнул его в бок... щенок истошно завизжал, но вкусную жирную птичку из зубов не выпустил...

...А потом пришла блаженная тьма, я вновь почувствовал головокружение... и очнулся.

Я лежал на кровати, со связанными руками. На меня участливо смотрел Вератор, а в ногах дремал Снежок.

– Мир тебе, Майно, – добродушно сказал мой друг.

– Мир тебе, Вератор, – ответил я, часто моргая. – Развяжи.

– Даже не знаю... а это точно уже ты?.. Скажи что-нибудь разумное.

– В кошачьем лотке есть говно?

– Типичный фамильярищик, – развязал меня Вератор. – Первым делом убрать за котом.

Я уселся за стол, торопливо написал несколько строк на бумажке и завернул в нее кашки Снежка. У меня не было времени придумывать что-то изысканное, инерционный след стремительно угасал.

Но магия снова меня слушалась. Я потянулся мыслью, почувствовал тот тающий канал, по которому мой разум вернулся домой, всеми силами зацепился за два ярких образа и дернул на себя.

Призвал к себе их владельцев.

Вератор смотрел на это с любопытством, но вопросов не задавал. Мы волшебники, мы привыкли ко всему. Нет ничего странного для нас, творцов чудес.

И в этот раз у меня все отлично получилось. Призыв прошел безупречно, и в комнате появились два животных – собака и попугай. Щенок сразу забился в угол и затравленно заску-

лил, а попугай расправил крылья, с воплями описал круг по комнате и уселся на вазу с фруктами.

– Итак, ты похитил двух животных, – подытожил Вератор. – Все было ради этого? Знаешь, в Валестре зоомагазины есть.

– Они помогли мне спастись, – пожал плечами я, глядя щенка. – Тихо, тихо, чего ты так жмешься? Ребра целы, лапы целы?.. Дай посмотрю... Снежок, иди сюда, лечи собаку!

– Я не буду лечить грязную блохастую собаку! – зашипел мой кот.

– Снежок!..

– А на какой «странице» ты побывал? – спросил Вератор. – Мне просто ужасно интересно, где это собак и попугаев меняют на кошачье дерьмо.

– А, это... там больше нет.

Я не стал рассказывать Вератору подробности своего приключения. Сейчас, спустя полвека, я сам смеюсь над своей незадачливостью, а вот тогда умирал со стыда и желал поскорее все забыть. И да, я проявил мелочность, за которую мне сейчас стыдно. Знаете, что я написал на той бумажке, которая отправилась к бородатому и лысоватому вместе с кошачьим дерьмом?

«Вот вам ваше желание».

Интерлюдия

Последнюю часть истории Дегатти рассказывал уже при участии половины своего зверинца. Гладил пса Тифона и чесал шею попугаю Матти. Снежок недовольно бурчал себе под нос и сетовал на неблагодарность человека, который всем обязан своему коту, а теперь жирностью его попрекает.

– Как это мило, – ухмыльнулся Янгфанхофен, перегнувшись через стойку и рассматривая могучего боевого пса. – Мы тоже как-то так выбираем щенков. Если зверь вцепляется тебе в горло и пытается сожрать – значит, твой.

– Ха, Дегатти, а ты и вправду мелочный, – ухмыльнулся и Бельзедор. – Послать своим мучителям кошащее дерьмо... классическая мелкая пакость.

– Я три дня провел в теле олуши, – пожал плечами волшебник. – Был немного раздосадован.

– Кстати, а записку ты на каком языке-то написал?

– Заметил, да? – хмыкнул Дегатти. – До меня тоже потом дошло, но было уже поздно.

– Да не переживай, все равно доходчиво получилось. Только вот... у тебя после того случая последствий никаких не осталось?

– Типа у меня по-прежнему птичьи мозги? – поджал губы Дегатти.

– Многое бы объяснило, – кивнул Бельзедор.

– Ха-ха, очень смешно. Я знал, что эта история вас повеселит. Чужая беда, неловкая ситуация... что еще может порадовать демона и падшего титана?

– Ты прав. Расскажи еще что-нибудь о том, как ты садился в лужу.

– Да, как ты завел остальных фамиллиаров? – присоединился Янгфанхофен. – Коня, змею, рыбу, енота...

– Жеребенка мне однажды вручили вместо гонорара. Рыбку подарили друзья. Змею я банально купил в зоомагазине... я был уже лауреатом Бриара, когда ей обзавелся. А вот с енотом тоже вышла интересная история. Сразу после магистратуры я заключил пятилетний договор с королевством Хагадеш... слышали о таком, нет?.. Неважно. Я хотел сменить обстановку, да и предложение было выгодное, так что я на пять лет стал, так сказать, сельским волшебником. Я ведь говорил, что мне понравилась практика в Инкитии?.. Только в Хагадеше на моем попечении была уже целая страна – я должен был оказывать местным магические услуги по сниженной ставке. Кстати, жеребенка мне тоже вручили там. А енот... знаете, страна была большая, я постоянно был в дороге. Ночевал где попало, постоянным жилищем не обзавелся. И однажды, когда я на целую луну застрял в одной деревеньке, мне пришлось жить одному в старой лачуге. Не буду уж вдаваться в подробности. Ничего особенного, кроме избыточного интереса крыс, бродячих собак и енотов...

– Крыс, бродячих собак и енотов, – повторил Бельзедор. – Ну надо же.

– М-м-м... я тогда был очень занят, некогда было даже стряпать, питался чем попало. И один енот особенно ко мне зачастил... это был очень умный зверь, который быстро выучил расписание моих трапез и появлялся аккуратно когда я выкидывал объедки за окно...

– Выкидывал объедки за окно...

– В палисадник. Там и без меня была грязь.

– Какая?

– Ну... кусты всякие. И земля. Земля – это грязь.

– Логично.

– В общем, мы с этим енотом нашли общий язык, – подытожил Дегатти. – И я в конце концов подумал – а что это он у меня задарма столуется? И я... дал ему работу. Он был не против.

– А из-за чего ты застрял в той деревеньке на целую луну, что тебе даже стряпать было некогда? – полюбопытствовал Янгфанхофен.

– А это уже отдельная история. Я бы рассказал... я много чего могу о себе рассказать, но мы тогда тут еще неделю просидим, а я и так уже у тебя загостился.

– Но ты же еще побудешь? – спросил Янгфанхофен, подливая своим гостям.

– До утра еще побуду.

Дегатти посмотрел в окно, где все больше тускнел Нижний Свет. В Паргороне наступил вечер, подходил к концу лиловодень. Три дня и три ночи они сидели в «Соелу» и травили байки, выслушали больше полусотни историй и выпили столько, что хватило бы на целый легион.

И расходиться пока еще не хотелось, но все понимали – пора закругляться, посиделки затянулись.

– Да, до утра, – вздохнул волшебник, подперев голову руками. – Последняя ночь, еще несколько историй – и будет.

– Хорошо, тогда буду тщательно выбирать, чем тебя попотчевать напоследок, – пообещал Янгфанхофен. – Кстати, насчет твоей байки про олушу... ты Лахдже ее рассказывал?

– Н-нет... Зачем?

– А Расскажи. Мне кажется, ее это заинтересует.

– Почему?.. А... Думаешь... я был на ее родной «странице»?.. Слушай, а... да не, не может быть... хотя...

Волшебник крепко задумался. Янгфанхофен снисходительно покачал головой, поставил на стойку тарелочки с нарезанными соленьями и сказал:

– Это не имеет значения, Дегатти. Она теперь паргоронка. Ее родина тут.

– Ну она все равно родилась человеком.

– Там уже немного осталось от человека. Я вот тебе сейчас расскажу одну историю... ну так, чтобы ты не тешил себя пустыми надеждами...

Выходи замуж за моего мужа

1521 год Н.Э., Паргорон, лабиринт Хальтрекарока.

По коридору тащился жирный, гадкого вида демон. Он выполз из своего закутка и теперь влек тушу к господину, накатываясь на пол с влажными звуками. Позади оставался липкий след, крохотные ножки хватались за половицы и подтягивали Гришу вперед.

– Какое дерьмо... – бормотал он озлобленно. – Какое же дерьмо... Ху... хуже финала «Игры престолов»... Я не думал, что такое возможно... не думал... Нет пределов для говноделов... Бедный «Светлячок»... они клепали его, пока шедевр не превратился в кал... В КААААЛ!!!

Он заорал прямо в лицо одной из наложниц, и та испуганно отшатнулась. А Гриша, все еще стена и похныкивая, вдруг сообразил, что дворец малость изменился за время его хиканства. Интерьер стал более минималистичным, часть украшений и произведений искусств пропала, что-то вообще, кажется, перестроили или капитально отремонтировали...

Интересно, что он такое пропустил?

Лахджа ползущего мимо Гришу толком не заметила. Она холодно смотрела на другую демоницу.

– Привет, Лахджа, – улыбнулась та одними губами.

– Привет, Ассантея, – сухо проронила Лахджа.

Вернулась-таки. Командировка должна была рано или поздно закончиться – и она закончилась.

– Мы, кажется, повздорили в прошлом году, – продолжала улыбаться Ассантея. – Но теперь, я думаю, незачем таить обиды. В тяжелые времена надо объединяться. Всем домом.

– Совершенно с тобой согласна, – ровным голосом сказала Лахджа. – Я не собираюсь долго таить обиду.

– Вот и славно. Рада, что мы все прояснили.

Возможно, Ассантея действительно не считает случившееся поводом для серьезной ссоры. В конце концов, что она такого сделала? Просто пыталась убить Лахджу и ее дочь... или всего лишь похитить?.. Какая разница, у нее все равно не получилось.

Демоны после такого вполне могут остаться... нет, не друзьями, конечно, но приятелями. Продолжать спокойно общаться, здороваться за ручку. Демолорды вообще все переплетены междоусобицами и предательствами, не говоря уж о мелких пакостях. Фурундарок множество раз пытался убить брата... не всерьез, но тем не менее.

Да и саму Лахджу тут далеко не все обожают. Вот, хотя бы эта... легка на помине.

– Зачем, вот зачем ты это сделала, дура?! – вместо приветствия прошипела Абхилагаша. – Привет, Ассантея.

– Привет, Абхилагаша, – кивнула та. – А что она такого сделала?

– Что она сделала?! – захлопала глазами Абхилагаша. – Спасла Хальтрекарока!

– Спасла Хальтрекарока?.. – удивилась Ассантея.

– А ты не знаешь?! Пфе!.. Тебя кто просил лезть?! – придвинулась к Лахдже Абхилагаша. Ее нижняя губа нервно тряслась. – Ты хоть знаешь, что ты наделала?!

– Абхилагаша... ты что же, не рада возвращению любимого мужа?.. – изобразила изумление Лахджа. – Но подожди, подожди!.. Прежде чем отвечать – убедись, что он снова не стоит позади тебя.

Абхилагаша круто развернулась и озарила собой ближайшее пространство. Ауры Хальтрекарока рядом не ощущалось, но демоница все равно понизила голос и зло процедила:

– Думаешь, что выслужилась? Думаешь, что теперь он будет тебя выделять? Айчапово ты отродье, да мы ж могли веками душ не считать, потихоньку разделили бы его сокровища и

вклад, пока он там где-то далеко! Живой, но заключенный! Ты хоть знаешь, как успели навариться слуги Кхатаркаданна за каких-то четыреста лет его отсутствия?

– Это же была идеальная ситуация, Лахджа! – кивнула подошедшая Нагалинара. – Он заперт в другом мире, но жив и остается демолордом, а мы можем жить свободно и распоряжаться его добром!

– Ну да, как слуги Кхатаркаданна, – хмыкнула Лахджа. – Только когда он вернулся, то не поленился отыскать и замучить до смерти всех, кто не оправдал доверия.

– Хальтрекарок не такой. Этот жалкий, ленивый... – Абхилагаша осеклась, снова озарила собой пространство, но все же не стала заканчивать фразу. – Да и на что ты надеялась? Вот что ты выгадала с его спасения? Да ничего! Нам всем, в том числе и тебе, было бы куда лучше, если бы все сидели на жопе ровно, без тупых и слишком деятельных подлиз вроде тебя!

– А теперь все! – согласилась Нагалинара. – Он вернулся, да еще стал свидетелем того, как мы... разбирали вопросы наследования. Теперь он считает, что мы замыслили против него.

– Думаешь, сумела подмазаться к нему?! – уже просто кипела от злости Абхилагаша. – Ему все равно, зато весь гарем мечтает тебя прибить!

Лахджа поняла, что сейчас будет драка. У сестер-жен здорово накопело, особенно у этих, амбициозных. Они первое время держались от нее подальше и вообще старались не отсвечивать, но со временем убедились, что Хальтрекарок вовсе не начал выделять Лахджу. Он не только ее не приблизил, но даже как будто стал чураться.

Да и вообще он заметно изменился после своего похищения. Проведенные в плену у Пеймона дни в нем что-то надломили. Он словно внезапно осознал, что не все в этом мире его друзья. От добродушной расслабленности не осталось и следа, Хальтрекарок стал заметно угрюмой, подозрительней и с виду даже умнее.

Может, случившееся и к лучшему. А может, нет. Лахджу, во всяком случае, он отблагодарил как-то странно.

По факту ведь это она его спасла. Нет, основную работу сделали демолорды, да и уговорить их оказалось несложно... но подняли бы они задницы, если бы не она? Неизвестно.

И что она получила в награду? Ме. Одно-единственное Ме. Причем абсолютно мусорное – Зеленый Цвет. Позволяет перекрасить что угодно в зеленый.

Хальтрекарок им как будто откупился не глядя. Кинул первую попавшуюся ерунду из ящика с безделушками.

Это было просто оскорбительно.

При этой мысли Лахджа с досадой ударила кулаком по стене. Абхилагаша все еще что-то визжала, и это раздражало все сильнее.

На стене появилось зеленое пятно. Ну да, теперь Лахджа может и вот такое. Здорово. Почти так же круто, как создавать ложки. Абсолютно бесполезное умение для всех, кроме маляров.

– ...Ты меня слушаешь?! – прорезался истошный крик.

– Нет, – медленно перевела взгляд на Абхилагашу Лахджа.

Бывает, что какой-то человек или в данном случае демон настолько болтлив, криклив или настырен, что ты частично глхнешь, когда он открывает рот. Именно так у Лахджи давно уже обстояло с Абхилагашей.

– Ты очень юна, дочь Мазекресс, – сказала Нагалинара, постукивая пальцами по рукояти меча. – Я очень долго снисходительно к тебе относилась.

Абхилагаша тоже придвинулась поближе. Ассантея, наоборот, отступила, с интересом взирая на происходящее... но далеко не ушла.

Места для драки полно – во дворце высоченные потолки и широченные коридоры. Хальтрекарок может гулять по ним в своем истинном облике, так тут просторно. Но Лахджа окинула сожаляющим взглядом картины и статуи – сплошь подлинники, шедевры высокого искус-

ства. Хотя некоторые несут следы реставрации, временной открутки – их уже неоднократно ломали, портили, сжигали...

– Простите... – пробормотала Лахджа.

– Поздно просить прощения! – возмутилась Абхилагаша.

– Я это не вам, а вечным ценностям. Может, выйдем на свежий воздух?

Нагалинара коротко кивнула. Это очень в духе гохерримов – идти в случае чего на дуэльную площадку. Если бы они тузили друг друга где попало, Паргорон постоянно выставлял бы счет собственной армии.

На Абхилагашу Нагалинара не смотрела – держалась отстраненно, с отчужденным видом. В последние годы отношения у них окончательно остыли – а ведь когда-то Нагалинара была одной из «фрейлин» любимой жены, ходила за Абхилагашей хвостом.

И спасение Хальтрекарока огорчило ее как бы не еще сильнее – она в гареме единственная гохерримка и откровенно тяготится своим положением. У нее тогда были все шансы прирезать Абхилагашу и заграбастать самый жирный кусок.

А Лахджа все испортила.

– А все-таки, что случилось? – поинтересовалась Ассантея, отклеившись от стены. – В чем опять провинилась наша общая любимица?

– Ты что, тоже меня не слушала?! – разъярилась Абхилагаша.

– Я слушала, слушала. Внимательно. Но твоих слов было очень много, а смысла в них – очень мало. Можно краткий экскурс для тех, кто только что вернулся?

– Хальтрекарока похитил и собирался съесть адский Князь Тьмы, – коротко изложила Нагалинара. – Лахджа каким-то образом уговорила демолордов за него вступить.

– Еще одно свидетельство того, что мужчине следует полагаться на братьев, а не на шлюх, – проронила в сторону Лахджа. – Копирайт – Асмодей.

– О-о-о, как это мило... – растянула губы аж до ушей Ассантея. – Какая ты преданная, Лахджа. Не замечала раньше за тобой такой любви к нашему мужу.

– Все познается в сравнении, – перевела на нее взгляд Лахджа. – Мне тяжело было представить на его месте другого господина.

– Действительно, действительно. Подумать страшно, что с тобой бы стало в гареме кого-нибудь вроде Кошленнахтума.

– Кто знает, быть может, он и тебя бы прихватил.

Лахджа и Ассантея обменялись ласковыми улыбками голодных гадюк. От Ассантеи, конечно, не укрылись истинные мотивы Лахджи. Кто-кто, а она сразу сообразила, чего ради та лезла из кожи вон ради Хальтрекарока.

У Лахджи мелко подрагивал хвост. Она почти кожей ощущала напряжение. Чувствовала обращенную к себе ненависть. Смертная под этими взглядами уже дотлевала бы, скукоженная и сгнившая.

– Знаешь, Хальтрекарок не очень-то переживает, когда с одной из нас что-то случается, – произнесла Абхилагаша. – Помнишь Мистрильду?

Лахджа задумалась... а правда, она не встречала Мистрильду после той заварушки с Пеймоном. А ведь почти месяц прошел...

Кажется, Абхилагаша лучше всех знает, где волшебница сейчас.

– Хальтрекарок ни разу о ней не спрашивал, – сказала Абхилагаша. – А ведь она была одной из любимейших. Как ты.

– Что ты ветер стегаешь? – вздохнула Лахджа, раздувая руку. – Иди сюда, я оторву тебе башку.

Ее хвост с влажным чмоканьем разделился на три. Страшные хлысты метнулись вперед – сразу к трем горлам.

У Нагалинары загорелись глаза. Наконец-то! Гохерримский клинок свистнул, демоница молнией рассекла хвост Лахджи... но тот оказался с содержимым! Из обрубка сразу ливанула едкая щелочь – и тоже почти живая, подвижная!

Абхилагаша исчезла, снова появилась, взмыла к самому потолку и разинула пасть. Не собиравшаяся участвовать Ассантея же на долю секунды замешкалась – и первый удар пропустила.

По стене пробежала трещина. В коридоре сошелся настоящий паргоронский интернационал – четыре высшие демоницы разных видов. Все были ослепительно красивы – и пытались вырвать друг другу кишки.

Впрочем, Лахджа сейчас уже не казалась красивой. Ее очертания расплылись, волосы взметнулись белой пургой, правая половина лица стала инсектоидной, а все тело покрыли многоцветные перья пополам с шерстью. Она молниеносно перетекала из формы в форму, не задерживаясь надолго ни в одной.

Да и Абхилагаша сразу перешла в истинный облик – огромной монстрообразной бабищи с четырьмя сиськами и вываленным из пасти языком. Два чудовища рвали друг друга на части – Абхилагаша пыталась втянуть Лахджу в зев, Лахджа била ей по ушам разрывающим перепонки визгом, смертельным ультразвуком.

Где-то в этом месиве сверкал меч Нагалинары. Она наконец-то дорвалась до любимой забавы гохерримов и почти стонала от восторга. Ассантея и Абхилагаша единым усилием отбросили Лахджу, впечатали ее в стену – и в плоть вошла полоса стали.

Туша Лахджи взорвалась облаком раскаленного газа, драконьего пламени. Оно вырвалось под страшным давлением, превратило в пепел несчастные картины и статуи, заставило демониц орать от боли... но не убило, конечно.

Нагалинара издала сдавленный хрип. Ее тело покрылось хрустящей корочкой, а глаза вытекли. Ассантея, успевшая сдвинуться в Тень, пострадала меньше. Абхилагаша и вовсе осталась почти невредима – и начала всасывать ошметки Лахджи.

Трое на одну – это все-таки ужасно нечестно. Лахджа сопротивлялась, она собирала себя обратно, прорастала тончайшими щупальцами в камень, цеплялась плотью за пятки и голени Абхилагашы... но от Ассантеи уже струилась какая-то дрянь, а Нагалинара часто дышала, покрываясь свежей кожей, снова поднимая меч...

– Это что здесь происходит?! – раздался гневный окрик.

По коридору просеменил пушистый рыжий кот... нет, уже не кот. Совнар на глазах становился самим собой – бушуком в деловом костюме... и с очень злобным личиком.

Он не стал тратить время зря. Бухгалтер Хальтрекарока сходу увеличился во много раз, почти достиг макушкой потолка... и принялся охаживать демониц кнутом.

Его плетка была не просто плеткой. Нагалинара, Ассантея и Абхилагаша завизжали от боли. Нагалинара едва не уронила меч, Абхилагаша вернулась в человеческий облик, Ассантея упала на колени.

– Вы, потерявшие страх шалавы! – в ярости рычал бушук. – Плюющие в протянутую руку отродья! Изменницы, которых давно стоит заменить на дешевых самоталер! Среди всех вас одна-единственная не забыла о своем долге – и за это вы решили ее заклевать толпой?! Слишком давно вас не учила БОЛЬ!!!

Демоницы с истошным криком удрали от взбешенного Совнара. Тот еще несколько раз саданул им в спины, а потом злобно фыркнул, уменьшился до обычных размеров и подал руку быстро регенерирующей Лахдже.

– Идея с самоталер не так уж и плоха, – сказала та. – Но Хальтрекарок и их избалует.

– Это уже вряд ли, – мрачно сказал Совнар. – После всей этой истории счет Хальтрекарока просел. Говорю тебе по секрету, не вздумай трепаться.

– И Лахджа пообещала не трепаться... а мы теперь узнаем об этом от Янгфанхофена, – хмыкнул Бельзедор.

– Об этом я узнал не от нее, – поморщился Янгфанхофен. – Бельзедор, право же, я демолорд. Ты думаешь, у меня нет других источников информации, кроме малахольной зазнобы Дегатти?

– Насколько сильно? – спросила Лахджа.

– Не настолько, чтобы волноваться за статус демолорда. Но нас ждет много работы. Могу я в ближайшие недели рассчитывать на твою помощь? Я думаю, тебе будет полезно побыть подальше отсюда, пока все не утрясется.

– Конечно, – обрадовалась Лахджа.

– Вот и ладненько, дам тебе знать. Кстати, ты у нас все еще жеманишься, души не поглощаешь?... С этим надо уже что-то делать.

Лахджа неопределенно пожала плечами. Может и правда пора отбросить стыд. Кошлен-нахтуму или Ключершатену она, конечно, противником все равно не станет, но это не единственные ее недруги. Даже удивительно, сколько демонов жаждет ее крови – в ее-то юном возрасте.

– Спасибо, что выручил, – сказала она Совнару.

– Не за что, не за что. Не хочу, чтобы у нас, слуг, были поводы считать, что верность наказуема, а не вознаграждается. Если Хальтрекарок не видит нужды тебя поддержать сейчас, это сделаю я.

– Спасибо, Совнар, – повторила Лахджа. – Хорошо иметь друга, тем более если этот друг – ты.

– Лахджа, я лишь хочу показать тебе, что путь, выбранный тобой, это не путь лишений, а самый верный путь, ведущий к возвышению, – самодовольно поправил галстук Совнар. – Будь и дальше верной слугой своего господина, помогай мне упрочивать его положение – и упрочится и наше.

– Девиз бушуков?

– Девиз бушуков. Бывают периоды, когда мы сдаем позиции, но это временно, если мы не вешаем нос и продолжаем работать.

– И после плохого урожая нужно сеять, – согласилась Лахджа. – Не жалеешь, что решил помочь Хальтрекароку?

– Посмотрим, как будет, – неопределенно сказал Совнар. – Кстати, если я знаю Абхилагашу... а я знаю Абхилагашу... тебя сейчас...

Лахджа почувствовала резкий рывок, вокруг все раздвоилось, поплыло... и она шмякнулась на мраморный пол. Прямо перед лицом хмурого Хальтрекарока.

Абхилагаша выла волком, старательно расчесывая следы от плети. Совнар, который последовал за Лахджой уже своим ходом, сидел в уголке и вылизывался. Ассантея и Нагалина старались сделаться невидимыми, зло косясь то на Лахджу, то на Абхилагашу.

– Итак, вы все в сборе, – мрачно произнес Хальтрекарок. – Мои любимые жены. Лахджа. Абхилагаша. Нагалина. И... четвертая.

Имя Ассантеи он успел забыть. Ожидаемо – та отсутствовала почти год.

Волей Хальтрекарока их швырнуло на колени, рядом. Лахджа осторожно отрастила глазок на темени и смотрела, как Хальтрекарок проплывает из стороны в сторону, скрестив руки на груди.

Он не улыбался. Не глядел слегка сквозь окружающих, как обычно. На челе его лежала тень.

Сейчас его лучше лишний раз не злить.

Это понимали все, кроме Абхилагаша. Ассантея и Нагалинара явно не собирались раздувать скандал – наоборот, они бы предпочли быть где угодно в другом месте. Но не Абхилагаша, нет, только не Абхилагаша. Она демонстративно причитала, шумно всхлипывала, вздрагивала всем телом...

– Поднимите лица, – недовольно приказал Хальтрекарок.

Жены послушно вскинули головы. Темный Балаганщик вздохнул и перевел взгляд на Совнара. Бушук в обличье рыжего кота по-прежнему умывался.

– Итак, правильно ли я понял тебя, Абхилагаша? – тяжелым голосом сказал Хальтрекарок. – Совнар избил вас троих. Совнар, мой самый доверенный слуга. По навету Лахджи. Лахджи – почему-то единственной из жен, как-то причастной к моему... возвращению. Как неприятно.

Несколько секунд царило молчание. Все более гнетущее, все более страшное. От демолорда шли гулкие, давящие волны – головы от этого кружились и слегка подташнивало. Злость Хальтрекарока почти можно было потрогать.

– Как неприятно видеть ваши уродливые зарезанные лица!!! – наконец прорвало его. – И у вас еще хватило наглости мне нажаловаться?! Абхилагаша, ты совсем тупая?!

Судя по взглядам Ассантеи и Нагалинары, они задавались тем же вопросом.

Хальтрекарок подлетел ближе и ударил Абхилагашу ладонью. Ту отбросило, она впечаталась в стену. Прекрасной демонице раздробило челюсть, зубы посыпались, а череп треснул.

– Благодарю Древнейшего, что ты дочь двух демолордов! – процедил Хальтрекарок. – Любую другую я бы за такое сожрал!

Нагалинара и Ассантея сжались в комочки... ну да, они-то не дочери демолордов. Лахджа пристально на них уставилась и облизнула губы кончиком языка.

Но основной гнев Хальтрекарока выплеснулся на Абхилагашу. Двух других же он только окинул злым взглядом и произнес:

– Сколько у меня сейчас жен?

– Сто семьдесят четыре, – возжег в воздухе ярко-голубые письма Совнар. – Вот полный список.

– М-м... некомплект. Хотя я начинаю думать, что стоит сократить обратно до сотни. Возможно, пора жить скромнее.

Совнар аж засветился от радости, явно благодаря покойного короля Пеймона. Но тут же скрыл свои чувства, потому что Хальтрекарок недовольно нахмурился.

– Возможно, потом сокращу, – сказал он. – Но не сейчас. Нет. Надо поддерживать престиж, чтобы не разносили дурацкие слухи. И только поэтому вас четверых я не сожру. Вы слишком ценные единицы.

Лахджа моргнула. Она не ослышалась, он сказал «четверых»?.. Просто машинально посчитал и ее?.. Или...

– Но право на жизнь вам придется заслужить! – повысил голос Хальтрекарок.

Лахджа приоткрыла было рот, но благоразумно передумала. Сейчас лучше не заострять. Не спрашивать, почему она тоже оказалась среди виноватых.

– После определенных событий у меня осталось всего сто семьдесят четыре жены, – произнес Хальтрекарок. – Это нехорошо. Мои гости начинают замечать некоторую утрату лоска. Только вчера мне об этом сказал... я не могу себе позволить и дальше терять престиж. Поэтому вы четверо займетесь пополнением гарема.

– Мой господин, мы всегда рады служить тебе, и я готова выступить прямо сейчас! – торопливо выпалила Нагалинара.

– Я тоже! – на долю секунды отстала Ассантея.

– Ну и я, конечно, – проворчала Лахджа. – Аж кушать не могу, как хочу поскорее этим заняться. Только... господин, а ты уверен, что можно доверить другим столь ответственный

выбор? Что если одна из нас ошибется и приведет кого-то, не удовлетворяющего твоим изысканным вкусам?

– Разумное беспокойство, – согласился Хальтрекарок. – Действительно, ошибки в таких вещах недопустимы. И чтобы их не случилось... да, я одарю вас всех особым Ме.

Демолорд по очереди коснулся лба каждой из жен, и те заморгали, определяясь с новой способностью.

– Это Ме Поиска Красавиц, – объяснил Хальтрекарок. – Оно подсказывает и направляет на тех дев, что во всех отношениях удовлетворяют моим вкусам. Видите, я не отправляю вас на задание без должной подготовки.

Лахджа смерила Хальтрекарока пустым взглядом. Ну да, конечно, для такого-то важного дела у него Ме всегда найдется. Аж четыре штуки создал, не поленился.

Но вслух она сказала:

– Какое полезное Ме. Ты так щедр, мой господин.

– Я знаю, – милостиво кивнул Хальтрекарок. – Поблагодарите меня потом. Можно одновременно, заодно и помириться.

Лахджу охватили смешанные чувства. Делить постель с этими девицами ей не особенно хотелось... да и с Хальтрекароком, в общем, тоже. Честно говоря, она уже давно не исполняла супружеский долг, и ее это несколько не огорчало.

Хальтрекарок после возвращения от Пеймона вообще слегка подрастерял либидо. То ли Князь Тьмы так вытянул из него часть моджо, то ли просто посттравматический синдром.

Лахджа с удовольствием бы провела с ним сеанс, объяснила, что в подобном опыте нет ничего плохого, многие гхьетшедарии с удовольствием это практикуют. Даже без особой тяги – просто ради разнообразия. Такой уж они народ.

Она бы даже слегка смаковала, слушая, как он жалуется на то, что регулярно проделывает с другими сам. Но Хальтрекарок вряд ли сейчас расположен раскрывать кому-то душу. Да и потом вряд ли сподобится.

– Господин, что делать, если у тех, кого мы найдем, уже будут господа? – спросила Ассантея.

– Мне всему вас надо учить? – раздраженно спросил Хальтрекарок. – Разбирайтесь по ситуации.

– Я просто хочу узнать, что мы можем обещать взамен... можем ли вообще что-нибудь обещать от твоего имени?

– Все, что менее ценно, чем новая жена, – отмахнулся Хальтрекарок. – А теперь ступайте – и не разочаруйте меня!

– ...Что я вообще делаю в этом вертепе?.. – бормотала себе под нос Лахджа, таща под мышкой Астрид. Та сегодня была не в настроении сопротивляться и болталась, как мешок с картошкой. – Думаю, нам с тобой надо переехать.

Астрид выдула носом пузырь.

– Присмотришь? – попросила Лахджа, трясая за плечо Сидзуку.

– Я сплю... а, что?.. – с трудом продрала глаза соседка. – Ты куда опять? Все, сваливаешь? Я тогда те вещи, которые ты не успела забрать, заберу себе?

– Если бы я сваливала, то вместе с дочерью. Пока что просто в командировку. Особое поручение Хальтрекарока.

– А, опять... что на этот раз?

– Особое задание. Тебе бы понравилось.

– Это какое? – заинтересовалась Сидзука. – Сокровища пересчитывать?

– Набирать новых жен.

– Понятно. Я с тобой.

– Нет, ты посидишь с моей дочерью. Не хочу, чтобы ее кто-то обижал.

– Да никто ее не обидит, – отмахнулась Сидзука, суя Астрид кусок копченой говядины. – Я лучше тебе помогу!

– Чем, апробацией?

– Да ну тебя! Лахджа, ты слишком самонадеянна! Ты не разбираешься в том, что любит наш господин! – открыла ноутбук Сидзука. – Тебе необходим кто-то с моим опытом и возможностями!

– Он мне выдал Ме со своим вкусом на женщин... кстати, ты соответствуешь.

– Вот уж спасибо, а то я не знала. Куда полетишь?

– В Мпорополис сначала... а там посмотрим.

– Понятно. Я с тобой.

– Сидзука, я не могу таскать с собой другую жену Хальтрекарока! – начала раздражаться Лахджа. – Ме будет все время реагировать на тебя! Это как магнит рядом с компасом держать!

Этот довод оказался непрошибаемым, и Сидзука неохотно отвязалась. Хотя и потребовала хороших омий за работу нянкой. Она не любила сидеть с Астрид... никто не любил сидеть с Астрид. Она кусалась.

– Мое слово вызова ты знаешь, – напомнила Лахджа. – Будут проблемы, сразу призывай.

Она не могла дожидаться, когда Астрид немножко подрастет. Как только та научится внятно говорить, можно будет вручить ей право призыва – и не нужно каждый раз просить Сидзуку.

Конечно, кроме Ассантеи никто пока на Астрид не покушался. Но Кошленнахтум по-прежнему сидит в Туманном Днище, и черт его знает, что творится в его мозгощупальцах. С тех пор, как Хальтрекарок вернулся, он о себе не напоминал, но Лахджа не хотела больше рисковать.

Дворец она покинула с некоторым опасением. Она теперь постоянно его испытывала за пределами гхьета мужа. Все время казалось, что Кошленнахтум следит, подстерегает. Что вот сейчас развернутся порталы, выстрелят клыкастые щупальца...

Она из-за этого даже за Кромку стала ходить реже. Перестала бы ходить совсем, но соблазн оказался сильнее страха.

– Дегатти, не ухмыляйся так самодовольно, – покачал головой Янгфанхофен. – Женщина жизнью ради тебя рисковала.

– Ну я же не знал.

– А если б знал? Отговорил бы?

– М-м-м... но теперь-то я знаю, что он оставил фархерримов в покое.

Паргорон. Есть в нем все-таки какая-то мрачноватая красота, своеобразное темное очарование. Лахджа парила над просторами Мглистых Земель, смотрела на зарницы скрытого за горизонтом Нижнего Света. Внизу пустоши перемежались терниями, кое-где виднелись хутора храков, небольшие леса. Мелькнуло причудливое светящееся здание – усадьба какого-то гхьетшедария.

В Туманном Днище пейзаж стал побогаче, растительности резко прибавилось, а Нижний Свет наконец-то появился на небе сам. Внешней стороне Паргорона освещения не хватает... зато на внутренней его с переизбытком. Это даже на их хозяйстве отражается – на внутренней стороне растут злаки, фрукты, овощи и прочие культуры, которым нужен свет. На внешней в основном занимаются скотоводством, растут мясных гор, мавош, личинок Хлаа и специфические паргоронские корнеплоды, которым свет не нужен.

В латифундии Фурундарока полно и обычных культур, но на то он и Величайший Господин.

Демонам, конечно, необходимы души. Высшие демоны подпитывают так духовную силу и растут в могуществе, а для низших это валюта. Но получать из-за Кромки и все остальные блага им невыгодно, большую часть проще производить на месте. Тем более, что паргоронские сорта растений уже привычны к фоновой скверне, уже не страдают от постоянного воздействия Тьмы. Они уже одемонились полностью или частично.

Так что Паргорон – это такая же цивилизация, как и в обычных мирах, просто со своими особенностями. Потому что все в нем хотят того же самого, что и в родном мире смертной Лахджи. Что-то жрать – и лучше послаще; с кем-то спать – и лучше почаще; работать поменьше – и зарабатывать побольше.

И чтобы не болело ничего.

Лахджа планировала сразу начать с Мпораполиса, нырнула на Призрачную Тропу, но была слишком погружена в свои мысли и перепутала оси. Ей все еще не хватало опыта, она не всегда уверенно ориентировалась в этом надмирном лабиринте.

– Где я вообще? – растерянно моргнула она, выбираясь наружу.

Это явно Туманное Днище, на небе появился Нижний Свет, но судя по его высоте над горизонтом – до Мглистых Земель недалеко. Не в ту сторону пошла... и хорошо хоть, направление в целом верное.

Так что теперь Лахджа летела в Мпораполис своим ходом, но не слишком быстро, не слишком торопливо. Куда ей спешить? Это Абхилагаша сразу забежала, как ошпаренная, пытается теперь выслужиться. Она слишком сильно упала в глазах любимого мужа, ей нужно срочно вернуть его расположение.

А Лахдже, в общем, все равно. Привести парочку тех, кто сам спит и видит, как бы это выйти замуж за демолорда – и довольно. Зарабатывать очки репутации ей не нужно – у нее теперь железная броня. Хальтрекарок, конечно, мудака, но даже он должен испытывать какую-никакую признательность.

Конечно, об этом лучше не напоминать и уж ни в коем случае не намекать на то, что он ей теперь по гроб жизни обязан. Ему явно неприятно вспоминать о том случае – он Лахджу даже чурается. Она теперь часть этой истории, ее лицо пробуждает дурные воспоминания.

Возможно, он все-таки от нее избавится. Но убивать уж точно не станет. Просто передаст ее в полное распоряжение Совнара или вообще отпустит в свободное плавание. Лахджа, вероятно, останется его формальной женой... но в этом нет ничего страшного, лишь бы он потом снова не сделал крутой разворот.

Кстати, надо будет прицениться к квартирам в Мпораполисе. У нее по-прежнему есть доступ к счету мужа, но слишком большой расход вызовет недовольство Совнара. Золотые Холмы ей точно не по карману, а вот какой-нибудь спальный район неподалеку от клиники Зиммизхи будет в самый раз...

Ее мысли прервало странное ощущение. Как будто зов на границе сознания, неслышная музыка... а, точно, это же ее новое Ме. Но до Мпораполиса еще далеко, так что подходящая красавица где-то тут, среди хуторов... да ладно, хрчка, что ли?

Храки довольно стремные. Похожи на крепких рослых людей с синей кожей и головами, вросшими в плечи. Шейные мышцы у них так утопают в плечевых, что шей как будто и нет вовсе.

Но они на самом деле есть, конечно, иначе храки не могли бы и головы повернуть.

Лица у них тоже, кстати, вызывают эффект «зловещей долины». Широкие и лунообразные, похожие в целом на человеческие... но какие-то не такие.

Однако ко всему можно привыкнуть. В гареме Хальтрекарока кого только нет – циклопы, наги, великаны... Храчек у него уже минимум три – в Паргороне это самый многочисленный вид (не считая шуков и паргоронских котят). А раз они самые многочисленные, то и на стандарты красоты сильно влияют. Образцом все равно считается высшая аристократия, и в первую

очередь гхьетшедарии, поскольку они больше всех интересуются половыми отношениями и представителями других видов, но демоны никем не гнушаются.

Многовидовое общество означает широкие вкусы.

Да, сигнал исходил от одного из хуторов. Большого и процветающего. Высились мясные горы, повсюду рос мавош и паргоронская ежевика... хотя она и так везде растет. У храков она вместо плетней.

Во дворе суетился маст. При виде Лахджи он издал прерывистый вой, похожий на клекот птиц и бормотание дельфинов. Ему явно хотелось броситься, цапнуть, но напасть на высшего демона он не дерзнул. Масты – трусливые доходяги, до тех же паргоронских псов им далеко.

На шум вышел хозяин хутора – и оказался типичным храком. Коренастым, упитанным, с тупой рожей, но при этом хитроватыми глазками. Лахджу он окинул взглядом, полным одновременно неприязни, подобострастия и похоти. Склонился низко, но не слишком – ровно настолько, чтобы не обидеть высокую гостью. Прямо до миллиметра рассчитал.

– Барыня, я тупой храк, – представился он. – Ничего не знаю. Ничем не владею. Служу барину Эртугео – злобному и могучему, но заботливому. Чего надоть?

Какой хитрый храк. Лахджа даже развеселилась от такой встречи.

– Здравствуй, добрый храк, – сказала она. – Я жена и эмиссар Темного Балаганщика, представляю здесь его светлую персону, а зовут меня Лахджа.

– Много слышал о тебе хорошего и каждый день пью за твоё здоровье, – с готовностью соврал храк.

Лахджа развеселилась еще сильнее. Но смеха себе не позволила, потому что она тут в роли сватки, так что стоит поуважительней.

– Как тебя зовут-то, храк? – спросила она.

– Бубоч я.

– Гляжу, много скота у тебя, Бубоч.

– Да, немало, – согласился тот. – Но это для храка много, а для аристократа на зубок один.

– У Хальтрекарока тоже стадо есть. Большое. Двести дойных коров машут хвостами. Можно залиться молоком в его доме.

– Что толковать, крепкое хозяйство у Хальтрекарока... – осторожно кивнул Бубоч.

– Но может быть и еще крепче, верно? Вот Хальтрекарок и позвал меня наведни, да и говорит: а сходи, жена моя верная, ты на хутор к храку Бубочу. Прослышал я, есть там то, что мое хозяйство украсить способно.

– А-а-а! – наконец сообразил храк. – Так тебе Сагит надобна!

Лахджа понятия не имела, надобна ли ей Сагит или еще кто. Она даже не была уверена, что сигнал указывает на дочь этого Бубоча – вполне может статься, что и на жену. В этом случае будет некоторый конфуз, хотя вряд ли сильный.

Храки – народ простой. Этот Буба... Бубоч за хорошую цену явно и жену отдаст, а потом еще и хвастать будет, что демолорд пользуется обносками с его плеча. Все завидовать будут.

– Ну это посмотреть надо, посмотреть, – неопределенно сказала Лахджа. – Может, Сагит, а может, и еще кто... А то издадека, со дворца Хальтрекарока, и не разглядишь толком. Покажи свой товар-то, Бубоч.

А Бубоч и рад был стараться. У него аж глаза горели, он явно уже видел себя тестем демолорда. Он почти побежал, дернулся... но тут же спохватился и пошел важно, степенно, вразвалочку.

Так, как должен ходить тесть демолорда.

Но в конце концов все-таки не выдержал, заорал в голос:

– Девки, дочери!!! Быстро сюда!!!

Появление на хуторе высшей демоницы явно заметили все обитатели, потому что храки сразу же повалили из дыр и щелей. Все рослые, крепкие, широкоплечие, все с туповатыми, но одновременно хитрыми рожами. Мужики и бабы, да парочка несовершеннолетних детенышей.

Кроме храков тут оказалась одна радостинка. А через плетень пялились еще и соседи... кстати, надо обратить внимание, сигнал может исходить и оттуда...

А, нет. Нет, слава Древнейшему, она попала правильно. Ме явно указывает на вот эту девушку. Действительно очень красивую храчку – причем явно знающую о своих достоинствах, с уверенной самодовольной улыбкой.

– Как тебя зовут? – спросила Лахджа.

– Сагит, – сказала та, весьма искусно делая книксен.

Сагит была лунолика, как и все храки, кожа скорее светло-голубого оттенка, а круглую голову окаймляли пышные длинные косы. Как и все храки же, она была коренаста, но обводы тела – женственные и привлекательные. Лучший образец своей расы, этакая Елена Троянская от храков.

– Что, Сагит, пойдешь за Хальтрекарока? – спросила Лахджа. – Ты не думай, если ты не хочешь, я ему просто ничего не скажу. Он не прогневается.

У Бубоча аж челюсть отвисла, а пальцы стали на шаривать дубину на поясе. Хальтрекарок-то, может, и не прогневается, а вот он дочери в случае отказа явно выплет по полное число. Демолорды редко ищут невест на хуторах, второго такого шанса не представится.

Но Сагит на отца не смотрела. Она несколько секунд помедлила, пожеманилась для приличия, а потом потупила взор и скромно молвила:

– Что же, пойду.

Упитанная храчка, явная жена Бубоча, всплеснула руками и воскликнула:

– Слава Древнейшему, радость-то какая! Сагит, дура, тащи сундук с приданым!

Сагит умчалась, сверкая пятками. А Бубоч сложил руки на пузе и сказал:

– Ну теперь и отпраздновать можно. Всех соседей созовем ради такого дела. Что, барыня, будешь почетной гостьей?

Лахджа пожала плечами... а чего бы и нет? С храками она еще не бухала, на деревенских пирушках еще не бывала. Даже интересно, как демоны отмечают помолвку.

Почти так же, как люди. Без оргий, как гхьетшедарии, просто очень шумно, очень громко, с огромным количеством угощения и выпивки. Все орали, все пели, случались драки, а какие-то соседи из разных семей, никого не стеснясь, перепихнулись почти за столом.

Бубоч сидел гоголем. Смотрел так гордо, словно это не дочь его, а сам он выходил замуж за Хальтрекарока. Лахдже подливал без устали, все рассказывал о своем хозяйстве, да расхваливал на все лады Сагит. По его словам, такой жены у Хальтрекарока еще не было, потому что второй такой и в целом мире не сыскать.

Он, похоже, давно на Сагит наполеоновские планы строил. Как призовую телку растил, соседских парней орясиной отгонял, планировал выдать замуж за богатого мещанина, а то и аристократа, если свезет... но уж на демолорда-то не рассчитывал, конечно.

– Добрую невесту получит Хальтрекарок, – важно говорил Бубоч. – Дети народятся крупные и сильные. Доволен будет. А он-то жених высокий, уважаемый, богатый. Мы тут к нему со всем почтением. Всегда за его здоровье пьем, особенно по синедням. Я вот только на днях Гесе говорил, говорил, что Хальтрекарок – он барин приличный и щедрый, и коли кого в дом возьмет, то и выкуп даст богатый. Так ли?

– Чистая правда, – согласилась Лахджа, стараясь не засмеяться.

Храки ей даже понравились. Простой деревенский люд, от земли. И тоже произошли от Мазекресс, как и сама Лахджа.

Так что на выкуп она не поскупилась. Благо Совнар разрешил в средствах не стесняться – тут все-таки случай особый, а добровольная и счастливая невеста всегда лучше притащенной насильно.

Никого не смущало, что жених на помолвке отсутствует. Между демолордами и просто-демонами все-таки пропасть, никто и не ждал, что Хальтрекарок явится лично. Что представителем одна из любимых жен – это уже немалое уважение.

Могли и просто какого-нибудь храпоида прислать. Он бы Сагит под мышку – и все на этом. Еще и сам бы по дороге попользовался.

Но приличные баре так дела не делают. Особенно когда берут жену, а не подстилку на пару раз. Лахджа посмотрела на счастливую Сагит, которая уже успела заплести ленты в волосы и переодеться в шелковое платье, и спросила:

– Как думаешь, какого выкупа твоя дочь достойна?

На лице Бубоча отразилась вся гамма эмоций. Он скрывал ее изо всех сил, но маленькие хитрые глазки так и забегали. Лахджа почти видела, как в его голове дрожит стрелочка, колеблется между «не продешевить» и «не охренеть».

– Думаю, такая-то бабца... – охрипшим от волнения голосом сказал Бубоч, так сверля взглядом сиськи Лахджи, словно те могли подсказать ответ. – По крайней мере... п... пя... семь условий!

– А, нормально, – сказала Лахджа, перечисляя Бубочу семь условий.

Гамма эмоций стала богаче. Теперь Бубоч разрывался между счастьем от неслыханной для храка прибыли и осознанием того, что все-таки продешевил. Лахджа так быстро согласилась, что стало очевидным, что она согласилась бы и на куда больше. Хоть на... на пятнадцать!

Пятнадцать условий! От такой суммы у Бубоча аж голова закружилась, и он растерянно уставился в свою пустую чашку. Семь, конечно, тоже очень много, он теперь самый богатый храк в гхьете... но могло-то быть еще больше!

Ладно, ладно. Сагит уж верно не забудет родителей. Вона какой Бубоч ее вырастил – холеной, откормленной. На поденщину не отдавал, хахалей отгонял, лупил по-доброму, потечески.

Пирушка затянулась, она явно грозила длиться не один день, но Лахджа столько пьянствовать не хотела. Она, конечно, никуда не торопится, но Бубоч – не слишком интересный собеседник, все бормочет о своем хозяйстве, о выращивании мавоша, да о том, какая у него мясная гора огромная.

Лахджа даже начала подозревать, что это эвфемизм... но нет, не может быть. Чересчур нагло для храка.

Так что она распрощалась, выдернула из-за стола Сагит, которая тоже уже истомилась, взяла будущую сестру-жену под руку и повела по Призрачной Тропе.

– Комнат сейчас свободных много, – по-дружески наставляла она по дороге. – Мы живем парами, но можно меняться, если хочется.

– Все живут парами?.. – наморщила нос Сагит. – А что это комнат свободных много?

– Все, даже Абхилагаша... интересно, кто у нее в соседках?.. А комнат много, потому что недавно у Хальтрекарока в доме несчастье произошло. Но эту тему лучше не поднимать, чтобы Хальтрекарока не расстраивать.

Сагит кивнула, запоминая каждое слово.

– Смертных обижать не надо, от этого Хальтрекарок тоже злится, – продолжала наставлять Лахджа. – От Абхилагаша держись подальше, она злобная и тупая. К Хальтрекароку сейчас без нужды не лезь, он в последнее время раздражительный немногo. Захочет – сам познакомится. Много для семьи не воруй...

– Для семьи?.. – не поняла Сагит.

– А... ну... не знаю, насколько вы семейственные... бушуки бы воровали... В общем, много не воруй, а то Совнар будет недоволен. С Совнаром старайся дружить. Вообще, поспрашивай у других низших, а то, может, у вас по-другому как-то.

– А сколько всего низших? – спросила Сагит, когда Призрачная Тропа рассеялась, и впереди проявился великолепный дворец.

Лахджа призадумалась. Она не была уверена насчет статистики. Знала, что больше всего в гареме смертных, затем идут низшие демоницы, а меньше всего высших, но вот сколько кого именно... это надо со списком Сидзуки сверяться.

– Может, сорок, – наугад ляпнула Лахджа. – Или пятьдесят. Но там в основном самоталер.

– А, самоталер... – немного приуныла Сагит.

С самоталер сложно соревноваться. Они профессионалки, духи похоти. Быть начинкой гаремов и борделей – это их призвание, они в этом лучшие. Многим никого больше и не нужно, самоталер способны удовлетворить любые фантазии. Они не могут принести только наследников – но далеко не всем демонам нужны наследники.

– Храчки тоже есть, – успокоила ее Лахджа. – Ну вот мы и пришли. Помоги ей устроиться.

Появившийся словно из ниоткуда Безликий кивнул и принял у Сагит багаж. Та зачарованно таращилась на громаду дворца, на окружающую роскошь, на божественной красоты сад и закрывающую полнеба арену с лабиринтом. Выросшая на хуторе, почти ничего кроме него в жизни не видевшая, молодая храчка была заворожена внезапно открывшимися перспективами и старалась впитать в себя все, что видит, слышит и обоняет.

Кажется, эта не пропадет.

Радуюсь, что изменила жизнь девушки к лучшему, Лахджа отправилась искать следующую. И в этот раз она все-таки добралась до Мпорополиса, сразу почувствовав несколько сигналов. Послабее, посильнее, подальше, поближе... у Хальтрекарока высокие требования, но в большом городе им удовлетворяют многие.

Интересно, можно ли как-то настроить это Ме, чтобы сразу отсекал замужних и тех, кто не заинтересован? Первые два раза Лахджа потерпела неудачу – сначала попала на радостинку, счастливую в браке с гохерримом, во второй раз вообще на ларитру. Гохеррим при ее появлении как-то занервничал, а ларитра удовлетворяла вкусам Хальтрекарока идеально, но только вскинула бровь, услышав такое предложение.

– Девушка, займитесь каким-нибудь полезным делом, – дала она совет, отхлебывая чай из чашечки.

– Да я бы занялась, но поручают-то бесполезные, – вздохнула Лахджа.

– Сочувствую, – только и сказала ларитра, возвращаясь к своим бумажкам.

Нет, ларитры – не вариант, хотя многие из них очень красивые. У них это даже не фальшивый облик, как у гхьетшедариев, а просто «шкурка», под которой даже не монстр, а просто ядовитый дым. Иногда они все-таки вступают в брак с другими демонами, но для них это только форма общественного договора.

Потом Лахдже все-таки повезло. Она залетела в восточную часть города, а оттуда было рукой подать до Золотых Холмов. Чудесное местечко – эти Золотые Холмы, Лахджа с удовольствием снова туда заглянула. Тут словно и вовсе не Паргорон – травка растет, птички щебечут, порхают паргоронские котята с бантиками... их тут держат вместо питомцев, умиляясь тому, какие они пакостные.

Лахджа прошла мимо особняка, который в прошлый раз чуть не утянул в портал Кошленнахтум. За минувший месяц его успели подремонтировать, но он все еще был не в лучшей форме. Демонице потом действительно пришлось явиться в суд, а поскольку иск был аж против демолорда, дело вела дама Уннар Лим, глава юстиционного корпуса.

И всем там было наплевать, что Кошленнахтум охотился за Лахджой, что он пытался убить Лахджу. И что он походя разрушил дом какого-то бушука, тоже всем было наплевать. Омерзительный Господин просто заплатил виру Хальтрекароку и возместил убытки бушуку.

Тут вообще живут в основном бушуки. Повсюду их уютные маленькие домики с палисадниками и цветниками. Кажется, и сигнал исходит откуда-то отсюда... но не бушучка же его источник?.. Эти карлицы не во вкусе Хальтрекарока, хотя они и без труда меняют внешность...

Ладно, может, просто служанка или чья-то наложница. Уговорить переуступить не будет сложно, у бушуков все всегда упирается в размер суммы.

И Лахджу ожидал приятный сюрприз, потому что ее целью оказался дом банкира, причем ее старого знакомого.

– Ой, ну разве это не моя старая знакомая? – прозвучал скрипучий голос Бхульха, Великого Ростовщика. – Какими судьбами, дорогая? Снова что-то выкупить или, быть может, интересуется заем?

Бхульх жил в большом особняке. Не таком, конечно, как у Хальтрекарока, но тоже внушительном, богатом. Слуг он держал целый штат, но за обширным садом любил ухаживать лично – Лахджа застала его у розовых кустов. Один из самых могущественных демонов Паргорона щелкал ножницами, обрезая стебли.

С одной стороны Лахджа обрадовалась знакомому лицу. С другой... переговоры станут трудными. Бухгалтер самого Корграхраэда – это вам не какой-то храк, его дочь за семь условок не купишь. А уж если это не дочь, а жена, станет совсем неловко.

Она решила сразу взять быка за рога и честно, проникновенным голосом сказала:

– Господин Бхульх, в вашем доме есть женщина, которую хочет взять в жены господин Хальтрекарок.

– Да-а-а? – случайно отрезал не тот стебель Бхульх и раздраженно щелкнул пальчиками, слегка отматывая назад время. – И кто же эта счастливица, позвольте спросить?

– Я... не знаю. Мой господин дал мне способность чувствовать, где я могу найти невест для него, и это Ме привело меня сюда.

– Любопытно, любопытно. Значит, ты сразу и жена, и сваха! Любопытно!

Бхульх пристально уставился на Лахджу, и та почти услышала щелканье счет в его голове. Банкир явно прикидывал, куда это дело может привести и что с него можно поиметь.

– Ну что же, – вздохнул он, развоплощая ножницы. – Пойдемте, дорогая, попьем чаю... или кофе?.. Что предпочитаешь, чай или кофе? Чай, кофе, какао, травяные сборы, молоко коровье, молоко козье, молоко человеческое... кровь, может?.. Некоторые любят... Совита вот, например... нет?.. Ладно...

Лахджа поняла, что переговоры затянутся.

Стол был огромным, а Бхульх – маленьким. За столом сидели только они двое, на стене постукивал времярез, под ним шеренгой стояли пятеро Безликих, а еще двое без усталости обновляли напитки. Сам Бхульх все еще цедил первую чашечку, то и дело обмакивая в нее кусочек сахара, а вот Лахджа выдула уже литра три чая, кофе, какао и еще чего-то неопознанного, но очень сладкого и ароматного. Просто от нечего делать.

Бхульх почему-то тянул время. Говорил о каких-то пустяках, обсуждал всякие сплетни, рассказывал о каком-то своем новом талантливом сотруднике, который тоже вот, возможно, скоро породнится со старым Бхульхом...

– А как там дела у дражайшего Хальтрекарока? – спросил он как бы между делом. – Мы все переживаем за его здоровье. Корграхраэд каждое утро меня спрашивает: что же, Бхульх, не слышал ли ты чего о Хальтрекароке? Беспокоюсь, говорит, за него, переживаю. Говорят, погрузнел он в последнее время. Посмурнел. Озлился... нет?.. С чего бы все это... ему надо себя побережь.

– Возможно, новая жена – это как раз то, что ему сейчас нужно, – улыбнулась Лахджа. – Добрая и ласковая, способная утешить страдающую душу.

– Уверен, ты очень скоро такую найдешь, дорогая, совершенно уверен. А что же там Совнар, мой дорогой друг? Как у него дела, как он поживает?

– Хорошо, хорошо...

Лахджа не знала, какие отношения связывают Бхульха и Совнара, и не хотела погружаться в незнакомые воды.

– Говорят, работы ему привалило в последнее время, – поцокал языком Бхульх. – Может, ему помощь нужна? Сразу два таких клиента – это же такой стресс, такой стресс... Он справляется ли вообще? Давно говорю – оставь ты себе одного, а второго передоверь кому-нибудь. Вот Фурундарок – такой отличный клиент, так уважает Совнара, ну и сосредоточился бы полностью на нем. А Хальтрекарок... чудесное же дело будет, если будет у него личный бухгалтер, да чтобы понимал его... специфику. Вот, например, замечательно, когда твой бухгалтер – это еще сразу и твоя жена, которая твои интересы как свои соблюдает...

Лахджа напряженно размышляла, как сказать, что Хальтрекарок вряд ли заинтересуется бушучкой. Даже если та окажется лучшим финансистом в галактике.

К тому же перед глазами у нее уже появился Совнар. Она представила его реакцию, и по спине пробежал мороз.

– Боюсь, обсуждение подобных вопросов выходит за пределы моих полномочий, – осторожно сказала она. – Мне поручили найти всего лишь невесту.

– Ты права, выбор бухгалтера – вопрос гораздо более важный, – согласился Бхульх. – Ну что же...

– Может, выясним для начала, кем вам приходится потенциальная невеста? – попросила Лахджа. – А то вдруг это ваша жена? В этом случае я просто выйду за дверь и расстанемся друзьями.

– Ой, да бросьте вы, бросьте! – замахал руками Бхульх. – Да договоримся как-нибудь! И думаю, что не жена, нет. Сейчас, сейчас, моя дорогая.

Он похлопал в ладошки, и столовая стала заполняться особами женского пола. Тут были и служанки, и разные родственницы Бхульха, и какие-то приживалки, и несколько обязательных самоталер...

А впереди всех – две его жены и несколько дочерей.

Как и у храка Бубоча, жены были разных видов. Одна – пышно разодетая бушучка с прической а-ля фонтанж, вторая... вторая оказалась гхьетшедарием, что Лахджу немного удивило.

Хотя ничего удивительного тут нет. В Паргороне такое распространено, они явно тяготеют к патриархату. Мужские гаремы тут тоже встречаются, у тех же Совиты и Дибальды, но если брать по средней температуре, то преобладают все-таки женские.

Попадаются и однолюбы, конечно, и принципиальные холостяки. И есть промежуточный вариант – две жены. Одна для потомства, вторая... вторая для других целей.

И да, жена-бушучка тоже была привлекательна по меркам своего народа, но, конечно, не могла сравниться со второй женой. Гхьетшедарии, с их специфическим взрослением, обычно стараются привести тело в идеальное состояние – ведь такими они остаются потом вечно. Так что они в большинстве своем юны и прекрасны, исключения вроде Фурундарока и барона Динта – это крайности, аномалии.

И у этой женщины тоже оказалась дочь. Вайли, наполовину бушучка. Похожая на Ассантею, только миниатюрная, субтильная, востроносая.

– Давно хочу спросить, – перебил Дегатти. – А что вообще означает слово «вайли»?

– На старопаргоронском это означает что-то вроде «выблядок», – ответил Янгфанхофен. – Только уважительный вариант.

– У этого слова может быть уважительный вариант?..

Мать и дочь стояли близко друг к другу, и Лахджа никак не могла понять, на кого реагирует ее Ме. Даже испугалась, что на обеих, что сигнал двойной. Конфузная будет ситуация, конечно...

– А... не могли бы вы разойтись... пожалуйста? – попросила она. – Ме не может определиться...

– А что происходит? – слегка наигранно спросила гхьетшедарийка, немного отлетая в сторону.

И... да, Ме реагировало на обеих. Лахджа поймала пристальный взгляд Бхульха, представила все возможные сложности и уверенно указала на дочь.

– Мой господин Хальтрекарок поручил мне сделать вам официальное предложение руки и сердца, – сказала она.

– А, вот как... – чуть жеманно протянула вайли. – Как любопытно, папенька. Мы же только днями глядели шоу Хальтрекарока и я, помните, вот помните же, сказала, что каков же этот Хальтрекарок красавчик из себя, преудивительно хорош, ведь помните? Какое удивительное совпадение!

– Нет, не помню что-то, – задумчиво сказал Бхульх.

– Вот и я не помню, – согласилась вайли. – Видать, и не было ничего.

Да, это вам не Сагит, дочка какого-то хуторянина. Тут серебряная ложка во рту, дочь банкира, аристократка. Конечно, не чистокровная, а вайли, они котируются чуть ниже, но тем не менее полноценное третье сословие, самую малость ниже самой Лахджи... да и ниже ли?.. Она давно не числится любимой женой, прошли ее триумфальные годы... да ну и слава Древнейшему.

Жены Бхульха уселись по обе стороны от мужа и принялись выяснять, что к чему. Все были в курсе недавней ситуации и прекрасно смекнули, с чего это вдруг Хальтрекарок пополняет гарем таким слепым методом.

– Ну не знаю, дело-то деликатное... – протянула Ватиша, бушучка.

– Да, мы, знаете, нашу доченьку-то столько лет растили, воспитывали... – согласилась Гхедамна, гхьетшедарийка.

– А вы с улицы заходите и нате здрастье, подавайте нам невесту!

– Нет-нет-нет, тут надо все как следует обсудить, как следует обдумать!

Бхульх сидел меж своих жен довольный-предовольный и макал в чай теперь уже сухарик. Вокруг Лахджи расселись бушуки всех полов и возрастов – они сверкали красными глазками и вполголоса тараторили друг другу на ушко.

А потенциальная невеста скромно стояла в уголке и ожидала, пока родня продаст ее как можно дороже. Вайли, в силу стерильности, обычно как-то так и используются. Вторые и третьи жены, наложницы, да и просто любовницы.

А еще чаще они просто занимаются чем-то своим. Дети гохерримов часто служат в легионах, дети бушуков – по финансовой части. Бывают они и землевладельцами, как гхьетшедарии. Вайли очень универсальные демоны, их таланты весьма разнообразны.

– Предложение не самое плохое, – вкрадчиво сказал Бхульх, поправляя пенсне. – Но вот что меня беспокоит. Несерьезный подход.

– Несерьезный, – согласилась Ватиша.

– Несерьезный, – закачала головой Гхедамна.

– Да кто же просит вас соглашаться прямо сейчас?.. – развела руками Лахджа.

– Нет-нет-нет. Понимаете, барышня, я бушук старых нравов. Я, знаете ли, второго поколения, меня еще Мазед на руках качал. И во времена моей молодости от жениха ожидали большей... заинтересованности. Ему следовало как-то... обворожить избранницу. Либо долго

и... м-м!.. Искусно ухаживать, либо выкрасть и пытаться, добиваясь взаимности, либо, в конце концов, применить интриги и шантаж, войти в семью, стать членом клана. Ну или, в конце концов, пошло выкупить. Но все эти способы объединяет одно – жених испытывает влечение и готов ради успеха стараться...

Бульх ласково положил одну ладонь на руку Ватише, другую – Гхедамне.

– Меня получили интригами... – ностальгически вздохнула Ватиша. – Бхульх сделал папеньке особое предложение, скупил все его активы по дешевке, сделал почти нищим, а потом... ах... он предложил ему расплатиться единственной дочерью... это было так мило...

– А меня пытали... – чуть криво улыбнулась Гхедамна. – Помнишь, милый? Ты выкрал меня и долго держал связанной. Я все терпела, не хотела выходить за карлика. Но когда он запустил голодных жуков мне под кожу... я сказала «да»...

– Вот видите, – укоризненно сказал Бхульх. – Это старые традиции Паргорона. Классика. Любовь, замешанная на ненависти. А теперь что? Что делаете вы? Прислать одну жену сватать другую жену... это что? А если я скажу «нет»... если моя кровиночка скажет «нет»... вы развернетесь и уйдете?.. И все на этом?.. Где влечение, где заинтересованность? Я ждал от Хальтрекарока большего.

– Видно, верно про него говорят в последнее время... – подала голос невеста.

– Что говорят? – прищурилась Лахджа.

– Да так, ничего...

Лахджа вздохнула, глядя в хитрющие глазки банкира. Вокруг перешептывались бушуки. Демоница постучала пальцами по столу, отхлебнула еще какао и сказала:

– Ну допустим, вы скажете «нет». Потом я иду к мужу и говорю: мой дорогой муж, демолорд Хальтрекарок, от твоего имени я предложила твою руку и сердце банкиру Бхульху...

– Гхм!.. – вскинул палец Бхульх.

– Дочери банкира Бхульха! – поправилась Лахджа. – И мне сказали «нет». Что произойдет, господин банкир? Допустим, Хальтрекарок добродушен и легкомыслен... как мужчина. Но что он должен сделать как демолорд? В этой ситуации.

– Вот, – широко улыбнулся Бхульх. – И вот уже у нас начались шантаж, угрозы... вот теперь я вижу, что вы заинтересованы... вы, а не ваш муж, но... полагаю, времена нынче уже не те, на большее рассчитывать нечего... давайте сразу поговорим о выкупе.

– Семь условий устроит? – уже слегка раздраженно спросила Лахджа.

– А вот это оскорбление, – ласково сказал Бхульх. – Я вам кто, храк вонючий? Но я вас понимаю, вы начали с минимальной планки. Все-таки, конечно, она всего лишь вайли... не корчи рожу, дочь! Нет-нет-нет, конечно, не семь условий. И не семьдесят. И не семьсот. Поймите, дорогая, тут нет какой-то фиксированной ставки. Нам нужны не столько деньги, сколько хорошие взаимоотношения, взаимные уступки, крепкие связи... а все эти условия – что с них?.. Они тлен, мусор!.. Сегодня есть, завтра нет!..

Из уст бушука это прозвучало так лицемерно, что Лахджа лишь с великим трудом сдержала хохот. А другие и вовсе не сдержались – послышались смешки, сдавленное хихиканье. Гхедамна громко фыркнула.

– Мы же не должны остаться внакладе, – преспокойно продолжал Бхульх. – Отдавать свою кровиночку за Хальтрекарока... Признаться, я уже все просчитал и намерен выдать ее за господина своего Корграхраэда. Одного из большой четверки, сами понимаете. А Хальтрекарок... ну он, без обид, из демолордов второго звена. Не нашего полета птица. Да и вспомнить опять же эту недавнюю историю...

– Не будем ее вспоминать, – с нажимом повторила Лахджа. – Мало ли к чему это может привести. Думаю, ни к чему хорошему. Мы можем и не договориться, но ругаться из-за ерунды нам точно не стоит.

– Да, вы правы, конечно, вы правы. И все же!..

– Папенька, ну что вы, в самом деле! – не выдержала сама невеста. – Корграхрадэаэ все равно мной не заинтересован, и хорошо! Я могу себе позволить выйти, за кого хочется! А хочется за неугомонного красавца...

– И это все равно будет удачный брак, – сказала Гхедамна, с опаской косясь на Лахджу. – Породниться с внуком Оргротора для нас весьма почетно.

– Тише, мои дорогие, тише, – улыбнулся Бхульх. – Сейчас мы обо всем договоримся ко всеобщему удовлетворению. Налейте-ка нам всем еще чайку... и принесите тортик.

Лахджа мысленно застонала. Торг будет долгий и беспощадный. А ведь она могла просто прогуляться по рынку, найти там какую-нибудь сисястую торговку арбузами... Хальтрекароку будет похер, абсолютно похер! Ему не нужна дочка банкира!

Нет, конечно, дочь титулованного аристократа – это дочь титулованного аристократа. Это сразу уважение, это плюс один к статусу. Пусть и вайли, но все-таки дочь банкира. Абхилагаша на говно изойдет. Она, конечно, дочь двух демолордов, такое не переплюнуть, но все равно появится еще кто-то с высоким происхождением.

На данный момент кроме самой Абхилагашы в гареме всего две «аристократки с плюси-ком» – баронская дочка Лаиссална, да еще сама Лахджа, признанная дочь Мазекресс. Но с детьми Мазекресс немного сложно, она их может плодить в несметных количествах, так что аристократия из них такая, с натяжкой.

А ведь и правда... еще одна жена с высоким происхождением – это лишний узел напряженности. Хаоса и вражды. Зачем кому-то эти проблемы?

Например, тому, кто предпочел бы перевести стрелки ненависти с себя на кого-то другого...

– А впрочем, я тут подумала, господин Бхульх... – задумчиво произнесла Лахджа. – Породниться с вашим семейством, конечно, и почетно... но как опасно! Эта ваша репутация! Эти ваши козни! Вводить кого-то из вашей семьи в общество Хальтрекарока – это допустить ваше возможное влияние на него... Ой, что же я творю, зачем же я... Надо пойти, пока я не натворила дел... Совнар меня так заругает за такую неосторожность, так заругает... Извините, что побеспокоила!

Лахджа преувеличенно всплеснула руками, вскочила из-за стола и быстро пошла к выходу.

Двери захлопнулись прямо перед ее лицом.

– Ну зачем же так... – сердито произнес Бхульх. – Ну какие козни, мы же все будем одной большой дружной семьей... Я понимаю, чего вы пытаетесь добиться, но давайте без этой театральщины.

– Папенька, я думаю, мне нужно лично поговорить с Хальтрекароком, – беспокойно сказала невеста. – Самой. Как можно скорее. В конце концов, смотрины нашего уровня надо устраивать в присутствии жениха.

– Я бы предпочел обговаривать все с его родителями... – проворчал Бхульх. – Ах, я помню Аркродарока – какой был почтенный гхьетшедарий... Старший сын Оргротора, лучший из своей расы... Демон большого ума и гордыни... Да что сказать, лучше б за него тебя и выдал... кабы Солнцеликая Стерва не оборвала нить его жизни...

Гхедамна за спиной Бхульха переглянулась с Ватишей. Мать и мачеха одарили Лахджу снисходительными улыбками, и та нервно заерзала. Да, паргоронский банкир – это совсем не то же, что храк Бубоч.

И смотрины действительно затянулись на много часов. Бхульх то и дело вскидывал когтистые ручки, взывал к Древнейшему, который умер и не видит, во что обратилась паргоронская молодежь. Негодовал на Лахджу, которая смеет заявляться тут и предлагать замужество лишь на том жалком основании, что ее сюда привело какое-то Ме.

Впрочем, Гхедамна и Ватиша тем временем собирали дочь и падчерицу в дорогу. На самом деле, конечно, все уже было решено, просто Бхульх выторговывал максимум возможного. Лахджа еще несколько раз вскакивала, пыталась уйти то в дверь, то в окно, делала вид, что призывает Совнара, а один раз действительно к нему воззвала, но ответа не получила, а Бхульх при этом напрягся и принялся закручивать пространство.

Вляпалась, как же она вляпалась. Возможно, Совнар и правда даст ей по шапке...

Но было уже поздно. Даже если она все-таки прервет сватовство, эта приткая вайли сама заявится вместе со всей родней – а Хальтрекароку достаточно ее увидеть. Хальтрекароку достаточно увидеть любую девицу в его вкусе – и он уж не удержит своего дружка.

Но в конце концов это непонятное полуторжество-полускандал закончилось. Бхульх пообещал, что лично доставит невесту Хальтрекароку, чтобы все прошло, как полагается. Лахджу проводили всем выводком, снабдив наилучшими пожеланиями, сдержанными благодарностями и напускными возмущениями. Бхульх стонал, как же он все-таки прогадал, как же глупо было с его стороны соглашаться на такой невыгодный брак, но судя по блеску в уголках глаз, старый банкир был несказанно счастлив, что пристроил свою полукровку.

В конце концов, демолорд – это демолорд. Да, место в гареме – это не место первой и единственной супруги, но у кого из демолордов жена всего одна? Да и место старшей жены вайли не светит, детей-то она не принесет.

Из особняка Бхульха Лахджа вышла усталой и сбитой с толку. Словно только что пробежала марафон, во время которого ей все время орали в уши. А теперь надо искать следующую жену, потому что всего их нужно двадцать шесть, и будет совсем неловко, если она приведет всего двух.

Пусть будет хотя бы три, чтоб проиграть с не совсем разгромным счетом.

Кстати, вот и еще один сигнал. Яркий, совсем близко... и приближается! Отлично! Лахджа расправила крылья, ринулась вперед... и почти сразу же затормозила.

Сигнал тоже затормозил, оказавшись Ассантеей. Демоницы уставились друг на друга: Ассантея с лукавой полуусмешкой, Лахджа с холодным взглядом и тонкой ниткой рта.

– Я так понимаю, в особнячок Бхульха мне можно не заглядывать? – спросила Ассантея.

– Только если хочешь потерять время, – сухо ответила Лахджа.

– Мило с твоей стороны предупредить. Отвечу тем же – в Золотых Холмах можешь больше не искать. Тут было всего четыре подходящих незамужних... пять, если считать ту, что сосватала ты.

– И ты... их всех?..

Ассантея с деланной скромностью дунула на свои ногти. Лахджа поняла, что пока она бухала с храками и точила лясы с Бхульхом, остальные сильно оторвались. Ассантея, конечно, поступила умнее всех и сразу полетела в Золотые Холмы с их великолепными усадьбами и цветником аристократии.

Ну что ж, не одними Золотыми Холмами жив этот мир.

– Знаешь, мне кажется, двадцати шести невест не хватит, – кинула ей вслед Ассантея. – Нужно собрать двадцать семь.

Лахджа замерла и развернулась. Вайли стояла на воздухе, улыбалась и отрывала лепестки олеандра.

– Думаешь, нас может стать меньше? – медленно спросила Лахджа. – Знаешь, меня тоже в последнее время преследует это ощущение...

– Возможно, это твоя интуиция, Лахджа. Признаться, я тебе аплодирую. Ты такая смелая, так бесстрашно гуляешь по Паргорону... я тобой восхищаюсь.

– Лучше страшный конец, чем бесконечный страх, – только и сказала Лахджа, поднимаясь в воздух.

Ей не понравились эти гнилые намеки. Что это значит – «двадцати шести не хватит»? На что Ассантея так намекает? Она явно что-то замыслила и уверена в успехе – а значит, ухо надо держать востро.

Но незримые опасности не отменяют задания Хальтрекарока.

И Лахджа вернулась в Мпораполис.

Какой же это все-таки огромный город. Демоны, демоны, куда ни глянь – демоны. Самые разные, местные и иномирные... но местных больше, конечно. Настоящий плавилиный котел, несметное множество существ самых разных видов. Погода в Мпораполисе радует редко, здесь почти всегда сыро и слякотно, часты дожди, то и дело случаются грозы – но есть в этом свое очарование.

– Какое? – саркастично спросил Дегатти.

– Уютное, – ответил Янгфанхофен, протирая тарелку. – Когда сидишь в кресле с чашечкой какао или стаканчиком виски, а за окном льет дождь и гремит гром...

– Ладно, понял.

Лахджа в кресле не сидела, но охотно бы зашла под крышу. Однако большинству прохожих было явно наплевать, что они идут словно под душем. Демоница шагала по бескрайнему рынку, с любопытством разглядывала прилавки и прислушивалась к сигналам от потенциальных невест.

Сигналов было много. В Мпораполисе сто миллионов жителей, выбор огромен. Но именно поэтому было так сложно сосредоточиться, выбрать самый яркий и близкий.

В Золотых Холмах как-то попроще получалось.

О, вот достаточно яркий. Лахджа почувствовала его совсем близко, прошла пару сотен метров и оказалась у небольшой старинной лавки. Внутри никого не было, ярко пылал очаг, а на прилавке лежали детские игрушки – причем даже не проклятые, судя по всему. Лахджа сразу присмотрела для Астрид очень симпатичного набивного дракончика.

– Почему?... – окликнула она.

Из мастерской вышла хозяйка – перемазанная краской и опилками демоница. На ходу вытирая лицо, она бросила взгляд на дракончика и сказала:

– Десять эфиров. Ручная работа.

Десять эфиров за всего лишь игрушку – это немало. Но если это авторский продукт от высшей демоницы, то наоборот, очень дешево. Лахджа даже снова пригляделась к дракончику на предмет проклятий, изъянов и подвохов – но вроде бы чисто.

– Беру, – сказала она, мысленно давая команду заплатить.

– Что-нибудь еще желаете?

– Да... – кивнула Лахджа, меряя взглядом хозяйку лавки.

Да, это явно источник сигнала. И она точно понравится Хальтрекароку – таких у него еще нет.

Высшая демоница, безусловно. Типа вайли... но нет, не совсем. Вайли – это смесь гхьетшедария с кем-то. А тут, кажется, полугохерримка-полу... иззакромчик. Как Ключерштатен, только от второго родителя достались гены поудачнее.

Хозяйка лавки походила не то на райскую птицу, не то на декоративную рыбу. Сама выглядела как сложная резная игрушка со всеми этими ее ажурными перышками, прихотливым рисунком кожи, пушистым хвостом и копной бело-розового пуха вместо волос. Руки и ноги покрывали мелкие чешуйки, пальцы оканчивались острыми когтями, но личико было вполне девичьим и удивительно хорошеньким.

От гохеррима она получила только пару изящных рожек – но в ауре отчетливо видны признаки. То ли какой-то легионер соблазнил залетную красавицу, то ли бравая охотница при-

несла из-за Кромки сувенир. У гохерримов такие полукровки не редкость, они любят путешествовать и заводить знакомства.

– Путешествовать. Заводить знакомства. Насаживать на вертел козлов и гусей, – задумчиво произнес Бельзедор.

Дегатти невольно прыснул.

– Так, я вас обоих сейчас выкину отсюда, – пригрозил им вертелом Янгфанхофен.

– Привет, кстати, – поздоровалась Лахджа. – Как тебя зовут?

– Привет, – кивнула хозяйка. – Люкреза. А ты... ты дочь Мазекресс?.. Очень, очень приятно. Еще что-нибудь купишь?

Игрушки у Люкрезы были шикарные... и недорогие. В другое время Лахджа набрала бы целый мешок. Но сейчас у нее были другие цели – и она решила сразу перейти к делу, потому что Ассантея уже сильно опережает.

– Люкреза, я задам тебе нескромный вопрос – ты замужем?

– Нет, – ответила та, окидывая Лахджу подозрительным взглядом. – Но я не по девочкам.

– Нет-нет-нет, я не это имела в виду. Просто мой муж ищет новую невесту... а ты, я бы сказала, очень в его вкусе.

– Ага... а кто у нас муж?

– Хальтрекарок. Слыхала о таком?

Люкреза, конечно, слыхала. Любой демоненок не сходя с места перечислит всех демо-лордов. Но такое внезапное предложение... на лице хозяйки лавки отразились смешанные чувства. Она вроде и обрадовалась, но не слишком сильно.

– Лестно... – пробормотала она. – Но... даже не знаю. У меня тут свое дело, я люблю делать игрушки... ой, я так это люблю...

– Да он не будет тебе мешать этим заниматься! – заверила Лахджа. – У нас у всех есть хобби! Я вот тоже люблю всякое... вырезать...

– Я тоже обожаю вырезать! – закивала Люкреза, крутя в руках деревянную болванку. – Знаешь, руки так и тянутся! Нет, если Хальтрекарок мне этого не позволит, то я не хочу, нет. Мне... мне очень нравится моя нынешняя жизнь...

Лахджа поглядела на девушку с симпатией. Вот – демон, а нашла свое призвание, приносит пользу, занимается творческим трудом. Дарит детям радость.

– Он не будет мешать, – повторно заверила она. – Напротив – у тебя будет больше средств для твоего дела.

– Да, но для кого я там буду... это все?... – окинула взглядом свои товары Люкреза.

– У Хальтрекарока полно детей. Моя дочка будет рада твоим игрушкам. А кроме того – ты же не обязана все время сидеть во дворце. Лавку тебе позволят сохранить... я думаю.

Люкреза задумалась, продолжая крутить болванку. В алых глазах отражалось сомнение.

– Я даже не знаю... – повторила она.

– Слушай, у Хальтрекарока много жен, не спорю, – торопливо заговорила Лахджа. – Не буду скрывать – он чисто физически не может одарять вниманием каждую. Это, конечно, недостаток... но в то же время и достоинство! Для занятой женщины! Наш муж легкомыслен, но весел нравом и очень либерален! С ним ты ни в чем не будешь себе отказывать, и он не будет требовать у тебя слишком многого, оставив тебе полно времени для работы и хобби!

– Как я могу тебе верить? – все еще сомневалась Люкреза. – Ты вот его жена... жена ведь?... И чем ты занимаешься? Ищешь самой же себе соперниц. Не похоже это на занятие по душе...

– Хальтрекарок такой замечательный, что мне только в радость ему услужить, – почти не фальшиво сказала Лахджа. – А ты судишь по тому, чего не знаешь. И потом – он ведь чудо как хорош собой!

– Я... мне... мне надо увидеть его самой! – решительно сказала Люкреза. – Отведи меня к нему, и пусть он подтвердит, что это все взаправду, а не какой-то злой розыгрыш! Меня... знаешь, меня уже... я полукровка, со мной иногда плохо обращаются...

– Я бы никогда не стала, – заверила Лахджа. – Мне нравятся полукровки. И Хальтрекароку нравятся.

Игрушечница вытерла руки, почистила перья, потом встряхнулась всем телом – и словно засветилась изнутри. Каждая чешуйка, каждая пушинка засверкала многоцветной радугой – и она совсем стала похожа на райскую птицу.

Да, за такой подгон Хальтрекарок точно простит Лахдже... то, на что он обиделся. Черт его знает, что.

– Ты ведь проводишь меня? – прильнула к ней Люкреза. – Одна я не пойду, я не посмею.

– Конечно, конечно, – пообещала Лахджа, раскрывая Призрачную Тропу.

Дорога была уже знакомой, и добрались они быстро. Люкреза так прижималась к Лахдже, что та слегка усомнилась в ее «я не по девочкам». Даже ее хвост обвился вокруг хвоста Лахджи.

Хотя она могла просто бояться заблудиться. Демоница-то молодая и неопытная, сразу видно.

Храчку Сагит Лахджа просто передала ближайшему Безликому. Но Люкреза была высшей и очень хотела быть лично представленной. У нее ведь нет ни свиты, ни защитников – она может надеяться только на слово и подтверждение Лахджи. Да та и сама хотела помочь – ей сразу понравилась эта девушка, она надеялась в дальнейшем с ней дружить.

А то у нее среди демониц ни одной нормальной подруги. Гхьетшедарийки ее открыто презирают, а Нагалинара не видит в ней достойного противника, а значит – и достойного друга.

Лахджа надеялась сойтись с Ассантеей, но та плюнула в протянутую руку.

Ну а низшие демоницы... с ними не получается. Они слишком привыкли смотреть на высших снизу вверх, так что ведут себя фальшиво и подобострастно. Так же, как сама Лахджа ведет себя с Хальтрекароком.

– Люкреза... – сказала она. – Необычное имя. Не гохерримское.

– Батюшка дал, – потупилась Люкреза. – У тебя тоже необычное.

Лахджа хотела расспросить подробнее, откуда Люкреза такая взялась, как выглядел ее батюшка и чем он занимается в Паргороне, если здесь живет... и если вообще жив. Но тут они как раз пришли в бани, где расслаблялся Хальтрекарок.

– Что такое, я за... хотя не так уж и занят, – живо заинтересовался он Люкрезой. – Лахджа, кого ты мне привела?

– Это... новая невеста, – быстро ответила Лахджа. – Она так восхищена тобой, мой господин, что очень хотела немедленно тебя увидеть.

– Похвально, похвально! – обрадовался Хальтрекарок, взмывая в воздух. – Я чувствую сердечный трепет! Хвалю, Лахджа, ты безупречно выполняешь свое поручение! Подойди ко мне, моя новая любовь, я желаю скорее скрепить с тобой брачные узы!

Потупившаяся Люкреза подошла ближе, прикрывая грудь и чресла. Даже удивительно видеть такую стеснительность в демонице. Как будто она тоже бывшая смертная или среди смертных воспитывалась.

Или... а она точно чистокровный демон?.. Может, ее отец был небожителем? Ангелом каким-нибудь, херувимом? Тогда все сходится – творческие увлечения, скромный нрав... перья.

Хальтрекарок зря времени не терял. Он обнял Люкрезу сильными руками, шепнул ей на ушко что-то ласковое и порочное... а его фаллос уже был в полной боевой готовности.

Гхьетшедарию много времени не надо, для них это даже более нормальное состояние, чем покой.

– Ты сама прелесть, – сказал Хальтрекарок, нежно обвивая невесту руками. – Откуда ты, не из сальванских ли куш? Как твое имя, любовь моя?

– Люкреза Штент, – прощепетала демоница.

Лахдже что-то показалось знакомым... но она не успела понять. Хальтрекарок стиснул упругую ягодицу, приник устами к устам Люкрезы... и тут словно сменились кадры. Вместо экзотической красавицы в объятиях демолорда оказалось нечто мохнатое, рогатое, с козлиной мордой...

– БЭ-БЭ-БЭ-БЭ!!! – заорало оно, телепая длиннющим языком.

– КЛЮЗЕРШТАТЕН!!! – с отвращением оттолкнул его Хальтрекарок.

– Ну зачем же ты отвергаешь меня, Балаганщик?! – глумливо заблеял Хромец. – Я уже так разомлел в твоих объятиях! Понимаю, я не так хорош, как король Пеймон...

Хальтрекарок едва не взорвался от злости при звуках этого имени. Он мелко задрожал, его лицо исказилось в ярости, он почти начал принимать истинный облик... о, в какое он пришел бешенство...

И хуже всего – изрядная его часть была обращена к Лахдже. Хальтрекарок бросил на нее один-единственный взгляд, но обещал он такие кары, что Лахдже захотелось превратиться в таракана и прожить остаток жизни где-нибудь под половицами.

– Ключерштатен... – процедил сквозь зубы Хальтрекарок. – Это... не смешная... шутка...

– Тогда почему я так смеюсь?! – хлопнул себя по колену Ключерштатен. – Но мне кажется, нам стоит продолжить рандеву! У нас же так все хорошо начиналось! Лахджа, иди к нам! Ты была права, это и правда потешно!

– Я... я не говорила... – залепетала Лахджа. – Я не знала...

– Ну-ну, незачем скромничать. Отличная была идея, прекрасный розыгрыш!

Хальтрекарок резко повернулся к Лахдже. Его губы разомкнулись, рот почти распахнулся... Лахджа пришла в дикий ужас... она поняла, что глядит в лицо смерти...

Времени на раздумья не было. Демоница сорвалась с места, подлетела к Ключерштатену и вlepила ему пощечину. Вложила в нее всю накопившуюся злобу.

Демолорда это не убило – он вряд ли даже боль почувствовал. Но его голова все-таки мотнулась, а в глазах отразилось удивление.

И что гораздо важнее – Хальтрекарок тоже удивился и закрыл рот.

– Господин мой, поверь мне!.. – взмолилась Лахджа. – Это же Ключерштатен, он...

– Она, – поправил Ключерштатен. – Уважай мое самоопределение.

Хальтрекарок обжег его бешеным взглядом. Кажется, шестеренки в его голове наконец провернулись, а гнев сместился с жены на приятеля.

– Пошел вон из моего дома, – ледяным голосом произнес Темный Балаганщик.

Это был... приказ. Приказ, подкрепленный демонической силой. Ключерштатен дернулся, его ощутимо тряхнуло – но он сделал вид, что ничего не произошло, и удалился сам, продолжая посмеиваться.

А Лахдже хотелось заплакать. Она мгновенно поняла, что теперь шанс помириться с Хальтрекароком окончательно упущен. Сожрать не сожрет – иначе сделал бы это сразу. Но в рейтинге она только что скатилась на самое дно, и следующая ошибка может стать смертельной.

А еще она сразу же поняла, как так вообще получилось. Ассантея, конечно. Ключерштатен ведь тоже живет в Золотых Холмах. Это наверняка она подкинула ему идею такого розыгрыша – и Ключерштатену, разумеется, понравилось. И обманул Поиск Красавиц он тоже с помощью Ассантеи – у нее ведь точно такой же.

– Хорошая попытка... – пробормотала Лахджа, все еще стараясь не шевелиться, ожидая слов кипящего от злости мужа.

Возможно, до своих злоключений в Аду он бы сам посмеялся вместе с Ключерштатеном. Возможно. Но сейчас... о нет, сейчас ему не до смеха. Он бросил злобный взгляд на замерших от ужаса наложниц в бассейне, окатил ледяной ненавистью Лахджу и коротко сказал:

– Иди работай.

Та испарилась сразу же. Отпустил. Слава Древнейшему, отпустил живой. Теперь, главное, не попадаться на глаза подольше, чтобы успокоился и забыл... ладно, такое он забудет не скоро.

Лахджа вернулась в Мпорополис и теперь шла по улице без какой-либо цели. Она все еще не пришла в себя – руки дрожали, мысли метались. Надо продолжать поиск невест, но она была не в силах себя заставить. Слишком оказалось страшно смотреть на по-настоящему злого Хальтрекарока и понимать, что вот, сейчас раскроет рот – и тебе конец.

А еще ей хотелось добраться до горла Ассантеи. Ключерштатен-то что, для него это просто очередная мелкая забава, потешка без цели и смысла. Это, конечно, злит еще сильнее, но сделать ему Лахджа ничего не может.

А вот Ассантея... она явно планировала убийство. Чужими руками, стоя в сторонке.

Ну что ж, у нее не получилось. Получилось только вконец опустить Лахджу в глазах Хальтрекарока. Что тоже, конечно, немало. Если план окажется перевыполнен, и жен соберут больше двадцати шести... черт, а Лахджа ведь сейчас реальная кандидатка на вылет.

Она вошла в Зеркальный переулок. Тут жили бушуки, мастера Зазеркалья – и дома у них были с зеркальными стенами. Лахджа увидела сразу десятки отражений – десятки своих лиц, и каждое растерянное, с трудом сдерживающее крик.

Смотреть на это не хотелось, и Лахджа превратилась в Ассантею. Вот оно – лицо врага. У нее уже получались очень достоверные копии – особенно тех, кого она хорошо знала.

Подделать ауру сложнее, но с этим она тоже справилась. Чуть-чуть себе помогла, заплатив четверть условки со счета Хальтрекарока. Зачем?... Лахджа понятия не имела, но не видела смысла экономить средства мужа.

В голове метались планы мести – один глупее другого. Отплатить заклятой подруге той же монетой. Подставить ее... подлететь к кому-то вроде Бракиозора, дать пинка и драпануть... но демолорд сразу раскусит фальшивку, да и сбежать от него она не сможет...

Или сходить в Банк Душ и взять под видом Ассантеи огромный заем, повесить на нее кредит... нет, конечно, тоже не прокатит... Многие демоны умеют менять облик, у бушуков на этот счет есть меры предосторожности.

Нет, обмануть она сможет только кого-то равного себе... ту же Абхилагашу, например. Но обмануть мало, само по себе это ничего не даст...

В раздумьях Лахджа не заметила, как оказалась перед «Соелу». Это все-таки удивительное место, чудесное. Всех, кто чем-то озабочен, дорога будто сама приводит к его порогу. Демоница решила, что можно поискать кого-нибудь здесь – а заодно и промочить горло.

Благо сигнал из «Соелу» доносился, и даже не один. Лахджа уселась за столик в укромном уголке и принялась обшаривать взглядом огромный зал. Вон смеется фигуристая самоталер, дальше вешается на шею гошерриму другая, за тем столом курит кальян удивительной красоты гхьетшедарийка, а там сидят две близняшки... ого, разом две!.. Близняшек у Хальтрекарока еще нет, ему точно понравится...

Но Лахджа не торопилась. Приглядывалась, размышляла, цедила коктейль, поднесенный услужливым Безликим. Подумала, не плюнуть ли на все и не завалиться ли просто в малый зал, потрендеть с Янгфанхофеном, послушать его байки.

И кстати... если она не ошибается, из малого зала тоже исходит сигнал. Кто это такой там сидит? Баронесса, вексилларий?.. В любом случае, стоит взглянуть. Если удастся сосватать того, кого пускают в малый зал, Хальтрекарок точно простит ей все грехи.

Уже поднимаясь по лестнице, Лахджа вдруг сообразила, что это может быть всего лишь другая жена Хальтрекарока. Хоть та же Ассантея. А она все еще в ее облике... ладно, сейчас узнаем...

– Добро пожаловать! – раздался приветливый голос Паргоронского Корчмаря.

С тех пор, как Лахджа получила допуск в малый зал, ее жизнь обрела светлое пятнышко. Только здесь она чувствовала себя действительно счастливой, здесь отогревалась душой. Вкушала изумительнейшие яства и слушала удивительнейшие истории в обществе импозантного кавалера, образца мужественности и благородства, лучшего из гохерримов, демонов и вообще живых существ...

Бельзедор и Дегатти даже не смеялись, они просто терпеливо ждали, пока Янгфанхофен закончит себя нахваливать.

Но сегодня не Янгфанхофен привлек внимание Лахджи, хотя обычно конкуренцию ему не мог составить никто. Она сразу обратила внимание на дальний столик, где сидела... ого, это что, небожительница?.. Высокая девушка с суровым, даже ледяным лицом... но красивая нездешней красотой.

На ней были доспехи из света, а над головой пылал огненный нимб. Она ослепляла и подавляла одним присутствием. Лахджа на миг призадумалась, а потом уселась за другой столик. Она не стала сходу подваливать к Светоносной... а это явно Светоносная!.. Со своим предложением, но не стала и менять облик. Она решила немного подождать, присмотреться.

Светоносная была не одна. Она с кем-то вполголоса беседовала. Лахджа прислушалась, но эти двое не желали, чтобы их слышали, и вовне не доносилось ни звука. Лахджа не могла даже разглядеть собеседника небожительницы – тот предпочел остаться инкогнито. В малом зале «Соелу» есть и такая услуга, сюда часто приходят для переговоров на нейтральной территории.

Янгфанхофен без единого слова подал Лахдже великолепные чаттбуллар и вернулся за стойку. Он очень деликатен, Паргоронский Корчмарь. Всегда знает, за чем явился очередной гость, и никогда не вмешивается в чужие дела. Демолорд – но один из немногих демолордов, что внушают не ужас и трепет, а покой и умиротворение...

– Янгфанхофен, ты портишь собственную историю, – проворчал Бельзедор. – Она не про тебя.

– Откуда ты знаешь, вдруг дальше я стану важным действующим лицом?

– А ты станешь?

– Просто слушай дальше.

Если Янгфанхофен и понял, что перед ним вовсе не Ассантея... а судя по чаттбуллар, он еще как понял!.. Внимание на этом заострять не стал. Лахджа почти час сидела, выжидала... и наконец дождалась. Кийталана распрощалась с собеседником... им оказался огромного роста фархеррим!.. Фархеррим с золотой кожей и курчавыми рыжими волосами!

Лахджа так этому удивилась, что едва не нарушила маскировку, но тут же собралась. Проводила взглядом представителя своего вида, но осталась сидеть. Очередная невеста важнее – тем более такая особенная.

И когда Светоносная наконец покинула «Соелу», за ней устремилась неслышная тень. Ни от кого не скрываясь, небожительница шагала по мрачным улицам Мпораполиса. Низшие

демоны убирались с ее пути, а высшие с подчеркнутым почтением раскланивались. Видимо, она официальное лицо – посол какой-нибудь, дипломат.

Тем лучше.

В темном безлюдном переулке Светоносная остановилась. Не оборачиваясь, произнесла:

– Ты идешь за мной от самого трактира. Кто ты и в чем нуждаешься?

Лахджа выступила из тени. Трансформировав связки, она произнесла безупречным голосом сестры-жены:

– Ты видишь перед собой Ассантею. Я жена Хальтрекарока.

Светоносная повернулась. Окинула Лахджу-Ассантею холодным взглядом и представилась:

– Я вершитель Кийталана. Что жене Хальтрекарока нужно от меня?

– Мой муж и господин поручил мне сделать тебе предложение, – сказала Лахджа. – Брачного характера. И он не склонен принимать отказы.

Кийталана вскинула брови, а ее нимб засветился еще ярче. Даже чуть промедлив от удивления, она молвила:

– Невероятная наглость. Обезумела либо ты, либо твой господин.

– И все же... я не могу пойти на попятную, – с самой мерзкой интонацией сказала Лахджа. – Ты станешь женой Хальтрекарока – или станешь трупом. Тебе выбирать, вершительница.

Светоносная скрестила руки на груди. Помолчав пару секунд, она почти изумленно сказала:

– Не перестаю удивляться вашей породе. Вершитель Рийх предупреждал меня, что эта должность вводит во искушение испепелять направо и налево. Твое счастье, что я, будучи уполномоченным консулом Сальвана, не имею права причинять вам вред иначе как в виде самозащиты.

– Тогда я облегчу тебе задачу.

Лахджа метнулась вперед, выстреливая пальцами... нет-нет, никакого метаморфизма! Ни в коем случае, Светоносная не должна ничего заподозрить! Она оставалась в облике Ассантеи, своих любимых. Ме не применяла, просто ускорила себя до предела, чтобы это не выглядело провокацией, чтобы казалось, будто Лахджа нападает всерьез.

Нимб Кийталаны стал ярче Нижнего Света. Лахджа на секунду снова почувствовала себя в Сальване. Благодать резанула по глазам, но Лахджа стойчески претерпела эту боль. Схватила Светоносную за волосы, вырвала целый пук и перепрыгнула через голову, тут же нанося удар в спину.

Она мелькала быстрее молнии и метаморфировала внутренне, стараясь подражать боевой манере Ассантеи. Но не слишком усердствовала. В ее планах не было победить. Просто как следует разозлить Светоносную и выглядеть достойным противником... но не настолько достойным, чтобы та сбежала или призвала подкрепление.

И когда Кийталана толкнула ее бронированной ладонью и ударила клинком из чистого света, Лахджа послушно скукожилась обгорелым трупом. Сосредоточила себя в самой его сердцевине, отбросила все остальное, как мертвую плоть, принудительно затормозила регенерацию и только издала чревоушительный шепот:

– ...я еще вернусь...

Кийталана вздохнула, рассеивая клинок и снижая светимость. Посмотрела на дымящийся труп, перевела взгляд на Нижний Свет и пробормотала себе под нос:

– Что ж, просто обычный желтодень... Еще один обычный денек в Паргороне...

...Ассантея почувствовала очередной сигнал. Уже восьмой. Уже восьмая невеста для Хальтрекарока – четыре в Золотых Холмах, три в Мпорополисе... и вот еще одна. Если согласится, конечно. Предыдущая не согласилась, у нее уже была невеста... ну да, и такое случается.

Вероятно, Ассантея могла ее убедить, как следует надавив, применив веские аргументы... но к чему тратить время? При всей капризности Хальтрекарока – в Мпорополисе сотни подходящих кандидатов. Проще побыстрее переместиться к следующей.

О, вот и нужная девушка. Всего лишь простодемон, узуру... ах, узуру. Это может оказаться как абсолютным провалом, так и неожиданным джекпотом.

Узуру – довольно редкие существа. Не дети Мазекресс и не потомки Древнейшего – они вообще непонятно откуда взялись. Скорее всего, иззакромчики, давным-давно явившиеся в Паргорон целой диаспорой, да так тут и осевшие. Демоны-аристократы иногда держат их в качестве шутов – узуру похожи на ларитр и гхьетшедариев, но их кожа покрыта яркими узорами, а сами они в разной степени безумны.

Сами узуру считают, что их род был проклят. Не то Йокридом, не то еще каким богом. Ассантея, впрочем, не интересовалась культурой этих пришельцев, так что подробностей не знала.

Ее интересовала только вот эта конкретная. Редкая красотка, хоть и в нелепых лохмотьях. Похожа на двуногую рыбу-клоуна, и улыбка удивительно идиотская – но само очарование, этакий хорошенький скоморох.

– Привет! – обрадовалась она Ассантею. – Ты играешь в карты?

Узуру раскладывала на земле узор из цветных картинок. Ассантея бросила на него быстрый взгляд – а, глупые игры смертных и низших демонов.

– Предпочитаю омбретан, – сказала она, усаживаясь на воздух. – Играешь?

– Нет, – погрустнела узуру. – У меня совсем маленький счет... угадай мой счет, угадай!

– Одна эфирка, – без энтузиазма сказала Ассантея.

– Неправильно! У любого простодемона, у кого ни спроси, не меньше условки!

– Что... а-а-а!.. – догадалась Ассантея. – С учетом его собственной души, конечно. Это остроумно, ему понравится. Хочешь играть в омбретан хоть каждый день?

– Как? – спросила узуру, перебирая карты. – Смотри, здесь король, а вокруг одни дамы! Глупые карты! Глупые, глупые!

Чокнутая. Но с изюминкой. С клоунами ведь как – если не раздражает, то веселит. А Хальтрекарок ценит в женах некоторый эпатаж – Ассантея и сама старалась держаться при нем слегка дурочкой. Все так делают.

А этой и притворяться не придется.

– Как тебя зовут? – спросила она.

– Подарок, – представилась узуру.

– Какое подходящее имя! – обрадовалась Ассантея. – Хальтрекарок очень любит подарки!

– Хальтрекарок?... – переспросила узуру.

– Да. У меня для тебя есть предложение, Подарок. Ты хочешь выйти замуж за демолорда?

Узуру призадумалась. Она сгребла свои карты в кучу, быстро-быстро стала их перемишивать, а потом резко швырнула в разные стороны. Те попадали как попало, и узуру рассмеялась, ловя ртом капли.

– Смотри! – воскликнула она. – Карты мокнут под дождем, а небо ходит ходуном!

– И это просто чудесно! – порадовалась вместе с ней Ассантея, узнав строчку из детского стишка. – А замуж-то хочешь?

Узуру потянула себя за волосы, связала их под подбородком, посмотрела задумчиво вверх и кивнула:

– Хочу. Только мне сначала нужно зайти домой. Собрать карты в мешочек, сказать пока-пока сестричке...

– Сестричке?.. – заинтересовалась Ассантея.

– Мы рождены по обе стороны зеркала.

– То есть... вы близнецы? Двойняшки?

– Когда я смотрю на нее, мне кажется, что я схожу с ума. Нельзя же глядеть в лицо самой себе?

Ассантея радостно заморгала. Какая удача! Еще и двойняшки! Две сразу, две сестры... в гареме Хальтрекарока нет близняшек, и Ассантея не знала, были ли они вообще когда-нибудь.

В любом случае – это прекрасно, это просто прекрасно! На этом даже можно будет завершить поиски.

К сожалению, безумная девка не смогла назвать адрес или внятно объяснить дорогу, так что Ассантея просто пошла за ней. Подарок весело прыгала по мокрой земле, не пропуская ни одной лужи, тренькала пальцем по старым кирпичам и болтала с паргоронскими котятками. Пройдя мимо пьяных храков, она дважды вокруг них обежала и воскликнула:

– Смотри, добровольные сумасшедшие!

– Иди сюда, я полижу твою ягодку! – добродушно предложил храк.

Ассантея чиркнула пальцем, лишая низших демонов зрения, и те тоскливо загомонили. Подарок запнулась, растерянно заморгала, и ее пришлось подтолкнуть в спину. Ассантея не хотела терять зря время.

По крайней мере узору не заблудилась. Она шла заковыристым путем, но уверенно – и спереди уже доносился другой сигнал. Ме Поиска Красавиц обнаружило еще одну – наверняка ту самую сестренку. Подарок шла точно в том направлении, и настроение Ассантеи становилось все лучше.

Хальтрекарок точно будет доволен.

А потом узору вдруг повернулась к Ассантею, хихикнула... и бросилась бежать. Ринулась со всех ног, да еще и завопила:

– Догоняй, догоняй!..

Ассантея хмыкнула. Узору. Какие же они придурки. Но Хальтрекарок будет в восторге – он-то как раз обожает спонтанные игры и непосредственных жен.

Когда он заполучил Ассантею, дочь простых гхьетшедария и гохерримки, то тоже первое время радовался ее веселости, прыткости и относительной невинности. Насколько уж может быть невинным кто-то, рожденный в Паргороне. Надолго детскость ума тут сохраняют немногие – для этого нужно быть сумасшедшим.

Далеко Подарок не убежит, конечно... но Ассантея все же ускорила. Слегка сдвинула себя в пространстве, чтобы не отстать. Вися у узору на хвосте, завернула за угол... и будто врезалась в стену.

В лицо шибануло благодатью. Светоносная предельно ее сдерживала, но на таком малом расстоянии ее нимб все равно фонил. Стоящая перед ней узору повернулась к Ассантею и наивно спросила:

– А если я не хочу выходить за Хальтрекарока, ты меня убьешь, да?

– Что?.. – растерялась Ассантея.

Она вдруг сообразила, что второй сигнал Поиска Красавиц исходит от Светоносной. Та действительно соответствует идеально... но откуда узору об этом знала?..

Ассантея почувствовала подставу, но прежде чем она что-то сделала, Светоносная воплотила ослепительный клинок и холодно произнесла:

– И вот ты вернулась.

– Что?.. – еще сильнее растерялась Ассантея.

– Не знаю, что у тебя за способность, но в этот раз ты умрешь окончательно.

...Ассантея очнулась. Перед глазами все плыло. Последнее, что она помнила – как все-таки вырвалась из удерживающего поля, метнулась на Призрачную Тропу... а что было потом?..

Светоносная действительно почти ее убила. Эти сальванские отродья... как она посмела?.. Она же не имеет права. Она даже не предупредила, просто сразу напала... она не имеет права!..

Что-то тут не так.

Ассантея не успела додумать мысль, потому что вдруг сообразила, что не может двигаться. Ее сковывали... печати?.. Что за... и это не благодать, она не в Сальване, это демоническое...

Нет, это не печати. Ее тело... оно как будто все пронизано миллионами нитей. Она словно в анклав гхьетшедария... только этот анклав не окружает, он... Ассантея наконец сфокусировала взгляд и увидела свой живот. Тот был вскрыт, вывернут наружу, и из внутренностейросло нечто вроде щупальца Кошленнахтума – с глазом на конце.

– Очнулась?.. – раздался скучный голос. – Мне всегда было интересно, как соотносятся с анатомией гхьетшедариев их анклавы. Жаль, с гхьетшедарием пока случая не выпадало, но у вайли тоже есть рудиментарные анклавы, верно?

– Что... проис... – пробормотала Ассантея. – Хальтре... ты не сме...

Ее приподняло и развернуло. Она увидела Лахджу – та стояла у лабораторного стола, перебирая что-то... Ассантея с ужасом поняла, что это ее собственные органы. От Лахджи тянулись мясистые щупальца, которые заканчивались... Ассантея с еще большим ужасом поняла, что они заканчиваются в ней.

Боли она не чувствовала, но от этого было еще страшнее. Как много она уже потеряла?.. Она сумеет восстановить что угодно, отрегенирует полностью... но для этого нужно выбрать.

– Знаешь, я долго ждала удобного случая, – вздохнула Лахджа, поворачиваясь к Ассанте с криоскальпелем. – Конечно, было бы еще лучше, если б тебя грохнула Светоносная... но никогда нельзя получить все. Приходится и самой потрудиться.

– Ты... я...

– Я не могу отомстить Кошленнахтуму, – с сожалением сказала Лахджа. – Он для меня недостижим... пока что. А вот с тобой мы на равных... были.

Ассантея попыталась до чего-нибудь дотянуться волей. До кэ-нейрона, до ближайших живых существ. Телепортироваться, сместиться в четвертом измерении. Воззвать к мужу, обратиться к его банковскому счету...

Но демоническая сила отказывалась слушаться.

– Демоническая сила – продукт высшей нервной деятельности, – сказала Лахджа, почувствовав ее попытки. – А ее сейчас контролирую я.

Ассантея разом почувствовала все микроскопические щупальца в своем теле. Лахджа позволила ей ощутить это. Ощутить каждый нерв, каждое волоконец, которыми пронизала органы, мышцы, мозговую ткань. Каждое нервное окончание сейчас было под контролем этого кошмарного метаморфа.

– Знаешь, я бы, может, даже смирилась, – внимательно оглядела скальпель Лахджа. – Может быть. Не знаю. Может, мы все равно бы однажды встретились в этой операционной... а может, я бы все-таки простила и забыла. Но ты же не могла успокоиться? Верно сказал Сенека: чем несправедливей ненависть, тем она упорнее. Эта шутка с Ключерштатеном... она никому не понравилась. И она как-то скомкано завершилась... разве это дело? Думаю, однажды я смогу его порадовать, рассказав, чем это закончилось для тебя.

– По... ща... ди...

Лахджа не ответила. Скальпель вошел в мозг Ассантеи. Та по-прежнему не чувствовала боли. Источающее холод лезвие сопровождал пучок тончайших нитей – Лахджа внедрялась в свою жертву, проникала в каждую клеточку, узнавала все анатомические детали и даже заглядывала в память.

– Небольшая проблемка, – поморщилась она, когда Ассантея содрогнулась от ужаса. – У меня все еще слишком хорошо с эмпатией. Если будешь страдать слишком сильно, я разделю с тобой боль.

У нее действительно выступили слезы. Не отвлекаясь, Лахджа просто вырастила третью руку, которая их аккуратно смахнула. Из спины у нее высунулось щупальце, дотянувшееся до громоздкого прибора в углу.

– Один добрый доктор научил меня, как разрешить это... затруднение, – поделилась она, щелкая переключателем.

Комнату стал заполнять газ. Лицо Лахджи скрылось под стекловидным щитком, органы дыхания у нее просто исчезли... а вот Ассантея быстро стала терять сознание. Она только еще и слышала последние слова:

– Эх, время... Нужно подвергнуть анализу, собрать обратно и все очистить...

Хальтрекарок остался очень доволен. У него словно случился внеочередной день рождения – и ему надарили кучу подарков. Он даже удивился, почему ему раньше не приходила в голову такая прекрасная идея – не искать невест самому, а поручить это другим и радоваться каждому новому сюрпризу.

– Боги, я-то думал, куда ему быть еще ленивее, – покачал головой Бельзедор. – Оказывается, еще есть к чему стремиться.

Больше всех собрала Абхилагаша. Впервые за долгое время она проявила себя с лучшей стороны. Обладая кучей знакомств, она прекрасно знала, у каких гхьетшедариев сейчас есть дочери на выданье, облетела кучу поместий и доставила целых пятнадцать спелых девиц. Молодых и прекрасных гхьетшедариек, радостинок и полудемониц, в том числе племянницу одной баронессы.

Второе место заняла Ассантея, собравшая семь невест. Меньше Абхилагаши, зато сплошные аристократки, девицы из Золотых Холмов и цвет Мпорополиса.

А последнее место разделили Лахджа и Нагалинара – эти никчемные лентяйки привели всего по две невесты каждая. Правда, Лахджа зато доставила дочь банкира, а Нагалинара – вторую гохерримку... Хальтрекарок давно хотел вторую. Они очень неохотно вступают в гаремы гхьетшедариев, даже демолордов. Единственными женами или любовницами еще соглашаются становиться, но наложницами... слишком горделивые существа.

Но все равно – только по две?.. Хальтрекарок разочарованно глядел в их сторону, зато Абхилагаша просто купалась в его благосклонности. Гордая абсолютной победой, дочь двух демолордов разве что не поплевывала в сторону неудачливых соперниц.

– Ну что ж, призов я никаких не обещал и наказаний тоже, но не могу не отметить красивой и достойной победы Абхилагаши! – воскликнул Хальтрекарок. – Воистину ты вновь подтверждаешь, что по заслугам моя любимая жена! Что же до вас... ну, от Нагалинары я ничего и не ждал, для нее и две – неплохое достижение, но ты-то, Лахджа!.. Ты меня очень разочаровала. Это так, к слову.

– Прости, мой господин, – безразлично ответила Лахджа. – Не везло что-то. Бхульха пришлось долго уламывать, потом еще тот неприятный конфуз...

– Не надо, – помрачнел Хальтрекарок, тоже вспомнив. – Не надо оправданий, тем более таких жалких. Лахджа, меня огорчает даже не твой проигрыш, а то, как несерьезно ты к этому

относишься. Ты в который раз уже меня подводишь... и, кажется, ничуть об этом не сожалешь. Что за равнодушие?

– Что ты, господин мой! – торопливо нацепила на лицо улыбку Лахджа. – Я проиграла, это правда, и мне очень стыдно... но сам подумай, о чем ты нас просил! Ты поручил нам искать самим себе соперниц, собирать тех, кто будет забирать у нас часть твоего внимания, твоей любви!.. Для Абхилагаши или Ассантеи это нормально, но нам с Нагалинарой было просто больно такое делать!..

Хальтрекарок ахнул и всплеснул руками. Он подлетел к Лахдже, погладил ее щеку и милостиво сказал:

– Мне и в самом деле не пришло в голову, что ваша любовь ко мне может стать помехой в таком задании. Я забыл, как сильно вы меня обожаете. Ты... и ты... – коснулся он щеки и Нагалинары, – а вот Абхилагаша, похоже... не так сильно...

Абхилагаша едва не взорвалась от злости. Да как эта дрянь сумела развернуть все на сто восемьдесят градусов?!

– Мой господин, я безумно люблю тебя, но другой, иной любовью! – поспешила она. – Моя любовь не эгоистична, она щедра! Я счастлива, когда разделяю тебя с другими, и нет для меня большего счастья, чем видеть, что счастлив ты!

– Да, действительно... – поддакнула Лахджа, отхлебывая зеленого чая. – Абхилагаша, сегодня ты многому научила всех нас. Чем больше любви расточает наш господин и мы сами, тем больше ее становится в наших сердцах...

– О-о-о, как красиво сказано... – еще сильнее умилился Хальтрекарок. – И в самом деле я счастливейший из бессмертных! Сколько прекрасных цветов меня окружает, и сколько любви мы все испытываем друг к другу... Я желаю немедленно... но подождите, где же Ассантея?.. Ее недостает для моего абсолютного счастья.

Хальтрекарок решил подождать ее возвращения... но его терпение лопнуло уже через пару минут. Он повелел Ассантею явиться... но та не явилась. Демолорд нахмурился и осуществил императивный призыв.

Сопrotивляться такому невозможно – и Ассантея явилась.

Жены хором ахнули, Абхилагаша завопила. Хальтрекарок издал сдавленный звук. Он подлетел к неприглядному трупу, гневно нахмурился и молвил:

– Я овдовел!.. Я... я!.. Кто сотворил это с тобой, любовь моя?!

Он пригляделся, приняхался, повел рукой... над телом замелькали блеклые силуэты, Хальтрекарок погружался в астральную тень жертвы, просматривал последние воспоминания...

Нагалинара и Абхилагаша с опаской покосились на Лахджу. Та выглядела донельзя удивленной, почти обескураженной. Чашка чая в ее руке замерла... а затем продолжила свой путь. Лахджа старательно утишала биение сердца, но не чрезмерно, поскольку некоторое волнение сейчас было оправданным.

Она все же не была уверена полностью. Она зачистила все очень тщательно, но Хальтрекарок – демолорд. Он может все-таки что-то заметить, она могла где-то допустить оплошность... кого-то вроде Бекуяна или Лиу Тайн Лахджа бы точно не обманула...

– Все понятно! – гневно воскликнул Хальтрекарок. – Светоносный! Только их клинки оставляют такие следы! Бессмысленная агрессия Сальвана! Свет Солары снова забирает тех, кого я люблю! Мой отец!.. Мой брат!.. Теперь еще и моя любимая жена!..

– Мне подать официальный протест, господин? – выкатился из-под его ног пушистый рыжий шарик.

– Нет, Совнар, – зло ответил Хальтрекарок. – Не в этот раз. Я снесу это оскорбление, стисну зубы и перетерплю... но я его не забуду. И однажды, когда они меньше всего будут ожидать...

Лахджа чуть не поперхнулась. Об этой стороне вопроса она не подумала, и ей стало перед Кийталаной... не то чтобы совестно, но как-то неудобно.

К тому же это еще одно слабое место – если они с Хальтрекароком побеседуют, концы с концами не сойдутся. Конечно, на нее там ничто не укажет, но... почему бы им не заподозрить ближайшего к Хальтрекароку метаморфа, у которого еще и был мотив?

И все-таки оно того стоило.

Когда Лахджа сидела в детской и смотрела на Астрид, спящую в обнимку с набивным дракончиком, к ней неслышно подошел Совнар. Рыжий кот уселся рядом и некоторое время они просто молчали, не глядя друг на друга.

Других взрослых тут не было, а все дети крепко спали. Совнар покосился на ребенка Лаиссалны и тихо спросил:

– Дочка Бхульха?.. Лахджа, ты специально мне пакостишь?

Лахджа немного опешила. Она, конечно, говорила Бхульху, что Совнар ее заругает, но не всерьез же. Она не думала, что он на самом деле из-за этого рассердится.

– Извини, – пожалала плечами она. – Ме привело меня вслепую, я не думала...

– А ты думай в следующий раз. Думай перед тем, как делать. С Бхульхом же не Ме за тебя разговаривало.

– Извини, – повторила Лахджа. – Но в чем проблема-то? Дочка Бхульха тебе опасна чем-то, что ли?

– Она – нет. А вот ее отец, который бухгалтер самого Корграхрадразда... Лахджа, ты понимаешь, что все банкиры друг другу... лучшие друзья? Мы так обожаем друг друга, что готовы задушить в объятиях.

– Ну и вот уж беда, – пожалала плечами Лахджа. – Тебе же лучше – присаживайся к ней на уши и топи в дезинформации.

– Не получится. Она дочка бушука. Она мне верить не будет.

– Ну и все равно. К твоей бухгалтерии у нее доступа нет. В сокровищницу доступа нет. Чем она тебе навредит?

– Тем, что она дочь Бхульха. Дело не в том, что она может узнать – дело в том, что она может сказать. У нее будет доступ к ушам Хальтрекарока! Насколько легко на него влиять, ты сама давно поняла! С этим справляются даже абсолютные дуры вроде Абхилагаши или...

– ...Или?..

– Или других жен. А уж дочь банкира, выросшая в семье главы клана, с младенчества впитывающая...

– Знаешь, учитывая размеры ваших семей и то, как вы стремитесь обзаводиться связями... я даже удивлена, что у Хальтрекарока нет в гареме ни одной полубушучки, – перебила Лахджа. – Из твоего клана в первую очередь. У тебя что, нет дочерей?

– Лахджа, все мои дети – чистокровные бушуки. Я не ксенофил, как некоторые. Нет, когда-то у меня была одна случайно прижитая дочь-вайли... знаменитая художница, кстати... но ее давно нет с нами. К тому же я умею разделять работу и личную жизнь. Ты бы хотела, чтобы твоя дочь стала женой Хальтрекарока?

– Э... это был бы инцест.

– Другая дочь, гипотетическая, от кого-то другого! Хотела бы?

– Ну... нет.

– Тогда почему ты думаешь, что я хочу?

– Ну... еще раз извини. Я тебе сильно навредила?

– Не очень, – проворчал Совнар. – Собственно, это мелочь. А вот что не мелочь...

Лахджа напряглась. Она ожидала этого разговора и боялась его. Когда Совнар начал нудить про дочку Бхульха, она решила, что легко отделалась, но оказывается, он просто начал с менее серьезной претензии.

– Это ты убила Ассантею? – очень тихо спросил Совнар. – И не лги.

– Ассантею убила неспособность вовремя остановиться, – пробурчала Лахджа.

– Возможно, то же самое однажды убьет и тебя, – предупредил Совнар. – Я понимаю, ты защищала свои интересы...

– И свою жизнь.

– Даже так.

– Даже так. Ты не выяснил, почему Кошленнахтум хочет меня убить?

– Выяснил кое-что. Судя по всему, он не хотел убить конкретно тебя. Он хотел убить вас всех.

– Жен Хальтрекарока?.. – вскинула брови Лахджа.

– Фархерримов.

– Моя дочь не фархеррим. Она вайли.

– Я пока не знаю, почему Кошленнахтум ополчился на фархерримов и их потомство, – покачал головой Совнар. – И Пропрос тоже не знает... или не хочет говорить. Я надеялся что-то узнать от Ассантеи, когда она вернется... но стоило ей вернуться, как ты сразу обрубил эту ниточку.

– Она сама ничего не знала, – с сожалением сказала Лахджа. – Я... я долго с ней работала. Ее просто купили. Очень много условий и обещание хорошей должности. Личного эмиссара Кошленнахтума для особых поручений.

– Жадность всегда была главным недостатком Ассантеи, – вздохнул Совнар. – Жадность и недальновидность. Во всем была отличная работница, но вот... всегда пыталась съесть больше, чем помещалось во рту... Из-за этого попала в Хиард, из-за этого и... эх. Рано или поздно одна из вас убила бы другую... и я, честно говоря, рад, что победила ты. Но жаль все-таки. Кем мне ее теперь заменить – твоей храчкой?!

Спящая Астрид перевернулась на другой бок, втянула в рот простыню, привычно поперхнулась и выплюнула. Лахджа поправила ей подушку и сказала:

– Если ты во мне еще не полностью разочаровался – пока я заменю. А потом... вот Астрид скоро подрастет. Она тоже вайли.

Совнар приподнялся над колыбелью и впервые с интересом посмотрел на спящую девочку.

– Сколько ей? – спросил рыжий кот.

– Почти годик. Подождешь еще лет пятнадцать?

– Эх... почему бы и нет, – вздохнул Совнар. – Только прими добрый совет, Лахджа. Постарайся больше не раздражать Хальтрекарока. Если он узнает, кто на самом деле убил Ассантею – никакие прежние заслуги тебя не спасут.

Интерлюдия

– Ну вот Лахджа и проявила свою истинную натуру, – довольно крякнул Бельзедор. – Что, Дегатти, не жалеешь, что с ней сошелся?

Волшебник пожал плечами и опрокинул очередную стопку.

– Я знал, что она демон, – сказал он. – И знал, что она убила Ассантею.

– Ты знал?..

– Без подробностей, просто о самом факте. Янгфанхофен, конечно, очень старался вызвать во мне отторжение подробным описанием вивисекции...

– Я люблю эту часть, – ухмыльнулся старый гохеррим.

– Откуда ты вообще все это знаешь? – вздохнул Дегатти. – Такое впечатление, что ты сканируешь память каждого своего посетителя.

– Не-е-ет!.. – замахал руками Янгфанхофен. – Ну что ты, что ты!..

– Янгфанхофен!..

– Нет, – уже серьезно произнес демон. – Я до такого не опускаюсь, мэтр Дегатти. Просто... я люблю собирать истории. По деталькам, как мозаику. Думаешь, я не обратил внимание на Лахджу, которая заявила ко мне под видом Ассантеи? Разные кусочки этой истории знала она сама, Совнар, Ключерштатен, Хальтрекарок, Кийталана, Абхилагаша, Бхульх... это было полгода назад, но я только на днях закончил собирать эту байку. Вы первые, кому я ее рассказал.

– То есть ты и дальше будешь об этом рассказывать? – тихо спросил Дегатти.

– Да. Но не всем, выборочно. Только незаинтересованным лицам.

– А я, по-твоему, незаинтересованное лицо?

– Ты уж точно не заинтересован в том, чтобы раскрыть глаза Хальтрекароку, – хохотнул Янгфанхофен. – Даже если бы не знал о том, что с тобой в этом случае произойдет.

– Это да... – промямлил Дегатти. – Значит, Хальтрекарок в тот день получил аж севику новых жен... Боги, вот зачем ему столько? Что он с ними делает? Бельзедор, у тебя когда-нибудь бывало так много?

– Я не настолько неумерен в желаниях, – отхлебнул из бокала Темный Властелин. – Больше трех одновременно у меня не бывало. Но знаешь... иногда и одна-единственная может доставить кучу проблем.

– Это уж точно. А у тебя, Янгфанхофен... сколько у тебя жен? Раз уж мы тут все открываем.

– Дегатти, куда тебя опять несет? – спросил Бельзедор. – Зачем ты вообще этим занимаешься? У тебя что, и правда психологическая травма после той нашей встречи в твои юные годы?

– Да пошел ты, – огрызнулся волшебник.

– Нет, я только рад, если так и есть. Многие обзавелись благодаря мне душевными травмами. Но теперь-то мы с тобой собутыльники. Друзья, можно сказать. Давай, поговори со мной об этом. Признай свои проблемы и постараемся вместе их решить.

– Ты ведь хочешь удостовериться, что у меня есть душевная травма, чтобы повернуть в ней нож?

– Ярыть. Я что, становлюсь настолько предсказуемым? – мрачно уставился в бокал Бельзедор.

– Ох, мэтр Дегатти, мэтр Дегатти... – покачал головой Янгфанхофен. – Я понимаю, у тебя большое сердце, в нем много любви, которой ты жаждешь одарить всех окружающих...

– Чего?.. – моргнул волшебник.

– Но ведь и Хальтрекарок занят примерно тем же. А ты спрашиваешь, зачем ему столько жен. Вся разница между вами в том, что у него есть возможность сделать своими всех, кто ему нравится... а у тебя все в точности наоборот. У него тоже большое сердце, он искренне любит своих жен.

– Любит, – повторил Дегатти.

– Любит, любит. Как дети любят конфеты – искренне, но не очень задумываясь о их чувствах и судьбе. Нашим миром правит любовь, мэтр Дегатти. В общем-то, весь нынешний Паргорон во многом именно таков, потому что в древности два могучих демолорда... хотя тогда мы еще не назывались демолордами... так вот, они полюбили друг друга... хотя тоже не так... Один полюбил... хотя тоже не совсем так... Вряд ли то чувство можно было назвать любовью... Но давайте вы лучше послушаете сами. Эта байка – важнейшая часть нашей истории, и ее я тоже собрал по кусочкам от непосредственных участников событий. Тех, кто гораздо старше меня – Бекуяна, Гариadolла, Мараула, Ге'Хуула, Ксаурра, Аркродарока, Мазекресс... и отца.

– Твоего отца?

– Ну не твоего же, Дегатти. Мой отец – Сильдибедан, Судья Паргорона. Он тоже участвовал в тех событиях. И... вам лучше устроиться поудобнее. История длинная.

Десять Тысяч Лет Войны. Часть 1

59920 год до Н.Э., Паргорон, Кровавая Пена.

Бекуян смотрел на Согеяна, а Согеян – на Бекуяна. Левый и Правый Глаза Древнейшего неподвижно висели в воздухе, и если бы не разные цвета радужек, никто в целом мире не смог бы с уверенностью сказать – который из них который.

- Неправильно, когда один глаз видит другой, – произнес один.
- Это неестественно, – согласился другой.
- Когда один из нас умрет, второй останется в одиночестве.
- В этом не может быть сомнений.

Бесстрастны были их речи. Без капли эмоций, без тени чувств. Оба прозревали весь Паргорон, оба видели творящееся во Тьме и за Кромкой – но их взгляды поминутно наталкивались друг на друга. Зрение каждого оставалось несовершенным, пока в том же мире существует второй.

Когда-то они были близки, как только могут быть близки два глаза. Когда-то они держались вместе, стояли друг за друга горой – и тогда Очи Древнейшего воистину не знали для себя невозможного. Но шли годы, шли века, миновало уж пять тысячелетий – и с каждым из них все сильнее расходились Правый и Левый.

Между ними накапливались мельчайшие различия. Они оба были идеалистами, оба не терпели огрехов и неправильностей. При этом оба видели в другом свое отражение... но спустя пять тысяч лет это было уже не идеальное отражение. Никто другой разницы бы не заметил, она была ничтожна – но именно потому и стала настолько сильна их взаимная неприязнь.

Нет хуже недруга, чем тот, кто почти подобен тебе самому, но все-таки чуть-чуть отличается. Отличается недостаточно для того, чтобы не судить о нем по себе, и в то же время достаточно, чтобы не полагаться на представления о нем, как о самом себе. Точка зрения Бекуяна была чуть иной, чуть отличной от точки зрения Согеяна – и это все дальше разводило их в разные стороны.

Пять тысяч лет пролетело над Паргороном со Дня Разделения. Пять тысяч лет ожившие органы Древнейшего сражались за контроль над частями Чаши. Бекуян и Согеян почти с самого начала установили свою власть в Кровавой Пене, этой облачной шапке, прикрывающей внутреннюю сторону, и здесь их власть была беспредельна – но им все сложнее было поделить области влияния.

Кровавая Пена слишком далека от истинной симметрии. Периметр самой Чаши – это почти идеальная окружность... но почти – это почти. За тысячи лет накопилось множество огрехов и неровностей. А облака, будучи облаками, вообще постоянно меняли форму, и Бекуян был согласен с Согеяном в том, что подобное возмутительно.

Однако они абсолютно не сходились в том, каким же все должно быть. Бекуян искал во всем правильности, и не было ему милее фигуры, чем шар, чем идеальная сфера. Согеян же требовал гармонии, но гармонии глубинной, разносторонней. Бекуян родился из того глаза бога, что глядел в прошлое, застывшее и окончательное. Согеян же был глазом, смотревшим в изменчивое будущее, и он видел бесконечное древо вероятностей.

Деревья же он считал и образцом творения. Сложность их структуры, богатство форм. Уходящие в недра сети корней и раскинувшиеся под небесами кроны. Растущие медленно, но растущие. Недвижимые, но качающиеся под ветром. Кровавая Пена была чем-то подобна такой кроне на вершине Паргорона, и Согеян желал прорастить от нее стержень, пуповину, что соединится с Центральным Огнем.

Однако ни Бекуян, ни Согеян не были довольны, когда взирали на весь прочий Паргорон. Их выводила из себя Кровавая Пена, и все большую неприязнь они испытывали друг к другу –

но когда они окидывали взглядом остальной мир, то лишь с трудом могли терпеть его отвратительность, его вопиющую неправильность.

Этот мир, эта Чаша... она должна была быть Сферой. Так считал Бекуян.

В Паргороне должна была быть более совершенная жизнь. Так считал Согеян.

С самого своего возникновения и по нынешние дни Паргорон – мир бесконечной войны. После того, как закончилось Разделение, и части Древнейшего окончательно обрели самость, они разбежались по всему аркалу, захватили в свою власть большие и малые области... и начали непрерывный цикл сражений.

В этих сражениях они убивали друг друга и калечили. Ломали и портили себя, ломали и портили свой мир. Совершенства ему это не прибавляло, и Очи Древнейшего взирали на это с отвращением.

В те времена в Паргороне еще не было никаких демолордов. Не было самого института. Не было и разделения на высших и низших демонов... а строго говоря, его обитатели и демонами-то еще не были. Они были просто ужасными и могучими существами, живущими в Темном мире – на этом мире замкнутыми и за Кромку не лезущими. Им тогда хватало самих себя, хватало дарованной Древнейшим Чаши.

Тогда Паргорон был разделен на области, на своего рода страны. Собственно, это и были страны, и их обитатели ненавидели друг друга так, как только могут ненавидеть те, кто когда-то был единым целым, а потом разделился.

Половину внешней стороны занимала империя ла-ционне. Кровь Древнейшего ушла в вечный мрак, и там, в холоде и потемках, они развернулись во всю ширь, развивая свои причудливые технологии. Их были миллионы, этих крошечных ла-ционне, за тысячелетия они невероятно размножились.

На внешней же стороне обитали и сурдиты. На самом дне паргоронской Чаши, на землях, тоже темных, но согреваемых с другой стороны, они создали множество королевств, и каждым правил король с птичьим именем, одна из первородных Мышц. Между собой сурдиты тоже постоянно воевали, сражаясь за землю, за плодородные почвы. По обширности земель всех прочих превосходил богач Сорокопут, самая сильная армия была у могучего Поползня, а хитрец Свиристель стравливал сородичей интригами и кознями.

Внутренняя же сторона с ее вечным днем и вечной жарой принадлежала двум воинственным народам – гохерримам и нактархимам. Тот и другой делились на кланы с первородными Зубами и Ногтями во главе, и все эти кланы охотно бы передрались между собой, охотно бы начали междоусобные войны, кабы не сплывающая их ненависть к народу-побратиму. Они тоже были слишком похожи, Зубы и Ногти, у них тоже было слишком много общего – и это делало их заклятыми врагами.

Гохерримы ненавидели нактархимов, а нактархимы ненавидели гохерримов. Сурдиты же ненавидели тех и других, потому что именно гохерримы и нактархимы выдавили их на внешнюю сторону, лишили света Центрального Огня – и продолжали совершать набеги, продолжали грабить и убивать.

Кроме этих четырех первородных народов на лице Паргорона было тогда еще три. Но у кульминатов и мегандоров не было собственной державы, не было своих земель. Самые огромные и сильные, они бродили, где желали, и не замечали никого, кроме других кульминатов и мегандоров. Они топтали посевы сурдитов и разрушали города ла-ционне, они в одиночку могли выходить против целых отрядов гохерримов или нактархимов.

Кульминаты и мегандоры. Когда-то их было два, очень похожих народа, произошедших из божественных костей. Собственно Кости и менее многочисленные Позвонки. Мельче, слабее, но очень похожие на кульминатов, мегандоры казались тем собратями-карликами – и со временем были ими частично растоптаны, а частично... частично ассимилированы.

Кульминаты и мегандоры легко скрещивались, давали общее потомство – и оно было плодовитым. Неудивительно, что с ходом тысячелетий в Паргороне не осталось чистых кульминатов и мегандоров – только полукровки. Нынешние – это в основном на три четверти кульминаты, а на четверть – мегандоры.

– То есть вот эти, которые особо мелкие – Яппог, мама Корграхадраэда... – догадался Дегатти.

– Да, это те, в которых больше всего от мегандоров, – подтвердил Янгфанхофен. – Древние гены иногда еще дают о себе знать.

Но в те времена чистокровные еще ходили по земле. И первородные еще встречались, хотя эти уже стали редкостью. А их царями, их бесспорными лидерами были Агг и Гегг – Правая и Левая Бедренные Кости, самые огромные и могучие, гиганты среди гигантов. Вместе, вдвоем они в свое время уничтожили несокрушимый Череп.

К счастью для всех остальных, кульминаты толком не замечали всю ту мелюзгу, что копошилась под ногами. Кульминаты не обращали внимания на гохерримов и нактархимов, сурдитов и ла-ционне. Кульминаты замечали только других кульминатов.

Самые могучие и многочисленные, первородные кульминаты веками сражались и истребляли друг друга – и с каждым веком их оставалось все меньше. Если в первую тысячу лет прочие демоны жили буквально под пятой кульминатов, то и дело слышали, как сотрясается Чаша, то теперь это случалось все реже и реже. Потомки первородных уже не кипели от космической мощи истинных божественных Костей.

Однако все еще случались бои меж крупнейшими и сильнейшими – Аггом и Геггом. Они просто не могли друг друга одолеть – и продолжали то и дело выяснять, кто же из них крепче. Когда они сходились в очередной схватке, то дрожала земля, и прорезались повсюду пропасти, и горы вздымались, морща лик Паргорона, что безумно злило Бекуяна и Согеяна.

В долинах, кратерах и расселинах при этом прорывались грунтовые воды, формируя озера. Они держались недолго, вода быстро уходила обратно в недра, но промывала при этом ходы, туннели. Образовывала пещеры, подземные области – и в этих подземных областях жили полудикие тогда ларитры.

Они появились позже первородных народов, но тоже на самой заре мира. Легкие, эти колоссальные сиамские близнецы, прожили всего восемьсот лет, и жизнь их была очень странной, полурастительной. А потом они лопнули, разорвались – и исторгли возвращенную в них жизнь, безумные тучи божественного дыхания, что было отравлено ядовитой калакутой.

Исторгли ларитр.

Изначально их было всего девятнадцать, девять мужчин и десять женщин. Но они были мужчинами и женщинами только по названию, они были Дыханием – и очень скоро каждая ларитра стала родоначальницей целого колена, целого клана себе подобных. Они разлетелись по всему Паргорону, эти энергетические вампиры. Жестокие и кровожадные, почти неразумные, они высасывали и пожирала других демонов, поглощали их Сути и питали тем себя.

Однако на открытом пространстве они постепенно рассеивались, становились все более разреженными. И одна за другой ларитры ушли в недра, ушли в Червоточины, заполонив их своим дымом, прервав быстрое сообщение между внутренней и внешней сторонами, беря с тех и других страшную дань жизнями.

Кроме семи демонических народов, что разделили между собой мир и продолжали воевать за власть над ним, были и другие области. Те, в которых властвовали Органы, подобные Бекуяну и Согеяну. Вышедшие из Тела чудовища, неумолимой мощи колоссы.

Потомки Зубов, Ногтей, Мышц и Крови страшились их. Избегали тех, кого могли избегать, и поклонялись тем, кто желал поклонения.

Наивысшую силу сосредоточил триумвират Мозга, Сердца и Желудка – Саа’Трирр, Мазекресс и Гламмгольдриг. Между собой они заключили молчаливое перемирие и стали чем-то вроде живых богов, владетелей над владетелями. Даже без Банка Душ – их можно было назвать демолордами, хотя такого слова тогда еще не существовало.

Из других Органов за тысячи лет многие сгинули, погибли. Давно не осталось ни одной из Кишок – они перебили, сожрали друг друга, были уничтожены кульминациями, а самую последнюю убил Кхатаркаданн. Кишки не успели обрести разум, до самого конца оставались тупыми злобными чудовищами, исполинскими драконами. Они парили в небесах и рыли землю, источили недра теми самыми туннелями, в которых теперь клубятся ларитры.

Однако Паргорон населяет потомство этих Кишок – варкамы и таотакрии, земляные и летающие черведраконы. Как и их прародители, эти твари бесконечно тупы и прожорливы, охотятся на все живое и сами становятся пищей тех, кто посильнее.

Кто же остался, кроме Мозга, Сердца, Желудка и двух Глаз? Остались Кожа, Волосы, Печень, две Почки, Фаллос, Левая и Правая Руки (а точнее – Кисти Рук), Правое Ухо, Нос и Язык. Каждый владел обширной областью, где был абсолютным господином, но одни были могущественнее других.

Например, Почки, Аллетюд и Геллетюд, были довольно слабы и так долго протянули только потому, что умели вовремя примыкать к тем, кто сильнее, и не вызывали ни у кого беспокойства. Аллетюд уже много веков был верным сателлитом Гламмгольдрига, а Геллетюд во всем повиновался Рвадаклу.

А еще, конечно, следует упомянуть Камтстадию... но Камтстадия даже в те времена была той, насчет кого никто не мог уверенно сказать – с кем она, чего хочет. Камтстадия не имела дома и земли, она всегда появлялась внезапно и шептала в уши всем, включая всезнающего Саа’Трирра.

Лишь двое обитателей Паргорона не участвовали в вечных склоках и междоусобицах. Лишь двое не пытались восторжествовать над остальными и убить всех, кого можно – и их тоже никто не пытался убить. Один из них – Сжигатель Миров, древний бог Мистлето. Безмолвно пылал он в самом центре Чаши, и всем памятен Брегг, глупый кульминация, что пытался вытащить его из Центрального Огня, но сгорел до костей.

И, конечно же, Ксаурр. Просто Ксаурр. Он не был частью Древнейшего, но он был тут всегда. С самого начала. И сейчас именно Ксаурр скакал по Кровавой Пене, прыгал среди пышных облаков, и зубы его сверкали в багровом свете.

Бекуян и Согейн обнаружили его задолго до прибытия. Бекуян увидел, где он есть, Согейн узрел, куда он направляется. Глаза Древнейшего обратились в одном направлении, озарили Кровавую Пену зеленым и синим светом.

– Рад, что вы все еще не убили друг друга, зоркие братья, – мурлыкнул Ксаурр, замирая в воздухе. – Вы нашли его?

– Мы сделали то, о чем ты просил, – молвил Бекуян. – Я заглядывал в прошлое и проследил путь Начала.

– Оно во Тьме, – добавил Согейн. – Оно исторглось туда. Но его обретение означает последствия. Баланс нарушится.

– Баланс?.. – усмехнулся Ксаурр. – Какой еще баланс?.. Где вы видите его в нашем многострадальном мире? Мы дети божьей агонии, мы обречены на вечные муки. Мы заперты в этой каменной чаше вместе друг с другом – и каждый из нас сам себе худший враг. Баланс!.. Не говорите мне о балансе, зоркие братья!

Ярко-зеленый и темно-голубой глаза вперились в Ксаурра, и на мгновение стал их взгляд тем самым взглядом, что окидывал когда-то целые миры, что пронизывал прошлое и будущее... но только чужое прошлое, только чужое будущее. Своего будущего Древнейший узреть был не в силах – не способен был это сделать и Согейн.

– Вероятность его вернуть несущественно превышает нулевую, – сказал Бекуян. – Там осталось слишком мало.

– Даже если удастся частично вернуть прародителя, ему не понравится то, чем мы стали, – сказал Согейн. – Это означает либо полное уничтожение, либо изменения, в которые мы не впишемся.

Ксаурр большей частью растворился в воздухе. Остались светиться только огромные желтые глаза – и они с насмешкой глядели на Бекуяна и Согейна. Потом под ними проступил рот, раскрылся широченной улыбкой... блеснули клыки, и Ксаурр терпеливо произнес:

– То не ваша забота, зоркие братья. Ответ за всех буду держать я... и он.

Кровавая Пена вздулась. Засверкали миллионы крошечных молний, и из воздуха соткалась иллюзия – вначале громадный, раздувшийся до невозможного серый мозг, а потом тусклый силуэт в облачении из дыма.

– *Приветствую*, – раздался беззвучный голос. – *Я Саа'Трирр*.

– Мы знаем, кто ты, Мозг, – ответил Бекуян. – Мы встречались не единожды.

– И еще не единожды встретимся, – сказал Согейн.

Первые пятьсот лет после Разделения Саа'Трирр, Бекуян и Согейн держались вместе. Когда еще был жив Череп, когда они пребывали в относительном согласии. Но постепенно Очи Древнейшего стали слишком самостоятельны, утратили всякую связь с Мозгом, и все реже общались с ним даже удаленно, телепатически.

– Выскажи свое мнение, – произнес Согейн. – Гохерримы или нактархимы?

– У гохерримов военное превосходство, но оно незначительно, – произнес Бекуян. – Пятьдесят три процента против сорока семи.

– Если нактархимы вовремя обзаведутся союзниками, они обретут перевес. Таковыми могут стать для них ла-ционне.

– Однако нактархимы враждуют с ла-ционне лишь чуть меньше, чем с гохерримами.

– Я не вижу в их будущем союза.

– Зато таковым союзником может стать один из Органов.

– Что насчет тебя, Мозг?

– *Я не займу ничьей стороны*.

– В этом твоя ошибка.

– Оставаясь вечно нейтральным, ты неизбежно придешь к гибели.

Саа'Трирр не произнес ни слова, выжидая, глядя на Очи. Из всех Органов, из всех компонентов Древнейшего он был наиболее близок к оригиналу. В нем осталось больше всего памяти и личности распавшегося бога.

Однако и он был лишь слепком, деталью Древнейшего. Его аналитическим началом, воспоминаниями и толикой эмоций. Говорят, именно это определяет человека – но Древнейший не был человеком.

К тому же этого все-таки недостаточно.

И все же Саа'Трирр, пожалуй, единственный в то время мог претендовать на роль повелителя этого мира. Но он не претендовал. Он не царствовал и не правил – он просто пребывал в этом мире. Был его Мозгом.

Именно поэтому ему во всем помогал Ксаурр. Как только Смеющийся Кот обрел дар речи, как только стал действительно разумным существом, то предоставил в распоряжение Саа'Трирра свою силу, свои способности.

– Мы передадим тебе знание, – сказал наконец Бекуян. – Это точно по центру Чаши, но со смещением, накопившимся за пять тысяч двести семьдесят шесть лет.

– Чаша движется, и взаимные расхождения постоянно нарастают, – добавил Согейн. – Но мы укажем дорогу.

Вновь вспыхнули зеленый и синий прожектора. Глаза устремились кверху, к беспрочно-черным небесам, где вершин Ледового Пояса касалась вечная Тьма. Бекуян и Согейн скрестили лучи – и их общий Взгляд прочертил светящийся путь.

– Это все, что мы сделаем для тебя, – сказал Согейн, когда Ксаурр побежал вверх.

– По старой памяти, – добавил Бекуян. – Не обращай к нам более.

Саа'Трирр склонил голову. Он странно выглядел сейчас, в облике бесплотного силуэта. То тут, то там из тела словно были вырваны куски, зияли настоящие дыры. Не хватало обеих ступней, были отсечены крайние фаланги пальцев, насквозь просвечивал живот и торчали наружу ребра.

Теперь у него исчезли глаза. Зеленый и синий – они пропали, оставив пустые... нет, даже не глазницы, ибо черепа у этого силуэта тоже не было. Просто участки голого мозга. Но эти участки тоже устремились кверху – к уже исчезающему во Тьме лиловому зверю с косматой гривой.

– *Мне жаль, что мы распались*, – послал последнюю мысль Мозг, отзывая свое изображение.

Путешествие Ксаурра не оказалось кратким. Зоркие братья указали направление, но не расстояние. И их взор проник не так уж глубоко, а во Тьме проще простого заблудиться.

На самой заре Паргорона Ксаурр, тогда еще почти неразумный, отважился однажды углубиться в губительную бездну – и едва в ней не сгинул. Он заблудился, он блуждал много дней – и Тьма все это время пожирала его, лезла под кожу и путала мысли.

Возможно, именно тогда он претерпел первые изменения, окончательно перестал быть ваханой божества и стал превращаться в демона. Возможно. Ксаурр не задумывался, он не хотел знать.

Все равно он с трудом помнил то, что было до Разделения и первые несколько веков после. Он обрел дар речи только в середине второго тысячелетия, когда одни Органы уже погибли, а другие расплодились и начали череду бесконечных войн. До этого он оставался полуживотным, беспорядочно носился по Чаше, охотился на расползающиеся по ней кошмарные формы жизни.

Тьма тянулась к нему отовсюду. Шептала, обещая все возможные блаженства. Грозила всеми возможными страданиями. Сулила переживания такой силы, что разрушат саму душу.

Ксаурр сейчас смотрел словно сам на себя. Тьма глядела его глазами, мягко ступала его же лапами. Его же когтями скрежетала на грани слышимости. Чудились смешки, чудился шепот. Тьма приглашала поиграть.

Она не могла просто уничтожить его. Ксаурр родился хтоническим существом и нес в себе частицу божественного. Но Тьма к каждому находит подход.

Это ведь не сыплющийся отовсюду песочек, не жидкость, не газ. Тьма нематериальна, Тьма – это разновидность эфира, и в разреженном состоянии она даже не воспринимается глазом. Она просто отсутствие всякого позитива, в том числе излучений, и потому обычному зрению в большом количестве кажется черной.

И в каждом разумном, в каждом живом существе тоже есть частичка Тьмы. Антипода Света, негэнтропической составляющей души. Если эта энтропическая первостихия не может разрушить материальную составляющую, если она для этого слишком слаба или слишком силен объект – она влияет исподволь. Проникает, разрастается, меняет к худшему личность и разум.

Обращает в демона.

И здесь она была повсюду. Даже демонов Тьма убивает, когда ее так много.

Но сегодня она до Ксаурра не дотянется. Еще не сегодня. Он летел словно в силовом коконе, расталкивал этот воплощенный негатив, обратившись к воспоминаниям о прошлом, о бытности своей ваханой.

Ксаурр несся сквозь черный космос, перебирал лапами... всего четырех показалось маловато, и их стало сначала восемь, а потом и двенадцать. Лиловый мех растекся миллионами струй, пылающие глаза пробивали мрак прожекторами.

Он шел через пространство, пока пространство не распахнулось во всю ширь. Тьма выпустила Ксаурра, и он влетел в аркал – причем аркал громадный, в несколько раз больше паргоронского.

Но в нем не было воздуха и не было тверди – только пустота, безмолвный вакуумный пузырь. Шерсть Ксаурра улеглась, глазной свет ослаб, и он медленно поплыл вперед.

Несколько тысяч лет Смеющийся Кот почти не покидал Паргорона. Нет, он помнил, как ходить по высшим измерениям, он умел перешагивать в другие миры и иногда все-таки выбирался за Кромку погулять, поохотиться... но ненадолго. Просто не тянуло. Он предпочитал дремать у огня Мистлето, вести задушевные беседы с Саа'Трирром, бегать в чернильной темноте Червоточин или играть с огромными кульминациями.

Паргорон – дом, где у него есть все.

Все, кроме того, чего за Кромкой все равно не найдешь. Того, что у него было когда-то, очень, очень давно... он уже почти и не помнил.

Но сейчас, когда он оказался в этом аркале, пустом и безжизненном, воспоминания вдруг вернулись. Ксаурр слышал нечто, чего не было ни в Саа'Трирре, ни в Мазекресс, ни в прочих оживших органах, кусках мертвой плоти. Тут было что-то... нет, не живое, но нечто большее, чем то, что есть в Паргороне.

Оно было в самом центре. Оно, вестимо, и сформировало этот аркал. Разогнало Тьму, образовало пузырь пространства. Ксаурр подлетел к крохотному, мерцающему во мраке шару и описал несколько кругов.

Словно жемчужина. Размером чуть больше когтя. Ксаурр осторожно коснулся гладкой поверхности лапой, подтолкнул... шар поплыл в пустоте. Ксаурр дернул головой, невольно ожидая, что и весь аркал сдвинется с места – но этого не случилось. Он покатал шарик еще, погонял туда-сюда – по-прежнему ничего не происходило.

Ладно. Пусть над этим подумает самый большой мозг в Паргороне.

Путь обратно был как будто короче. Ксаурр нес находку за щекой, стараясь не слишком сдавливать. Возможно, она прочней всего, что только можно себе представить... а возможно, она хрупка, как птичье яйцо. Он не собирался проверять. Он даже не знал пока, что именно нашел, но это точно что-то важное.

Когда Тьма снова разомкнулась, выпустив его в такой знакомый, такой домашний аркал, и под лапами появились исполинские пики, Ксаурр немного притормозил. Протуберанцы Тьмы все еще извивались вокруг, все еще будто силились дотянуться, схватить, затащить обратно в чернильную гущу.

Паргорон немного сдвинулся за время путешествия. Периметр Ледового Пояса оказался под углом, а прямо внизу – пустоши Мглистых Земель. Кое-где мерцал фиолетовый свет – по трубам проносились капсулы ла-ционне. Раздался стрекот лопастей, исчезла дымовая завеса, и рядом будто из ниоткуда возник мультикоптер.

Ксаурр снисходительно улыбнулся. Экая громоздкая и неуклюжая штуковина. Целых три винта, и при каждом – ла-ционне. Стержни воткнуты в корзину из металлических реек, а в ней тоже ла-ционне, четверо. Целых семь демонов нужно, чтобы поднимать в воздух не слишком и большой кусок железа.

Ла-ционне называют такие штуковины «комплексами». Объединяются по несколько в одной металлической коробке – и дружно... крутят педали. Поодиночке они совсем крохотные и слабые, но вот так, коллективами, могут тягаться даже с гохерримами и нактархимами.

Но они все равно очень уязвимы, потому что зависят от своих машин, своих заводов и фабрик. Недра Чаши изобилуют всевозможными веществами – слава Паргорону! – и ла-ционне неустанно добывают их, изобретая все новые приспособы, но стоит в их хрупкий мир забрести случайному кульминату, и все рушится, как карточный домик.

Им трудно жить под ногами агрессивных великанов, этим мозговитым малышам.

Если бы Паргорон увидел, что получилось, он отселил бы кульминатов куда-нибудь. Создал бы им отдельный мир, где все было бы огромным. Возможно, плоский. Вырастил бы там колоссальные баобабы, среди которых кульминаты могли бы чувствовать себя маленькими.

Впрочем, кульминатов не так уж много, и они не склонны бесконтрольно плодиться. А разрушения наносят больше ненароком, по Паргорону они уже привыкли ходить аккуратно.

Те же гохерримы и нактархимы причиняют другим больше бед. Те и другие были рождены враждебными окружающей среде, суперхищниками-истребителями.

– Ты был в темном пространстве, Многолапый? – раздался звенящий голос. – Для какой цели?

– Я постигал Тьму, – уклончиво ответил Ксаурр, не разжимая челюстей.

– И каков же результат?

– Тьма щиплется.

Комплекс подлетел ближе. Сейчас Ксаурр говорил не с каким-то отдельным ла-ционне... поодиночке они толком и говорить-то не умеют. Нужно хотя бы три-четыре, чтобы сформировать интеллект. У них распределенные мозги, и духовная сила тоже распределенная. Вместе они – Кровь Паргорона, но поодиночке – просто крохотные остроголовые уродцы.

– Расскажи нам, что ты видел во Тьме, – попросил комплекс. – Если будет на то твое соизволение.

– Ничего особенного. Очень много губительной мглы и пустой аркал.

– Аркал? – заинтересовались ла-ционне. – Пустой? Ничейный?

– Ничейный. Там нет никого и ничего. Но он гораздо больше Паргорона.

– Можешь ли ты сказать нам, где он?

– Где-то там, – неопределенно махнул хвостом Ксаурр. – Я не запомнил дорогу. Там ничего нет.

– Там есть аркал, – ответил комплекс, стремительно удаляясь.

...Саа'Трирр обитал в Пекельной Чаше. Вокруг раскинулись земли гохерримов, но ни один из кланов еще не покушался на владения Мозга. Весь Паргорон молча признавал его превосходство... почти весь.

Светло-серая громада походила на купол. Испещренный каналами и туннелями, он высился посреди раскаленной пустыни, и воздух дрожал от ментальных волн.

Саа'Трирр не умел перемещаться, он давным-давно врос в землю, но ничуть от того не страдал. Слепой, глухой и неподвижный, он ощущал всю Чашу, чувствовал все в ней происходящее и каждое живое существо. Чужие мысли, желания и устремления были для него что раскрытая книга.

Ксаурр приземлился прямо ему на макушку. Чуть вонзил когти в пористую губчатую поверхность, и Саа'Трирр издал недовольный импульс. Рядом сформировались миражи, засверкали миллионы крошечных молний.

– Я нашел, – раскрыл пасть Ксаурр.

Жемчужина выкатилась, но не упала – повисла в воздухе, охваченная волей Саа'Трирра. Мозг Древнейшего не мог увидеть находку своими глазами, но он смотрел сейчас глазами Ксаурра. И несколько минут царило молчание, пока Саа'Трирр ее изучал.

– Оно там, – наконец изрек он. – *Недостающий фрагмент. Но почему он тут остался?.. А, понятно... оно заключено в аспектuru. Не смогло уйти.*

– И что мы будем с этим делать? – спросил Ксаурр, не отрывая желтых глаз от перламутрового шарика.

– *Уничтожение может вызвать коллапс.*

– Ты уверен?

– *Нет. Но проверка обременена чрезмерными рисками.*

– Хорошо. Что еще можно сделать?

Мозг еще какое-то время хранил молчание, а потом сказал:

– *Я должен поразмыслить. Права на ошибку нет.*

59084 год до Н.Э., Паргорон, Дворец Оргротора.

В ночи звучала тихая музыка. Тонкие пальцы перебирали струны. Оргротор музицировал на своем балконе, на огромной каменной ладони, протянутой к джунглям Туманного Днища.

Ночь царила тут всегда, но внизу мерцали флюоресцирующие растения. За тысячи лет Оргротор вырастил их тут несметно, и они постепенно распространялись все шире. Сурдиты, чьи королевства окружали владения Отца Чудовищ, не могли нарадоваться на такого соседа.

Из его садов то и дело появлялись дикийинные существа, съедобные культуры и полезные травы. А сурдиты уж их подхватывали, селекционировали и повсюду рассаживали. У них природный талант к скотоводству и огородничеству.

Сам Оргротор был неконфликтным и гостеприимным. В отличие от других Органов Древнейшего, он не стерег свои границы со злобой старого дракона. Его владения были обозначены четко, и посягавший на них горько о том жалел, но Оргротор с радостью принимал гостей, а охотников и собирателей никак не трогал.

Личным могуществом Отец Чудовищ не мог сравниться с Триумвиратом, с всемогущими Мозгом, Сердцем и Желудком. Он был скорее влиятельным другом, настоящим любимцем всего Паргорона. Никому не вредил, не встречал в войны и интриги, по-простому общался со всеми и щедро исполнял чужие просьбы.

Мозг, Сердце и Желудок, с их вечной вялотекущей грызней, то и дело старались перетянуть Оргротора на свою сторону. Только вчера Мазекресс навевывалась сюда Ярлыком, и они долго обсуждали искусство как часть философии духа, вели душевные беседы.

Ближайшая соседка. Мазекресс тоже обитает в Туманном Днище, хотя и на другом его конце. Оргротор симпатизировал Сердцу, хотя Мозг и Желудок ему тоже были приятны. Оргротор любил все живое.

В отличие от других Органов, он выглядел не чудовищем, не кошмарным монстром, рожденным из трансформировавшегося куска плоти. Они претерпели самые удивительные метаморфозы, части Древнейшего. Саа'Трирр, Мазекресс и Гламмгольдриг разрослись до громадных размеров, стали искаженными, гипертрофированными версиями того, от чего произошли. Мизхиэрданн немислимо распластался вширь, а Кхатаркаданн вовсе эволюционировал до тучи насекомых.

Он тоже обитал в Туманном Днище. Здесь много влаги, много растений – и для его жуков тут самые лучшие условия. Кхатаркаданн, будучи изначально всего лишь придатками кожи, совокупностью роговой ткани, в свое время прошел по грани, был очень близок к тому, чтобы вовсе не обрести сознания, рассыпаться на множество мелких неразумных тварей. Стать чем-то средним между Жиром и Кровью.

Но он сумел. Обрел единство в миллиардах крохотных тел. Стал живым роем – само его имя означает «Туча Жалящих и Кусачих».

А ведь изначально он мог стать живым лесом. В день Разделения подсознание Древнейшего меняло их всех самым причудливым образом – и многие преобразовались неожиданно.

Вот Бекуян и Согеян. Глянешь на них, и сразу видишь, что это пара Глаз. Они и сейчас Глаза, просто во много раз увеличенные. Зато Ралев и Мазед имеют лишь отдаленное сходство с Носом и Языком, гохерримы и нактархимы мало похожи на Зубы и Ногти, а Рвадакл, Великий Очиститель... ну да неважно.

Оргротору повезло с внешним обликом, как никому более. Гипертрофированная форма того, от чего он произошел, выглядела бы воистину гадко – а породившее их божество никому не желало такой судьбы. Многие из Органов чудовищны и ужасны – но во всех есть гармоничное совершенство, какая-то монструозная красота.

Даже в Гламмгольдриге.

Оргротор же... Оргротор был прекрасен. Он воплотил в себе все представления людей о плотском и возбуждающем. Одновременно являл собой возвышенную прелесть небесного создания, что дарует свет жизни, и обладал животной притягательностью демона-совратителя. При виде него сердца бились быстрее, праведники отрекались от своих богов, а проклятые души забывали о всех прочих страстях.

Он был двупол, прекрасный Оргротор. Андрогин, гермафродит. Был нежен и одновременно дерзок, нес в себе признаки мужского и женского, мог по своему выбору становиться тем или другим. Это смущало умы и вызывало смешанные чувства – но в его случае они лишь сильнее обостряли влечение. Его безупречный лик окаймляли светлые кудри – они спускались по белоснежной коже, падали на грудь, струились по точеным бедрам.

Музыка смолкла, наступила тишина. Несколько минут Оргротор внимал тишине. По своему она не менее прекрасна, чем музыка, в ней есть то недостижимое совершенство, которое так ценит Бекуян. В безмолвии Оргротор воспарил над балконом и поплыл в ночь, поплыл к буйству жизни. Во тьме мерцали сапфировые глаза.

Отец Чудовищ летел, наполняя окружающее своим светом. Тернии расступались перед ним, а позади расцветали лиловые цветы. Вокруг царила вечная ночь, а от земли поднимался пар – с другой стороны ее жарил Центральный Огонь. В этом изобилии влаги буйствовала жизнь – дикая, жестокая, насыщенная эманациями Тьмы, но удивительно прекрасная.

Кое-где почву расчерчивали арыки, тянулись каменные стены и торчали световые вышки. Фермы сурдитов, Мышц Древнейшего. Эти неуклюжие силачи знали толк в тяжелом труде – они строили и пахали, валили лес и пасли стада.

В отличие от гохерримов и нактархимов, что добывали еду охотой и грабежом, сурдиты прирастали хозяйством. Когда сурдит встречал зверя, то не убивал его, а бил по башке, тащил в крааль и пытался расплодить.

– Как храки мастов, что ли? – осклабился Бельзедор.

У Дегатти аж пиво носом пошло.

– Нет, – сухо ответил Янгфанхофен. – Как селекционеры.

– «Я и сам своего рода селекционер», сказал бы тебе Бубоч, – не мог успокоиться Бельзедор.

Оргротор с удовольствием отметил, что во многих фермах высятся мясные горы и растут деревья мавоша. Он сам их породил, применяя свою силу Оплодотворения. Просто экспериментировал – использовал почвенный субстрат, использовал всякие растения. Произойдя от репродуктивной системы божества, Оргротор содержал в себе бесконечную энергию жизни – и не переставал делиться ею с окружающими.

В разных формах. Та же мясная гора – это просто немного изначального Жира, той субстанции, что питала первые порождения Древнейшего. Оргротор собрал его и дал способность вечно идти в рост, а сурдиты научились заботиться о его творениях и сами стали ими питаться.

Но все порождения Оргротора были неразумны. Он не владел божественной силой в полной мере, но лишь одной из ее граней. Даже когда он однажды в рамках эксперимента оплодотворил самого себя, то произвел на свет нечто очень странное, но определенно неразумное.

Оргротор поморщился, увидев под собой одно из этих деревьев. Они каким-то образом распространились за пределы его сада, стали хаотично прорастать по всему Туманному Днищу. Их слышно издали – вместо плодов на их ветвях растут отталкивающие твари, своего рода огромные мокрицы с карикатурным лицом Оргротора.

Что сказать – это было даже гаже инцеста. Ничего удивительного, что получилась такая пакость. Но часть способностей отца-матери это древо унаследовало, поскольку для других демонов его плоды оказались безумно привлекательны.

В гастрономическом смысле. Демоны не могут устоять перед запахом этих личинок. Они уже стали их любимой едой, самым изысканным деликатесом Паргорона. Их даже прозвали «хлаа» – «восторг».

Но Оргротор хотел иного. Он хотел обзавестись детьми – настоящими, полноценными детьми. Теми, что станут его свитой, его друзьями и собеседниками. Наследниками – сказал бы он, не будь бессмертен.

Ибо Оргротор был одинок. Он жил в роскошном дворце, уступал в могуществе только Триумвирату и был любимцем всего Паргорона – но у него не было близких. Не было ему подобных.

Получить он мог любого демона или демоницу. Гохерримы и гохерримки, нактархимы и нактархимки, сурдиты и сурдитки... любые демоны, имеющие пол. Даже кульминаты... правда, тут была проблема габаритного свойства, но Оргротор не привык пасовать перед трудностями.

Однако все это было не то. И сегодня, после долгих переговоров, он летел над Туманным Днищем, дабы попробовать нечто новое.

Нырок!.. Оргротор устремился в кратер, похожий на огромную кротовину. Он слегка дымился, и ни один сурдит и даже животное не подошло бы даже близко. Ибо гибель источали выходные отверстия Червоточин, ибо струились в них ужасные газообразные демоны – ларитры.

Но Оргротор их не страшился. Никто не смел причинить вред Оргротору. Ларитры расступались перед его свечением, прятались в тенях и отнорках. Свистящий их шепот достигал ушей, проникал в голову, но не в силах был заморочить.

Ларитры заполняют не все Червоточины. Их не настолько много. Здесь обитают и другие создания, самые разные подземные демоны. Оргротор пару раз встречал варкамов, что произошли от Прямой Кишки. Видел и поргулов, к чьему появлению сам когда-то приложил руку. Недра Паргорона кишат жизнью не менее, чем поверхность, толща Чаши иссверлена ходами и пещерами.

И чем дальше летел Оргротор, тем светлее и жарче впереди становилось. Из вечной ночи Отец Чудовищ переходил в вечный день.

Ах, Центральный Огонь! Как приятно оказалось ощутить его лучи на коже! Воспарив над раскаленной пустыней, Оргротор зажмурился от удовольствия. Золотые волосы засверкали в дивном свете, как второе солнце – и жаль, до безумия жаль, что у этого зрелища не нашлось свидетелей!

– Янгфанхофен, а ты очень восхищаешься Оргротором, – заметил Бельзедор. – Он и в самом деле был так великолепен? Ты его восхваляешь даже сильнее, чем себя.

Янгфанхофен молча положил на стойку портрет. Бельзедор вскинул брови и больше вопросов не задавал.

Пустыня Пекельной Чаши не везде иссушена до безжизненности. Древнейший рассчитывал, что его дети в первую очередь будут жить на внутренней стороне. И хотя здесь и впрямь жарковато, зато солнца хоть отбавляй, а Мистлето разумно распоряжается его пламенем.

Изредка тут тоже встречались сурдиты. Те, кто осмеливался жить в постоянной опасности гохерримского набега. В основном самые из них могучие, объединившиеся в города-крепости. Они обогащали сухие почвы, рыли глубокие скважины и качали грунтовые воды.

Но гораздо чаще встречались гохерримы. Эти не обременяли себя ведением сельского хозяйства и совершенствованием в ремеслах. Они с самого начала избрали путь войны. Жили в основном охотой и грабежом.

Гохерримы тоже приручили некоторых животных – но не ради пищи. В те времена они еще не умели бегать по воздуху и ходить сквозь гиперпространство, а потому паргоронский конь был для них не статусным животным и четвероногим другом, а средством передвижения и союзником в битвах.

То же и с паргоронским псом. Эти возвращенные на Тьме звери духом были похожи на гохерримов, и целые своры их держались в качестве живого оружия.

Гохерримы вообще любили оружие. Из всех ремесел они до блеска отточили лишь одно – кузнечное. Еще на заре времен взяли в руки клинки – и больше уж с ними не расставались. Их демоническая сила развивалась не в сторону механизмов, как у ла-ционне, но и только на мышцы, как сурдиты, они не полагались. Из гохерримов получился народ мечников, несокрушимых рукопашных бойцов.

Они вели суровую жизнь в этой пустыне. Кочевали, спали в шатрах, а то и под открытым небом, делились на кланы и почитали своих старейшин, первородных Зубов. Быстро плодились, но часто и гибли, постоянно воюя с нактархимами и сурдитами, да и друг друга истребляя весьма лихо. Любимым их занятием была война, любимым развлечением – поединок.

Но они не были тупыми дикарями. В них тоже горел дух божества-прародителя. Между набегами и сварами они занимались философией и искусствами, многие сочиняли прекрасные стихи и писали саги. Даже паргоронскую письменность придумали гохерримы.

– Подожди, а разве не сурдиты? – усомнился Бельзедор. – Я слышал...

– Ты ошибаешься, – твердо сказал Янгфанхофен. – Гохерримы.

А когда песчаная пустыня стала переходить в каменистую, начали попадаться и нактархимы. Они жили в менее жарких местах, вели более оседлый образ жизни и строили в скалах крепости. Будучи яйцекладущими, они сильнее были заинтересованы в скрытном существовании и постепенно смещались к краям Чаши, к Ледовому Поясу.

Но туда Оргротор не отправился – он уже достиг цели. В самом низу Каменистых Земель, на границе с Пекельной Чашей высилась огромная башня. Она не скрывалась, она была видна отовсюду, но ее не тревожили ни гохерримы, ни нактархимы. Даже не боящиеся никого кульминаты обходили ее стороной, ибо здесь жил один из Органов.

Мазед, Язык Древнейшего.

Он почувствовал Оргротора издали и уже встречал на балконе. В отличие от Отца Чудовищ, летать Оротор не умел – он и ходил-то с трудом, опираясь на трость.

На то, чем был изначально, на язык, Мазед был совершенно не похож – он скорее напоминал гохеррима, только огромного, толстого и носатого. У него тоже были рога, были красные глаза, но сзади рос хвост, а по всему телу колыхались крохотные отростки.

Он носил одежду. Если Оргротор не видел смысла скрывать свою красоту, то Мазед, напротив, стремился спрятать свое безобразие. В первую очередь – следы болезни, ибо он был одним из тех, кого покалечил яд Ралеос.

И покалечил значительно. Мазед не погиб, как Пищевод, и не мучился от постоянной боли, как один из Зубов, Худайшидан, но и не мог просто загнать язву вглубь, как Гламмгольдриг. Его кожу сплошь покрывали рубцы – и иногда они раскрывались. В эти минуты Мазед страдал – и случались подобные приступы все чаще.

Это терзало его. В отличие от всех прочих частей Древнейшего, он не был бессмертен. Один из достойнейших и умнейших детей Паргорона, он медленно умирал.

Очень-очень медленно. Он прожил уже больше шести тысяч лет и мог прожить еще столько же – но он был обречен и понимал это.

Из-за этого Мазед вел постоянную активность. Он первым научился проникать за Кромку, он овладел колдовством, подглядев его у прекрасных альвов Тир-Нан-Ог, скрытных нагов Паталы и грозных джиннов Кафа. Со всеми он говорил на их языке и к каждому находил самый верный подход. Он обернул следы божественной силы в нечто новое, развил в себе подлинное демоническое начало.

Это именно Мазед привел в Паргорон лошадей и собак, осквернив их Тьмой, переделав в тех тварей, что так понравились гохерримам. Он даже поймал в землях альвов единорогов и превратил в двурога – но те оказались настолько дики и необузданны, что лишь самые жестокие и могучие из воителей могли усмирить этих созданий.

Нактархимы же получили костяных котов и сталептиц. Верховые животные им не требовались, а вот костяные коты и сталептицы стали лучшими друзьями.

– Что за сталептицы? – спросил Дегатти. – Где они водятся?

– Нигде. Они вымерли... благодаря нам, – чуть отвел взгляд Янгфанхофен.

Мазед жил на границе, между гохерримами и нактархимами. Он торговал с теми и другими, искусно между ними лавируя. Оба народа считали его своим другом – не слишком верным, но безусловно ценным. Он был слишком полезен для обеих сторон, ухитрился стать почти незаменимым, а его способности были во многом уникальны.

В те времена за Кромку умел ходить только он, да еще Ксаурр. Но Ксаурр не любил этого делать и вообще обычно гулял сам по себе. Зато Мазед... его башня была полна сокровищ, этот хромой толстяк тащил к себе все, что ему нравилось, и богател с каждым веком.

Но богатства не слишком его утешали. Радовали глаз, но не сердце. Как и Оргротор, Мазед был одинок и страдал от этого.

– О, как мило, как мило с твоей стороны наконец-то заглянуть! – чуть язвительно, но приветливо воскликнул Мазед, когда Оргротор приземлился на балкон. – Ты так долго не давала ответа, что я уж начал волноваться.

Мазед видел в Оргроторе женщину. Все живые существа видели Оргротора так, как им было комфортнее.

– Что же, раз наконец-то навестила, проходи, – заковылял по широкому проходу Мазед. – Я принес из-за Кромки много изысканных напитков... и сластей. Или хочешь чего-то посущественней?

– Отчего бы и не подкрепиться? – улыбнулся Оргротор. – Спасибо, мой дорогой.

Мазед подавил довольную улыбку и захолопотал. Незримые силы уже накрыли стол, в богато украшенной зале вздувались диковинные яства, чаши с ароматными винами и наркотические зелья. Мазед не был так прожорлив, как Гламмгольдриг, но обожал пробовать новое, обожал дегустировать и обладал утонченным вкусом. Потому порции были небольшие, зато их было много.

– Это божественный итиэль, сладкая настойка альвов, – вещал хлебосольный хозяин. – Это карри, оно островато, но наги его обожают. А еще отведай медового вина – я купил его у

джиннов. Оно не только наполняет бодростью все члены, но и порождает ароматный дым, так что услаждает не только вкус, но и обоняние.

Оргротор не стеснялся. Он не был таким гурманом, как Мазед, но диковинные яства порождали в нем почти детское любопытство. Парящий над полом, он вкушал то от одного кушанья, то от другого, пил из разных чаш и всякий раз хвалил искусство повара.

Мазед взирал на это с удовольствием, а его взгляд становился все более томным. Однако его пальцы нетерпеливо стискивали трость, поскольку Оргротор пока не заговаривал о том, для чего Мазед его и пригласил.

И в конце концов он заговорил сам. Отпив болеутоляющего зелья, которого Мазеду с каждым веком требовалось все больше, Язык произнес:

– Так что же, дорогая, ты обдумала то, что мы вместе обсуждали? Вижу, что обдумала, раз навестила мою скромную обитель.

– Обдумала, – кивнул Оргротор. – У меня есть для тебя несколько вариантов.

– Ах, несколько!.. – подвинулся ближе Мазед. – Это значит «да», верно?

– Я попробую исполнить твоё желание. Но нам понадобится твоё колдовство. И зеркала. Но не обычные, а кривые. Но не обычные кривые, а те, что искажают... гармонично.

– У меня много зеркал, любых, – осклабился Мазед. – Чего-чего, а этого у меня много. Зазеркалье было первым, что я освоил, когда учился ходить насквозь. Но для чего тебе это?

– Для чего... Дорогой мой, скажи, как много своих подобий ты бы хотел?

– Чем больше, тем лучше, – сжал кулаки Мазед. – Я хочу свой народ. Чтобы они были, как я. Такие, каким был бы я, если б не этот яд, который меня жжет. Чтобы после меня кто-то остался и покорил этот мир. Чтобы я мог завещать кому-то все, что накопил. И научить их всему, что узнал. Чтобы меня помнили и любили.

– Это непростая задача – создать целый народ. Моего собственного чрева на такое не хватит.

– А... но... как же тогда ты это сделаешь?.. – растерялся Мазед.

– Не переживай, соитие не потребуется.

– Не потребуется?.. А... ну... это хорошо, конечно... – сник Мазед, застегивая сюртук обратно.

– Но я кое-что придумала, – заверил Оргротор, накрывая руку Мазеда своей. – Зеркала, твоя кровь, твоё колдовство – и немного моей помощи. Я объясню, что делать.

Голос Оргротора журчал, как ручеек. Слаще любого вина, он был одновременно мужским и женским, приятным для любого, кто его слышит. Мазед испытал некоторую досаду, что способ будет более обезличенным, но когда Оргротор закончил рассказывать свою идею, он даже обрадовался.

Ведь таким образом это будут именно дети Мазеда. Не Мазеда и Оргротора, не смесь двух Органов, а именно его собственное потомство, только его. Без примеси чужих признаков.

Именно этого Мазед хотел в первую очередь. Он родился в окружении гохерримов, которые сразу были целой семьей, могучим сплоченным кланом – и смертельно завидовал такому счастью.

Его ведь они тогда не приняли. Возможно, именно из-за соседства с гохерримами он и сам получился похожим на гохеррима – но все-таки другим. Почти вдвое больше, хвостатым и каким-то распухшим. Уродливым, искаженным, с огромным носом и ушами.

Мазеда отвергли, не признали за своего. А потом долгими тысячелетиями его тело все сильнее ветшало, все чаще раскрывались рубцы и давали о себе знать язвы. Ему становилось все хуже, он чувствовал неуклонное приближение смерти.

И Мазед искал способ продолжить себя в других.

Весь верхний этаж башни занимала зеркальная зала. Тридцать четыре зеркала, и каждое вело в другой мир. За каждым светилось не только отражение Мазеда, но и пейзаж иной пла-

неты, иного измерения. Кроме хозяина, никто еще не бывал в этой зале прежде – Оргротор стал первым.

– Это подойдет, – сказал он. – Это даже лучше, чем кривые зеркала. Теперь нужна кровь.

Мазед с готовностью отдал целое ведро своей крови. Каждое зеркало окаймил алой рамкой и написал в углах слова индивидуальности. Он не хотел получить кучу близнецов – каждый потомок должен чуть-чуть отличаться от него и своих сиблингов.

Эта зала была его святая святых, его путем за Кромку. Мазед много веков ее отшлифовывал. Зеркала висели по кругу, и все было так рассчитано, что отражения не пересекались. Напротив каждого стекла была глухая стена, и каждое было ограничено толстой рамой, так что даже боком ничего не попадало.

Кто-то, а Мазед знал, насколько это опасно – когда одно волшебное зеркало отражает другое. Получается зеркальный тоннель, способный увести в необозримые глубины мироздания – и оттуда могут явиться такие гости, что заставят обгадиться даже демона.

Встав точно в центре, Мазед разделся догола, выдохнул серебристый дым, и зала наполнилась иллюзиями. Льющийся сверху свет многократно преломился, и тридцать четыре отражения задвигались вместе с Мазедом.

Поначалу отражения были точными – но быстро стали искажаться. Черты, силуэты, движения – они все меньше совпадали с оригиналом. Зеркальные Мазеды начали обретать собственную жизнь.

Парящий под куполом Оргротор раскинул руки – и его тень упала на Мазеда. Ровно половина отражений оказалась в сумраке – и изменилась еще сильнее. Эти уже совсем не были Мазедами – скорее Мазедессами.

Язык Древнейшего закатил глаза. Его слегка колотило, эманации Оргротора вливались в него и наполняли жизнью зеркала. Тридцать четыре отражения тоже затряслись, задержались... и принялись дубасить в стекло кулаками.

– Просто откройте двери, ребятишки!.. – захопотал Мазед, как несущка.

Вот, первое отражение вырвалось наружу! Кровь Мазеда со свистом втянулась в него, даруя плоть, делая материальным. Глаза засветились истинным сознанием, монада души зажглась, словно вспышка новой звезды.

Мазед ахнул, радостно хлопнул в ладоши – но то было только начало. Второй, третий, четвертый!.. Один за другим они выходили в залу – а зеркала за ними тускнели и чернели, навсегда становясь просто матовыми стеклами. Дети Мазеда забирали себе волшебство Зазеркалья.

Вот уже их ровно тридцать четыре – семнадцать юношей и семнадцать девушек. Они были несомненно подлинными существами, настоящими демонами – не иллюзиями, не демоникалами, не Ярлыками. Они ничем не уступали гохерримам, нактархимам, сурдитам.

Разве что...

– Какие малюсенькие... – растерянно молвил Мазед, когда те подошли поближе. – Они... они даже меньше ла-ционне.

– Да... стоило взять зеркала побольше... или комнату поменьше... – тоже немного растерянно сказал Оргротор. – Надеюсь, ты не в обиде?

– Нет, так даже лучше, – довольно потер руки Мазед. – В них плотнее сконцентрировано волшебство. Будут самые лучшие колдуны. А к тому же... я возвышаюсь среди них, как гора! Они будут поклоняться мне, как своему богу!

– Нет, не будем, – с некоторым вызовом сказал тот, что вылез самым первым.

– Ах ты мой маленький несмышлениш! – умилился Мазед. – Я назову тебя... Мараул.

– На старопаргоронском это означает «сварливый», – пояснил Янгфанхофен, заметив замешательство собеседников.

Усталый, но счастливый Мазед пригласил Оргротора отметить успешное завершение родов. Снова оказался накрыт огромный стол... теперь еще больше, еще богаче! И кроме двух Органов за ним расселись тридцать четыре гомонящих рогатых карлика.

Своим волшебством Мазед сотворил для них одежду – самых разных фасонов и цветов. Из всех тридцати четырех миров, с которыми имел дело – и каждый детеныш нашел себе что-то по душе. Самый старший, Мараул, первым облачился в алую мантию и колпак и первым плюхнулся на стульчик возле отца.

За пиршеством Мазед раздал имена им всем. Оргротору тоже хотелось поучаствовать, но Мазед был так счастлив и так носился со своим потомством, что он не стал встречать.

И то сказать – именно от Оргротора им не досталось почти ничего. Он наделил их только разделением на мужчин и женщин, да способностью к размножению – все остальное они получили от Мазеда.

Кроме его хронической болезни, к счастью. Ни у кого не оказалось ни рубцов, ни отростков по всему телу. Совсем крохотные – зато и совершенно здоровые.

Когда имя получил самый младший детеныш, Каген, Мазед сложил руки на животе и умиротворенно вздохнул:

– Ну что ж, пусть я однажды умру. Зато какая у меня огромная семья!

Оргротор вздрогнул. В каком-то смысле это были и его дети – но Мазед явно не собирался ими делиться. Теперь его башня наполнится жизнью, будет кишеть молодыми демонами-колдунами.

А через несколько поколений гохерримов и нактархимов ожидает неприятный сюрприз. Закромочный кудесник, которого много веков пытаются присоединить к какой-нибудь фракции, неожиданно создал свою.

Сами малыши тоже не воспринимали Оргротора как свою... мать?.. Второго отца?.. Они смотрели только на Мазеда, и смотрели с почтением. Не как на живого бога, конечно, но как на кумира и родоначальника.

Любимого батюшку.

– Запомните, дети, – наставлял их Мазед, когда Оргротор потихоньку удалился. – Перед лицом вечности нет ничего важнее семьи.

Верные слова. Оргротору они тоже запали в душу.

58869 год до Н.Э., Паргорон, Обитель Саа'Трирра.

– Ты звал меня, Саа'Трирр?

Огромный серый купол устремил свои чувства к гостю. Оргротор был совсем мал в сравнении с Космическим Разумом – так в последнее время все чаще прозывали Саа'Трирра. Когда Мозг обращался к кому-то, все трепетали, ибо могущество его было подавляюще и безгранично.

– Да, – раздалось в голове.

Саа'Трирр говорил, не говоря. Посылал слова, не издавая звуков. Это не было обменом мыслями, хотя чужие разумы были ему что раскрытая книга.

– Мазед очень благодарен тебе. Его племя разрастается.

Оргротор улыбнулся и чуть склонил голову. Да, за минувшие двести лет дети Мазеда обзавелись собственными детьми, а те – своими. Их пока еще было не так много, но они уже распространились по Чаше, снискали себе славу ловкачей, кудесников и авантюристов. К ним прилипло прозвище «бушуки», что на старопаргоронском значит «торговцы».

– У них любопытная мозговая активность, хотя и несовершенная, – прокомментировал Саа'Трирр. – К тому же с несколько узким спектром интересов. Как и у всех.

– Творение определяется формой и содержанием, – произнес Оргротор. – Картина закончена, когда мы заключаем ее в рамку. А мозговая активность ни у кого не совершенна... может, кроме тебя.

– *Нет. Ни у кого. Совершенство недостижимо, Отец Чудовищ. Но это не повод бросать попытки. А потому у меня к тебе есть просьба.*

Оргротор не удивился. Он догадался, для чего Саа'Трирр пожелал увидеться. От него не укрылось то, что он сделал для Мазеда, но долгое время Мозг выжидал, желая как следует изучить результат. И теперь, когда он убедился, что бушуки получились сильным племенем, что их способности не угасают с поколениями, а дети не уступают родителям, то пригласил Оргротора встретиться.

– *Моя мозговая активность тоже несовершенна, – повторил Саа'Трирр. – Но это как раз тот случай, когда количество может повысить качество. Этот метод используют лационне, и я тоже желаю попытаться. Я прошу тебя взять мои образцы тканей.*

Оргротор медленно плыл вокруг серого купола. Он размышлял над этой новой задачей. Саа'Трирр – совсем иное существо, нежели Мазед. Его не выйдет отразить в зеркалах-порталах, и никакое прихотливое колдовство тут не поможет... наверное.

– *Я уже все проанализировал для тебя, – снова послышалось где-то между ушей. – В моем случае лучший способ – почкование с небольшим количеством сопутствующих мутаций ноогенеза.*

Оргротор почувствовал, как в голову вливаются новые знания. Разум обогащался тем, чего в нем раньше не было.

– *Это займет несколько минут, – сказал Саа'Трирр. – Я бы переслал все сразу, но боюсь перегрузить твой несовершенный мозг.*

В чужих устах это прозвучало бы оскорблением. Высокомерием. Но Саа'Трирр не был высокомерен, он просто излагал факты. Говорил как есть, не заботясь о чувствах собеседника.

И теперь Оргротор понимал, как лучше всего подступиться к тому, о чем просит Космический Разум. Его глубинная суть – информация. Мышление и воспоминания, хранение и обработка данных. Нужно создать существ, что будут способны делать то же самое. Обмениваясь пакетами информации, совместно храня все им известное, они будут разными – и в то же время единым целым.

Второго Саа'Трирра Оргротор создать не мог. Для этого нужно божественное происхождение. Но Саа'Трирр сам сказал, что можно взять количеством. Вместо второго Мозга Древнейшего – множество меньших разумов, способных работать в коллективе.

Проект был изящным. Саа'Трирр явно давно его обдумывал, и Оргротору захотелось поучаствовать. Однако один момент его смущал... некая неизвестная переменная.

– Я вижу здесь пробел, – сказал он, просматривая перечень действий. – Ты добавляешь некий компонент... что это за компонент?

– *Я добавлю его сам, – бесстрастно ответил Саа'Трирр. – Тебе нет нужды знать, что это.*

– Нет-нет, Разум, так не пойдет, – покачал головой Оргротор. – Если ты желаешь моей помощи, я жду в ответ полной откровенности. Я не твой слуга, меня нельзя подозвать и сказать: сделай мне детей, Оргротор, а потом поди прочь. Твои дети будут и моими... в определенном смысле. И коль уж я оказываю тебе услугу, то имею право хотя бы знать, что именно ты создаешь.

– *Не говори так, словно тебе это в тягость. Я знаю тебя, Отец Чудовищ, и вижу твои эмоции – поверхностные и глубинные. Ты сам навязываешь всем свою помощь, ибо это твое любимое занятие.*

– Возможно, – не стал спорить Оргротор. – Но не думай, что ради краткого удовольствия я стану пешкой в чужих махинациях. Я властен над своими чувствами, как над ними был властен Древнейший.

– *Это правда. Но я не могу сказать тебе все. Примешь ли ты заверение в том, что это никак не направлено против тебя и ты нимало от того не пострадаешь?*

– Приму, – только и сказал Оргротор.

Это было не всей правдой. Оргротор принял заверения, но собирался вывести, что же такое скрывает Саа’Трирр.

А Саа’Трирр, разумеется, понял, что Оргротор собирается это сделать. Однако он нуждался в помощи Отца Чудовищ и заранее знал, что тому будет любопытно.

Мозг и Фаллос знали друг друга тысячи лет. Очень и очень разные, во многом чуть ли не противоположности...

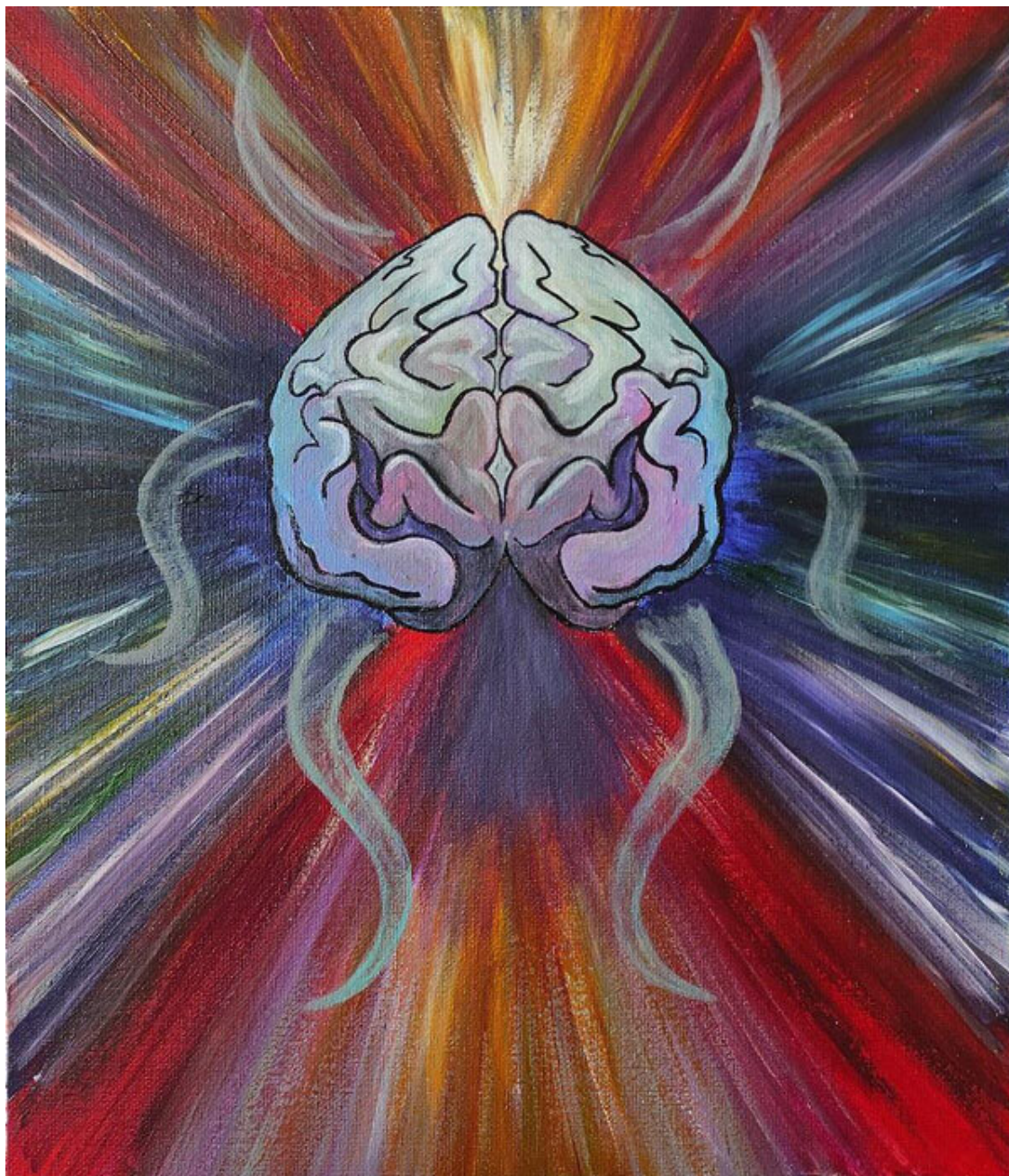
– Дегатти, хватит ржать. Ты же давно не школяр, несолидно.

Разумеется, они давно не были в буквальном смысле Мозгом и Фаллосом. Позвольте объяснить. Это были существа, которые родились из определенных органов... даже не органов, а идей этих органов. Стали воплощениями конкретных частей тела и представлений об их функционале. Даже не обязательно чего-то объективного – облик и способности многих Органов могли иметь чисто мифологический сюжет.

Во многих культурах фаллос – это символ плодородия. Созидательных сил природы. Таков был и Оргротор. Его прозвали Отцом Чудовищ, поскольку он стремился давать жизнь, одухотворять все сущее. Но, как и любая полноценная личность, он не был заключен в рамки своего функционала.

По всей поверхности Саа’Трирра стали прорастать незримые нити. Наружу выступили миллионы аксонов, и пространство исказилось, пошло радужными волнами. Не знающая границ мысль Космического Разума соединилась с ноосферой и начала перестраивать реальность.

Оргротор наблюдал очень внимательно. Он готовился вступить в ритуал – и в то же время ждал, когда появится неизвестный компонент. Громадный серый купол все сильнее пульсировал, и в какой-то момент Оргротор поднялся, воспарил, со свистом полетел меж струящихся аксонов.

Мы не будем излагать детали. Упомянем лишь, что физического контакта не было. Акт осеменения не был в буквальном смысле осеменением. Оргротор просто... придал Саа'Трирру силу сделать все самостоятельно.

И в какой-то момент на макушке мозгового купола вспухла... это походило на опухоль. Межполушарная щель разомкнулась, выпуская гроздь из пяти дрожащих серых комьев.

Именно тогда все и случилось. Оргротор наблюдал очень внимательно, но ключевой момент пропустил. Саа'Трирр что-то сделал... на одно мгновение Оргротор почувствовал колоссальную энергию, пронизавшую пространство. Энергию, похожую на... силу Древнейшего?..

Это длилось десятую долю секунды. Потом все закончилось, загадочная энергия исчезла... и Оргротор услышал в голове чужие мысли.

Сразу пять. Новорожденные разумы – немного растерянные, взволнованные, но сразу же высокоразвитые. С серых комьев стекала влага, они медленно отделялись от подсыхающей грозди. Крошечные, почти невидимые рядом с Саа'Трирром, они казались камешками на вершине горы.

Они захлебывались от потоков информации. Слепые и глухие, как сам Саа'Трирр, они воспринимали мир через призму ментальных волн. Каждый получил часть воспоминаний отца, в каждого было скопировано все самое важное и немного менее важного.

А еще... это были уже готовые личности. Бушуки, дети Мазеда, тоже родились сразу взрослыми, но их разумы были чистыми страницами. Очень быстро развившимися, но изначально – чистыми.

Саа'Трирр же неким образом притянул в свои микрокопии обитателей Лимбо. Затерявшиеся в тумане души – но не первые попавшиеся, а придирчиво отобранные. Оргротор слышал лишь отголоски их мыслей, что стихийно хлестали во все стороны, но этого хватало, чтобы понять, насколько могучие перед ним интеллекты.

Поистине великие умы. Глобальные. Опередивший свое время математик, инженер и философ, совершивший в своем мире научно-техническую революцию. Гениальный шулер, махинатор, вычислительные мощности чьего ума были настолько велики, что он мог просчитать результат броска костей, как только те начинали падать. Дотошный историк с абсолютной памятью, по едва заметным несоответствиям в хронологии сумевший вычислить истинную историю своего мира. Ребенок-аутист, чья мысль была настолько ясна и стройна, что еще в детстве он доказал считавшуюся недоказуемой теорему. Осознавший себя искусственный интеллект, много веков служивший информационным центром целой планеты.

Я во тьме. Все ощущается странно. Ничего не вижу. Не слышу. Или вижу и слышу? Как я смотрю? Где мои руки? Незвестный носитель. Карта не распознана.

Мысли мелькали беспорядочно, переплетались и отражались от одного мозга к другому. Они были мертвы, они блуждали в забвении – и теперь Саа'Трирр вытащил их, тщательно отобрав из триллионов.

– *Моими детьми могли стать только лучшие*, – не скрывая гордости, помыслил Космический Разум. – *Я решил, что это продуктивнее, чем создавать искусственно слепки индивидуальности.*

– Изящное решение, – согласился Оргротор, отмахиваясь от ментальных щупалец новорожденных.

Кто ты? Что ты? Что я такое? Что мы такое?

Но паника быстро стихала, демоны-младенцы складывали картину произошедшего. Они все были чрезвычайно умны, да к тому же получили часть памяти праотца. Вскоре они осознали, кем стали, как появились. Осознали, чем теперь являются и что их окружает.

Их мысли обрели упорядоченность. Воспоминания прежней жизни уходили на задний план, подавляемые новым телом полностью из мозговой ткани. Быстрее всех справились мальчишка-аутист и искусственный интеллект, но остальные отстали ненамного.

Вот один начал приподниматься в воздух. Он сумел перевести свои мысли вовне и проявить телекинез.

– Это как сон, – прозвучали бесстрастные звуки. – Всегда хотел летать. Я построил массу машин для этого, но это не то же, что летать во сне.

– Все так условно, – поднялся над серым куполом второй. – Реальность поддается моей воле. Действительно, как управляемый сон.

– В промежутке я был в Лимбо, – задумчиво сказал третий. – Я не осознавал себя, но теперь мое мышление стало даже яснее, чем до смерти. Я ведь умер, не так ли?

– Это форма, к которой я стремился, – произнес четвертый, изучая ментальные волны братьев. – Теперь ничего лишнего.

– Синхронизация завершена, – прозвучало со стороны пятого. – Носитель органического происхождения. Мощност ментал-поля достаточна. Состояние систем удовлетворительно.

Оргротор с любопытством рассматривал свои новые порождения. Они абсолютно не походили на бушуков Мазеда. И какое удивительное у них единодушие. Они уже как будто ментально сплелись, начали обмениваться мыслями. Каждый – самостоятельная личность... и в то же время часть единой сети, часть глобального разума.

– Раздашь им имена? – спросил он у довольного Саа'Трирра.

– *У них уже есть. Но надо привести к единой системе.*

– Предлагаю по образцу оригинала, – сказал один. – Мы же клоны?

– Мы не совсем клоны. Но предложение разумно.

– Позитивная реакция.

– Поддерживаю.

– Принято.

Саа'Трирр и пять его крохотных парящих спутников стремительно обменивались мыслями. Имена большинства Органов представляли собой искаженные названия того, от чего они произошли. На старопаргоронском, который тогда еще называли просто паргоронским. «Саа'Трирр» буквально означало «творец мысли» – так в родном языке Древнейшего иносказательно именовали мозг.

Имена же новорожденных стали сокращениями и анаграммами их прежних имен. Ге'Хуул, Кор'Скатон, Мо'Нахти, Уль'Вакам и Шег'Раа. Пятеро первых представителей нового вида... но не последних.

– Вопрос, – вскинул палец Дегатти. – Который из них Ге'Хуул? Математик?

– Почему ты так решил?

– Ты назвал его первым.

– Я назвал их в алфавитном порядке. Простите, но я сам не знаю, кто из них кто. Ге'Хуул отказывается говорить на эту тему, так что можно только предполагать.

– *В дальнейшем твоя помощь не потребуется,* – сказал Саа'Трирр Оргротору. – *Все необходимое в них заложено, повторять процедуру они смогут самостоятельно.*

– Как я и предполагал, – с легкой иронией произнес Отец Чудовищ. – Приходи, Оргротор, сделай мне детей... а теперь поди прочь.

– *Ты можешь оставаться здесь сколько захочешь. Но зачем?*

– Действительно, – хмыкнул Оргротор, уносясь в небеса.

Что-то он заметил у Саа'Трирра. В тот самый момент. В ту ключевую долю секунды... там что-то вспыхнуло, в глубине его тела, меж плотных складок. Загорелось яркой точкой.

Это обеспокоило Оргротора. Взорвало. Он захотел узнать больше... но Саа'Трирр ему ответа не даст.

Придется действовать окольными путями.

58500 год до Н.Э., Паргорон, Дворец Оргротора.

Оргротор чувствовал себя задетым. Он наконец-то стал родителем чего-то большего, чем живая груда мяса или дерево, на котором растут личинки. И его дети уже широко распространились. Бушуки торговали всем подряд во всех концах Чаши, а дети Саа'Трирра, к которым прилипло прозвище «кэ-миало», «хранители информации», хотя и не слишком размножились, зато влияли на весь Паргорон своей ментальной магией.

Но при этом ни те, ни другие не видели в Оргроторе своего отца. Что вообще-то иронично, учитывая его эпитет.

В конце концов, от него в них не было... ничего. Он дал им плоть, дал способность к репродукции, но плоть была на основе других родителей, а возможность размножаться они воспринимали как само собой разумеющееся.

Нет, бушуки почитали только Мазеда, а кэ-миало клубились вокруг Саа'Трирра. До Оргротора им не было никакого дела.

Другие Органы не выказывали желания обзавестись потомством. Это Мазед чувствовал себя обреченным и хотел продолжиться в потомстве, а Саа'Трирр испытывал потребность распределить свою ментальную мощь. Остальных вполне устраивала их уникальность. Те, что существовали парами, даже враждовали, на каком-то глубинном уровне испытывая неприязнь к своему близнецу.

Но Оргротор... он по-прежнему томился от одиночества. Ему по-прежнему не хватало близких – и не хватало сил их создать.

Тут вот ведь какая штука. Он был двупол, он воплощал одновременно мужское и женское начало, но при этом ему все равно требовался партнер. В одиночку он мог порождать только примитивных неразумных тварей.

И Оргротор искал способ это преодолеть. Способ обзавестись собственными детьми. Это был вопрос не только продления рода. Стало уже видно, что этот мир не за единичными чудовищами, а за демоническими народами. А значит, к успеху придут не только они, но и те, кому они будут служить.

И лучше бы это был Оргротор.

Другие Органы этого пока не поняли. Даже всезнающий Саа'Трирр, даже видящий будущее Согейн. В ближайшие века и даже тысячелетия еще ничего не изменится – Паргорон населен бессмертными, а бессмертным некуда торопиться.

Но Оргротор заглядывал дальше. Он стоял у колыбели бушуков и кэ-миало, помог явиться в свет двум новым народам. Он видел, как те и другие постепенно осваиваются, как набирают силу. Следил за теми и другими с самого начала.

И подыскивал того, кто поможет ему совершить акт деторождения в третий раз.

Идеальным вариантом была бы Мазекресс. Она воплощала в себе идеал Оргротора. Да, она величиной с гору и абсолютно чудовищна обликом, но это всего лишь зримое воплощение. Паргоронцы слишком разные, чтобы кого-то здесь заботила внешность. Да, красотой самого Оргротора восхищались все, но только лишь потому, что все демоны Чаши произошли из одного Тела – и их представления о прекрасном сходились.

А внутренняя красота Мазекресс больше, чем у кого-либо еще. Она – Сердце Паргорона. Сердце бога. В ней живет бесконечная любовь к творению, пусть и оскверненная уже Тьмой.

Но кто здесь не осквернен? Они все – демоны. Словно дети, потерявшие свой рай. Помнящие о законе, но без зазрения совести его преступающие.

Оргротор и сам таков.

Жаль, что их с Мазекресс дорожки разошлись. Пятьсот лет назад они испытывали взаимную симпатию, их отношения были весьма теплы. У них было много общего – любовь к прекрасному, тяга к искусству, потребность создавать жизнь... вот это последнее их в конце концов и развело.

Они понимали это по-разному. Мазекресс тоже была творцом, но не могла порождать новую жизнь. Она улучшала уже существующую – меняла свойства, приводила в соответствие с ее пониманием идеала.

Получалось не всегда. Мазекресс тоже чего-то недоставало, она тоже была лишь отдельным Органом. И все же они с Оргротором прекрасно друг друга дополняли, и могли бы дополнить еще сильнее – если бы не расходились во мнениях насчет того, что есть идеал.

Она несколько раз улучшала его порождения. Хотя как улучшала... они не нуждались в улучшении! Это оскорбляло Оргротора. Задевало гордость.

Она ведь не считала нужным спрашивать разрешения. Обращаться за советом. Просто брала то, что он породил, меняла по своему усмотрению – и полагала, что он должен быть благодарен.

Почти сто лет минуло с тех пор, как они перестали общаться. Причиной стало растение, начавшее бесконтрольно заполнять ущелья Туманного Днища. Удивительно живучее, растущее с огромной скоростью, распространяющееся везде и всюду.

А ведь изначально это был просто кустик сладких ягод. Таким его породил Оргротор. Вывел для Паргорона самую вкусную ягоду. Она сочетала целый букет ощущений – душистый запах, изысканную сладость, сочную мякоть и бодрящее послевкусие. Она утоляла жажду и была отличным источником витаминов.

Только вот росла плоховато. Очень прихотливое получилось растение. В Пекельной Чаше ему было слишком жарко и сухо, в Туманном Днище – слишком темно и влажно. Мглистые и Каменистые Земли тоже подходили не очень-то.

Оно дохло от всего. От скверны, от зноя, от насекомых. В садах Оргротора росло прекрасно, но в его садах прекрасно росло все. Он озарял землю и воздух своей силой Оплодотворения.

И сто лет назад Мазекресс взялась... помочь. Без спросу. Не посоветовавшись. Она просто позаимствовала образцы и переродила их в своем чреве. Наполнила новой силой, дала небывалую живучесть и способность себя защищать.

И что в итоге? Сладкая ягодка, которую прозвали паргоронской ежевикой, превратилась в бич полей, ее тернии приобрели свойство злостно прорастать в любых почвах. Их вырубали, травили ядами, сжигали – паргоронская ежевика упорно возвращалась.

Да, ягоды у нее изумительные. Но демоны – это не феи, они питаются не только ягодами. Не очень-то приятно, когда паргоронская ежевика за несколько дней разрастается так, что оплетает твой дом, прорывается в окна, начинает терзать твою мясную гору. Сурдиты злились, защищали свои поля физической и демонической силой, рыли каналы и возводили стены.

И они обвиняли Оргротора. Мол, это он напакостил всему миру. Но Оргротор помнил, какой создал паргоронскую ежевику – и она вовсе не была такой! Да, она была чахлой и не выживала без тщательного ухода – но зато и не пыталась задушить весь мир!

У них тогда случился тяжелый разговор. Мазекресс, что особенно оскорбило Оргротора, не считала себя виноватой. Она ожидала благодарностей. Ведь растение Оргротора стало очень стойким и жизнеспособным, оно стремительно превращалось в доминирующий вид.

Теперь требовалось лишь создать другие виды – уравновешивающие эту ежевику. Естественных врагов, которые будут жить в этих терниях, питаться ими. И Мазекресс охотно соглашалась доработать любых существ, которых создаст для этого Оргротор.

Доработать. Это стало еще более сильным оскорблением. Она подразумевала, что все его создания заведомо ущербны, что их обязательно нужно дорабатывать.

У них не вышло договориться. У них вышло только окончательно рассориться. Их отношения уже были холодны, но после того случая они стали врагами. Не пытались друг друга убить, но не упускали случая навредить. Напакостить.

Так что Мазекресс не годится. Саа'Трирр тоже помогать не станет, и его не проведешь, он сразу раскусит Оргротора. Большинство же остальных Органов уступают Мозгу и Сердцу – а Оргротор был преисполнен амбиций, он тоже хотел для своего потомства самого лучшего.

Хотел сильных и красивых детей. Чтобы умели колдовать не хуже бушуков. Чтобы гохеримы со своими железками не смели к ним и приблизиться. И чтобы их было не так легко убить, чтобы даже молниеносный нактархим не мог сделать это безнаказанно.

Еще они должны заботиться о землях, о паргоронской Чаше. Быть добрыми и рачительными хозяевами. Растить сады и заботиться о скоте не хуже сурдитов. Знать толк в науках и искусствах.

Во всех отношениях быть идеальными.

Да, Мазекресс подошла бы лучше всех. И Саа'Трирр бы подошел. Но они отпадают... и остается последний из Триумвирата.

Гламмгольдриг.

Желудок – самый ужасный из паргоронских чудовищ. Огромней кульминатов, прожорливей Кишок, кровожадней гохерримов. Он вечно голоден, жесток и жаден, а периодически дающая о себе знать язва скверно сказала на его нраве. Он обладает многими недостатками, Гламмгольдриг.

Но многие из них можно обратить в достоинства. Так ли уж плохо быть самым прожорливым и кровожадным в мире монстров? Язвы дети Оргротора не унаследуют.

Монстрами. Должны ли они стать монстрами? Оргротор разрывался – ему одновременно хотелось видеть своих детей неуязвимыми чудовищами на вершине пищевой цепи, и в то же время – красивейшими из созданий, своими подобиями. К тому же универсальных монстров не существует, любая форма будет в чем-то ущербна.

Метаморфы?.. Оргротор неудачно дернул струну, и ночь пронзила фальшивая трель. Наделить их способностью менять форму... да, отчего бы и нет? Оргротор и сам умел это делать, они смогут получить это от него. Обычно Отец Чудовищ пребывал в облике прекрасного златовласого андрогина, но мог надеть множество личин, случись такая прихоть.

И еще демоническая сила. Способность творить чудеса. Без этого на вершину не заберешься, останешься тем, что презрительно именуют «низшим демоном».

Гохерримы первыми ей овладели. Научились заряжать клинки душами, и это сразу дало им преимущество в гонке. Но за ними последовали и остальные – ла-ционне с их машинными комплексами, сурдиты с их душепитательными растениями, нактархимы с их когтями-крово-пийцами.

Лучше всего это получается у ларитр. Они тоже развиваются в своих подземельях. С ними теперь можно иногда пообщаться, они перестали нападать на всякого, кто подходит близко.

Да, демоническая сила... Оргротор воспарил над балконом и устремился к горизонту. Она у каждого своя, принимает самые разные оттенки. Летать без крыльев, творить вещи из ничего, наделять жизнью, убивать взглядом... они все произошли от божественной плоти, в глубине каждого заложена фантастическая мощь, но для ее пробуждения нужны стимулы, нужна энергия. Ее проще всего получить, отняв у другого.

И дальше всех в этом продвинулся именно Гламмгольдриг. Великий пожиратель, бездонное чрево. Если дети Оргротора получают его силу, то будут править этим миром.

Саа'Трирр жил на внутренней стороне Чаши, Мазекресс – на внешней. Гламмгольдриг разместился между ними. Не в недрах, как ларитры, а в глубинных измерениях. Его поглощающая мощь была так велика, что он мог изгибать само пространство, управлять гравитацией – и он ушел вглубь, на дно четвертого измерения. Создал там свою крепость, цитадель, в которой его не могли достать гохерримы или другие враги.

– Я тут обратил внимание, Янгфанхофен, как часто в твоих историях главной проблемой предстают гохерримы... – задумчиво сказал Бельзедор.

– Мы терроризировали всех, – с достоинством согласился Янгфанхофен. – В конце концов, мы произошли от зубов. Конечно, мы хотели... нет, не жрать. За этим к Гламмгольдригу. Мы хотели кусать. И мы кусали всех, кого могли.

Иногда, впрочем, Гламмгольдриг выбирался из своего логова. Особенно когда видел что-то особо вкусное. Он все-таки Желудок. В первые несколько веков после Разделения Гламмгольдриг был настоящим бедствием – он опустошал и без того пустынные земли, грозил уничтожить всю Чашу. Именно он сразил и сожрал Селезенку, Щитовидную Железу и многих кульминастов. Они, как самые крупные, привлекали его особенное внимание.

Потом, правда, кульминасты начали ему мстить. Особенно Агг и Гегг, объявившие на него настоящую охоту. Именно из-за них Гламмгольдриг и скрылся в гиперпространстве.

Говорят, кульминастов надоумил напасть на Желудка какой-то гохеррим в маске. Но Оргротор в эти слухи не верил. Где кульминасты, а где гохерримы?

Попасть в обитель Гламмгольдрига непросто. Дверей-то туда полно, они разбросаны по всей Чаше – но двери это тайные, они постоянно перемещаются, и в них можно только войти – не выйти. Многие демоны навсегда исчезли, случайно ступив на одну из Призрачных Троп. Гламмгольдриг создал из них настоящую паутину, а сам сидит в ее центре, подстерегая добычу, что сама идет в пасть.

Раньше его называли Пожирателем Сущего. Но после того, как он засел в сердце Паргорона и забрал в единоличную власть гиперпространство, за ним закрепилось другое прозвище – Темный Господин. Ибо он затаился во тьме, и оттуда протянул нити, контролируя всю Чашу.

Эту способность Оргротор тоже охотно бы позаимствовал. Власть над пространством, умение изгибать измерения и мгновенно перемещаться куда вздумается. Но для начала нужно самому переместиться к Гламмгольдригу – и так, чтобы не стать его пищей.

Оргротор долго подкатывал к Гламмгольдригу, сообщался с ним на расстоянии, напрашивался в гости. Желудок подозрителен и никому не доверяет, так что было это непросто. Но Оргротор умел находить ключ к чужим сердцам – и в конце концов Гламмгольдриг размяк. А когда Отец Чудовищ посулил попотчевать его тем, чего он прежде не пробовал, тот просто не смог устоять, и обещал Оргротору безопасность. Поклялся, что не тронет его, не попытается сожрать.

Это очень важно – получить такое обещание. Паргоронцы уже тогда замечали, что демоническая сила в первую очередь действует на самого демона, как на оной силы источник. Поэтому обманывать можно других, но не себя. Когда ты противоречишь собственному «я», идя против слов или действий, ты отрицаешь самое себя. Когда в настоящем ты противоречишь себе былому или будущему, то разрушаешь ту реальность, в которой тебе есть место.

Демоны бессмертны, а с бессмертных спрашивается строже. Их постоянно испытывает даже не мир, а собственное подсознание, которое помнит, что всему есть конец, а для конца нужны... условия.

– Какие условия, Янгфанхофен? – спросил Дегатти.

– Тебя это не касается, – одновременно ответили Янгфанхофен и Бельзедор.

– Привет тебе, о Темный Господин! – весело воскликнул Оргротор, представ перед мясным вулканом. – Рад, что ты согласился на эту встречу!

– ТЫ ЗАИНТРИГОВАЛ МЕНЯ, ОТЕЦ ЧУДОВИЩ! – загромыhalo из пасти-кратера. – ЧТО ТЫ ТАКОЕ МНЕ ПРИНЕС?

В голосе чудовища звучало нетерпение. Гламмгольдриг обратил к Оргротору свои стельчатые глаза, а по его складчатым склонам потекли слюни. Дрожь вожделения прокатилась по громадному телу.

Они в чем-то были похожи, Гламмгольдриг и Оргротор. Внешне, конечно, абсолютно разные – но обоих вели низменные желания. Обжорство и похоть, две самые сильные из животных страстей. И когда Гламмгольдриг увидел бочонок, что принес с собой Оргротор, когда ощутил крепкий дурманящий запах... его взгляд стал томным.

Бушуки, эти крохотные детишки Мазеда, оказались изобретательными созданиями. Им было мало зарабатывать, чтобы чувствовать власть и могущество – тем более, что в Паргороне пока не появилось единого мерила ценности. То, чем дорожили ла-ционне, было безразлично гохерримам, а сокровища сурдитов не интересовали никого, кроме сурдитов. Бушуки именно потому и заняли так удачно свою нишу, что стали посредниками между демоническими народами и уникальными Органами, обменивались со всеми и каждому давали то, чего он хотел.

И в числе прочего они выдумали дурманное зелье. Сурдиты давно варили пиво из мавоша, а гохерримы научились перегонять его, делая крепленые настойки – но для демонов это все равно было слабеньким компотиком. Требовалось выпить бочку, чтобы хоть чуточку захмелеть.

А вот бушуки ухитрились смешать такой коктейль, который сшибал с ног. Вызывал шум в голове даже у кульминатов. Конечно, Гламмгольдриг уже успел его попробовать, так что в его голосе прозвучало предвкушение, но и легкое разочарование:

– ТЫ ОБЕЩАЛ ТО, ЧЕГО Я ЕЩЕ НЕ ПРОБОВАЛ! ЭТО Я ПРОБОВАЛ! НО ДАЙ МНЕ ЕГО, ИБО Я ИСПЫТЫВАЮ ЖАЖДУ!

– Нет, о Темный Господин, ты ошибаешься, – лукаво сказал Оргротор, подлетая поближе. – Ты пробовал обычное зелье бушуков, которое пьют все и в котором нет ничего особенного. Это же – новый, улучшенный рецепт с особыми добавками.

Он нисколько не погрешил против истины. Добавки здесь и в самом деле были... добавка. Одна, лично от Оргротора. Действительно особая субстанция, настоящий концентрат его силы, его уникальных способностей.

– Да фу, тля!.. – выплюнул пиво Дегатти.

– Я не сказал, что это за добавка, – заметил Янгфанхофен, протирая стойку.

Гламмгольдриг содрогнулся в пароксизме вожделения, и сам его дворец колыхнулся следом. Вокруг замерцали огни, бесчисленные тропы-паутинки задрожали. У Оргротора зарябило в глазах, но он остался невозмутим, продолжая лукаво улыбаться.

Для Гламмгольдрига он представлял не мужчиной и не женщиной. Как и Саа'Трирр, Желудок Древнейшего не имеет пола, и ему нет дела до пола других. Он способен испытывать страсть к живым существам, но эта страсть – извращенного, причудливого рода. Его притягивают те, кто способен изысканно его кормить и в то же время сами могут стать аппетитным кушаньем.

Оргротор это знал, а потому не прибегал к своим обычным приемам. Гламмгольдрига не удастся соблазнить, как иных демонов, а если даже и удастся – он сожрет того, кого воделеет. Источаемые Оргротором феромоны изменили свойства – теперь они успокаивали, умиротворяли.

А когда зелье бушуков полилось в бездонный кратер, Гламмгольдриг издал довольное урчание. Внутри него все забурлило, пространство наполнилось как будто беззвучной мелодией, и Оргротор ощутил мягкие прикосновения. У Гламмгольдрига нет рук, но ему они и не нужны – он воздействует на материю просто силой воли.

– ЭТО И ПРАВДА ЧТО-ТО НОВОЕ! – с удовольствием воскликнул он. – ТЫ... М-МА!.. НЕ ОБМАНУЛ! БУШУКИ СОЗДАЛИ НОВЫЙ РЕЦЕПТ? КАКИЕ МИЛЫЕ СОЗДАНИЯ!

Он захмелел почти сразу же. Зелье бушуков не содержало спиртов, опиатов, амфетаминов и что там еще действует на слабые мозги смертных. Точнее, все это в нем было, но только в качестве символа, в гомеопатических дозах. Бушуки своим колдовством преобразовали смесь разных веществ в саму идею дурмана, в нечто вроде жидкого демона, пляшущего у тебя внутри.

А Оргротор своей добавкой еще и улучшил субстанцию. Внес в нее каплю самого себя, каплю божественной силы. Одну-единственную, и очень узкого применения – но с ней зелье бушуклов приобрело новые свойства.

На Гламмгольдрига уже подействовало. Но он ничего не заподозрил, настолько хорошо ему стало. Раньше он ничего подобного не испытывал. Радуюсь тому, насколько замечательный друг Оргротор, какой чудесный подарок он ему поднес, Гламмгольдрик благодушно пообещал:

– СЕГОДНЯ Я ТЕБЯ НЕ СЪЕМ. Я ДУМАЛ ОБ ЭТОМ, НО ТЕПЕРЬ РЕШИЛ НЕ ТОРОПИТЬСЯ.

Оргротор подозревал, что Гламмгольдрик все-таки собирается нарушить... точнее, обойти обещание. Желудок не производит впечатление титана мысли, ему далеко до интеллекта Саа'Трирра или мудрости Мазекресс, зато в нем таятся бездны низменного коварства. Он лжив, жесток и бессердечен... но Оргротор прекрасно это понимал и играл сейчас в ту же самую игру.

– Не надо, не ешь меня, Гламмгольдрик, – сказал он, улыбаясь. – Поглотив меня, ты получишь не так уж много, а оставив в живых – можешь многое выиграть.

– ТЫ ПРЕДЛАГАЕШЬ СОЮЗ, – благодушно произнес Темный Господин. – КАК РВАДАКЛ. ГОВОРИ, Я СЛУШАЮ.

Оргротор мгновение промедлил. Он не знал, что Великий Очиститель начал какие-то отношения с Гламмгольдригом. Прежде они всегда враждовали, один раз даже бились насмерть, и Рвадакл тогда выжил, но долго зализывал раны.

Что же теперь – они заключили перемирие?

– И что же ты ответил Рвадаклу, о Темный Господин? – вкрадчиво спросил Оргротор, подлетая совсем близко.

– ГА-ХА-ХА-ХА-А-А!.. – прогрохотал Гламмгольдрик, содрогаясь всей тушей. – ВЫПЫТЫВАЕШЬ?! ХА-ХА-ХА, ХИТРЫЙ ХЕР! НРАВИШЬСЯ ТЫ МНЕ, ОРГРОТОР!

Темный Господин хмелел все сильнее. На огромном теле выступил пот – липкий, беле-сый. Он выделился из-под складок, стал источать нестерпимый смрад. Но Оргротора он не отпугнул, а только сильнее возбудил. Он любил... излишества.

И когда он приник к Гламмгольдригу, когда стал нежно елозить по его поверхности...

– Не надо! – взмолился Дегатти.

– Дегатти, просто заткни уши, я расскажу только Бельзедору, – вздохнул Янгфанхофен.

– Обычно я люблю сцены демонического секса... но, кажется, я только что нащупал свои границы, – покачал головой Бельзедор.

Гламмгольдрик не запомнил, чем закончилась их с Оргротором встреча. А вернее, не придал значения. Он просто неплохо провел время и пригласил своего нового друга захаки-вать при любом удобном случае. Да, у Оргротора есть свои странные потребности, но Гламмгольдригу понравилось, удовольствие было обоюдным.

Зато Оргротор вернулся в свой дворец удовлетворенным, с лукавой улыбкой на лице. Он получил, что хотел. Немного особого, заряженного специальным образом геноматериала Гламмгольдрига. Он сохранил его внутри себя и уже активировал первую партию.

В течение следующего года у него рос живот. С обычной скоростью. И все это время Оргротор корректировал свойства и облик своего первенца – но не слишком усердно. Что-то следует оставить и на волю случая, природа иногда может придумать интереснее.

Этот ребенок был только его собственным. Всего один – но это было только начало. Сразу после родов Оргротор активировал похищенный геноматериал снова, и у него опять начал расти живот.

Тем временем его первенец лежал в колыбели и сердито ворчал. Он родился младенцем – но сразу умел говорить и многое знал о мире. Оргротор применил те же методы, что с бушками и кэ-миало – ребенок унаследовал часть его памяти.

И у него сразу же были зубы. И два пупка. Но во всем остальном это был самый обычный младенец, подобие самого Оргротора, только однополый. Истинный потомок Древнейшего.

– Я назову тебя... Аркродарок, – произнес Оргротор, изучая генокод первенца.

– Это драконье имя, – ответил младенец, глядя в потолок. – Какова причина, отец?

– Со временем узнаешь, – усмехнулся Оргротор.

Его дети обещали быть всесторонне одарены. Умные с рождения, способные к колдовству и манипуляциям с пространством. К тому же оборотни, имеющие две жизни.

Но Оргротор столько от них хотел и столько всего намешал, что появились некоторые сложности. Например, все их способности оказались до поры запечатаны. Поначалу это были только дети Оргротора – причем дети ущербные, ничем не отличающиеся от смертных. Чтобы открыть в себе Гламмгольдрига, обрести полный спектр способностей и второй облик, им предстояло пройти своего рода инициацию. Несложную, доступную легким усилием воли – но запечатывающую в том облике, в котором они сейчас есть.

– Это неудобно, – посетовал Аркродарок. – Если я получу рану и буду вынужден превратиться, то навсегда останусь ранен.

– А еще ты навсегда останешься младенцем, – подтвердил Оргротор. – А потому ты будешь жить в моем дворце, в безопасности и неге, пока не достигнешь желаемого возраста. Я защищу тебя и позабочусь.

– Спасибо, мама. Но все-таки это неудобно. Что если я обращусь, не заметив заусенца на пальце? Что мне, всегда ходить с этим заусенцем?

– Получается, так. Так что ты уж проследи, чтобы заусенцев не было. Инициацию нужно будет пройти только один раз – уж подготовься к ней как следует.

Следующие полвека Оргротор провел в своем дворце – затихнув и скрывшись от чужого внимания. Он не принимал гостей и сам никого не навещал. Никто не подозревал, что в тиши его залов, в роскошном убранстве древнего чертога один за другим рождаются и подрастают все новые высшие демоны.

Всего он произвел на свет двенадцать младенцев – шесть мальчиков и шесть девочек. После этого заряд похищенного геноматериала стал истощаться, двенадцатый отпрыск уже родился немного хилым, и Оргротор решил не продолжать, чтобы не портить породу.

Он мог вернуться к Гламмгольдригу за добавкой, но в этом не было нужды. Когда дети войдут в возраст, то станут размножаться сами. Поначалу под строгим присмотром своего отца-матери, а потом... у них будет целая вечность, чтобы заполнить его дворец внуками и правнуками.

Сначала дворец – потом весь мир.

Дети самого Оргротора были ослепительно красивы. Все до одного. Они унаследовали его лучшие качества, его безупречную внешность, его культурное обхождение и высокий интеллект. Сам же Оргротор приобщал их к прекрасному – искусствам, наукам, волшебству и альковным тайнствам.

Никто из них не преобразовался слишком рано. Никто не запустил себя, не разожрался и не родил до срока. Они пристально следили за отцом-матерью и друг за другом, старались друг друга перещеголять и получить больше похвалы от родителя.

Аркродарок, первенец и любимец, совершил инициацию самым последним, достигнув аж тридцати девяти смертных лет. Он пожелал выглядеть зрелым мужчиной, чтобы сохранить старшинство над братьями и сестрами – не только формальное, но и внешнее. Но все остальные сделали это в юности, между семнадцатью и двадцатью пятью годами. Весельчак Гариадолл – в девятнадцать, тихоня Кошленнахтум – в двадцать три.

Это был венец творения Оргротора. Возвышенные, культурные, одухотворенные создания. Они походили на дивных бессмертных альвов... но с чудовищной начинкой.

Плодились и размножались они охотно и с удовольствием. Это у них было от Оргротора. От Гламмгольдрига же они унаследовали прекрасный аппетит. Когда все дети Отца Чудовищ прошли инициацию, его дворец стал обителью вечного праздника, непрекращающихся пиров и оргий. Численность его населения с каждым годом росла.

Но в конце концов Оргротор немного притомился от внимания потомков. У него уже были не только внуки, но и правнуки, их становилось все больше – и он намекнул детям, что любимый дедуленька хотел бы снова побыть в тишине.

Двенадцать первенцев к тому времени разбились на постоянные пары. Они по-прежнему занимались любовью с кем попало, но потомство заводили так, чтобы не слишком пересекать родовые линии. Оргротор сумел донести до них, что они стоят в начале нового народа, а поскольку они бессмертны – в будущем они пожалеют, если будут действовать непродуманно.

И теперь Оргротор помог пяти парам с их потомством отселиться. Паргоронская Чаша вся была поделена, но население ее было малочисленно. Высшие демоны – не смертные, они не плодятся миллионами. Общее число кульминатов, мегандоров, гохерримов, нактархимов, сурдитов, ларитр и недавно появившихся бушуков и кэ-миало составляло... может быть, тысяча триста. И они были рассеяны по огромной территории, так что от тесноты никто не страдал.

Конечно, еще оставались ла-ционне – вот их было действительно много. Но тоже все-таки не настолько, чтобы толкаться локтями. А поскольку жили они плотными сообществами, большая часть их империи представляла собой пустыню.

В эту пустыню и переселился Аркродарок. Самый старший и самый могущественный. Он уже почти не уступал отцу, и ему самому давно стало тесно в его дворце. Вместе с женой и потомством он удалился в Мглистые Земли и создал себе там жилище – вдали от городов ла-ционне.

Остальные тоже избрали себе места по душе. Гариадолл поселился на самом верху Каменистых Земель, у отрогов Ледового Пояса. Дзегакор – в Пекельной Чаше. Биллаон – на самом большом острове Пламенного моря. Идеммерий – в Туманном Днище, но очень далеко от отца.

И только самый младший, Кошленнахтум, остался с Оргротором. Он родился слабее остальных, и даже с женой ему не повезло – она пробыла с ним недолго, а потом ушла к другому, старшему сыну Аркродарока. Кошленнахтума это очень задело, а его самооценка и так оставляла желать лучшего.

Он был добр и робок. Больше всех, пожалуй, похож на Оргротора. Красивый, женственный, с мягким характером, неуверенный в себе. Оргротор ловил себя на мысли, что любит его не меньше, чем первенца, Аркродарока. А поскольку вновь оставаться в полном одиночестве ему все-таки не хотелось, он не возражал, что самый младший по-прежнему с ним.

Тем более, что тот во всем подражал отцу, учился у него, тоже хотел стать повелителем жизни. Сознавая, что уступает своим братьям и сестрам, он углубился в демоническое колдовство, изучал темные чары.

И потекли годы, века, тысячелетия. Дети Оргротора нарожали своих детей, те своих, а те – своих. Достигнув совершеннолетия, они также отделялись, обзаводились усадьбами на незанятых землях. Иронично, но существа, летающие без крыльев и владеющие телепортацией, оказались большими домоседами, коротающими дни в праздном безделье.

Они ходили друг к другу в гости, пировали, вели долгие беседы и поначалу совершенно не ссорились. Они были совсем юны, они еще не успели испортиться и развратиться, к тому же всей душой любили общего прародителя и не хотели расстраивать его склоками.

Все больше в Паргороне становилось их поместий. Земельных угодий, на старопаргоронском – гхьетов. А к их владельцам прилипло прозвище «гхьетшедарии» – землевладельцы, помещики.

Гохерримы поначалу посчитали их легкой добычей для своих налетов. Расслабленные лодыри – что могли противопоставить эти одиночки хорошо вооруженным отрядам?

Много чего, как выяснилось. Эти твари мгновенно перемещались в любую точку Паргорона, могли молниеносно сбежать от налета или позвать на помощь родню. Их пожирательная способность оказалась неприятным сюрпризом, и гохерримы поначалу просто не знали, что с ней делать. К тому же они управляли пространством, и нерасторопного демона могли просто превратить в месиво.

– Но вы же справились? – участливо спросил Бельзедор. – Вы же и их начали гнобить?
– Конне... э-эй!..

Да, гхьетшедарии тоже вступили в общую междоусобицу. В течение трех тысяч лет пали трое сыновей Оргротора и четверо дочерей. Дзегакора и Биллаона убили гохерримы, Идеммерий пал от руки сурдита Поползня. Бицепс Древнейшего обладал суровым нравом и не потерпел рядом со своими землями какого-то выскочку, потихоньку раздвигающего границы.

Зато Аркродарок очень даже ужился с ла-ционне, и его владения простирались уже на тысячи кульмин. Он посчитал, что Кровь Древнейшего идеальна в качестве его подданных. Маленькие, поодиночке почти неразумные, но крайне работоспособные и способные заполнять любое пространство существа. Их комплексы постепенно становились все сложнее, и Аркродароку нравилось учиться у них инженерному делу.

Процветал и Гариадолл. Он не раскинул свои владения на такие просторы, как старший брат, ему вполне хватало относительно небольшого гхьета, где он кутил и познавал все возможные развлечения. Он спешил перепробовать все возможное, хватался то за одно, то за другое, научился выходить за Кромку и проводил много времени там.

Гхьетшедариев становилось все больше, их гхьеты расползались по Паргорону пятнами. Увеличивалась численность и бушуков – эти сразу нашли свою нишу, ухитрившись стать союзниками каждому демоническому народу и Органу.

А вот кэ-миало по-прежнему было меньше тысячи, и новые появлялись очень редко, зато они явно вырвались в лидеры. Дети Саа'Трирра, сильнейшего в Триумvirате, они почти не появлялись на поверхности, предпочитая темноту глубоких нор, но оттуда контролировали весь Паргорон.

Кэ-миало сумели стать даже нужней бушуков. Они не претендовали на многое, их не интересовали земли, власть, богатства. Они жаждали только информации – а это было то, что совершенно не ценили остальные. Каждый кэ-миало хранил часть воспоминаний Саа'Трирра, а Саа'Трирр по-прежнему оставался Мозгом Древнейшего – и прочие демоны молча признавали его превосходство.

До поры. Был девять тысяч семьсот пятьдесят второй год от Разделения, когда старейшины гохерримских кланов сошлись на сходку – и в этот день начались большие перемены.

55444 год до Н.Э, Паргорон, Школа Молодых.

Изначально их было тридцать два. Тридцать два первородных Зуба, шестнадцать мужей и шестнадцать жен. Но они без малого десять тысяч лет жили войнами и набегами – и за это время две трети их погибли. В живых осталось только десятеро.

Однако их заклятые враги, нактархимы, тоже сократились в численности. Из двадцати изначальных осталось всего шестеро. Зубы медленно, но неуклонно одолевали Ногтей – и сегодня они собрались, дабы обсудить финал затянувшейся вражды.

Даже через без малого десять тысяч лет гохерримы не строили городов и не жили оседло. Даже теперь они предпочитали шатры и спали под открытым небом. Их сердца были сердцами воинов, они радовались только битвам и ни на миг не расставались с клинками. Клинки были

хранилищем их силы, клинки были их главным козырем – и они досыта поили свои клинки кровью.

Но нет правил без исключений. Один из первородных пару тысяч лет назад перешел к оседлости. Джулдабедан, уже прозванный Учителем Гохерримов. Когда в очередной битве с нактархимами погибла его жена, он первым задумался над тем, что демоническая жизнь вечна, но не вечен в ней демон. Нет абсолютного бессмертия, рано или поздно первородных не останется совсем. Новые поколения, возможно, не будут помнить о чести, силе и достоинстве Древнейшего так, как помнят первородные.

Поэтому он создал то, что потом прозвали Школой Молодых, и начал обучать юношей и девушек.

Сначала только собственное потомство. Членов своего клана. Но с течением веков другие кланы также стали отправлять своих молодых к Джулдабедану. Он хорошо учил.

Межклановая вражда давно осталась в прошлом. На заре времен гохерримы сражались и друг с другом, но быстро поняли, что так просто изведут сами себя, и сплотились против всех остальных. А поскольку невест или женихов предпочитали брать из других кланов, они давно переплелись множественными родственными узами.

Изначально кланов было шестнадцать, и во главе каждого стояла чета первородных, от которых и происходили все остальные. Но теперь кланов осталось лишь десять, и старейшина у каждого был только один.

Два возглавляли Зубы Мудрости: Джулдабедан и Сильдибедан. Пять – Коренные: Худайшидан, Росканшидан, Эррешидан, Резкельшидан и Джойнайшидана. Два – Резцы: Гаштерлодан и Руналодана. Один – Клык: Мардзекадан. Однако в каждом были потомки и шести утраченных кланов, рассеявшихся по остальным. Кровь не пропала, она жила в молодых гохерримах.

– Давно мы не собирались вот так, все вместе, – произнес Сильдибедан, оглядывая братьев и сестер. – Сколько, лет пятьдесят уже?..

– Больше, все шестьдесят, – сказал Резкельшидан. – Я помню, вот этого корпуса у Учителя тогда еще не было.

– И нас по-прежнему десять, – с теплотой в голосе сказал Худайшидан. – Нас по-прежнему десять.

– За нашу кровь! – провозгласил Мардзекадан, поднимая огромный кубок. – За тех, в ком она течет! И... за прекрасных дам!

Столовую наполнил громовой хохот Джойнайшиданы. Одной из двух последних первородных женщин. В первые тысячелетия гохерримы не владели по-настоящему искусством поглощения душ, их демоническая сила была не так уж велика, и многое зависело в том числе от силы физической. При этом в войнах женщины участвовали наравне с мужчинами – и немудрено, что гибли они чаще.

Немудрено, что спустя десять тысяч лет их осталось всего две – и обе весьма крупные. Что Руналодана, прозванная Налетчицей, что Джойнайшидана, известная как Могучая Княгиня. Ее муж был одним из кариозных Зубов, умер больше восьми тысяч лет назад, так что свой клан великанша большую часть времени возглавляла в одиночку.

Сейчас в правой руке она держала именной клинок, громадный шестопер, а в левой – сочный шмат мяса. Гохерримы пировали уже несколько часов и успели извести целую мясную гору. Оставили лишь немного вокруг ядра – чтобы чудо-зверь не издох, чтобы смог снова нарастить плоть.

– А, это не то! – воскликнула Джойнайшидана, отрывая зубами сразу половину. – Какое мясо без духа?! Я скушаю по шашлыкам из сурдитов!

На многих лицах появилось смущенное выражение. Молодые гохерримы не помнят, но когда-то Зубы Древнейшего с удовольствием питались сочными сурдитами и хрустящими ла-

ционне, выковыривали из-под панцирей плоть нактархимов, совместно забивали на мясо кульминатов и мегандоров. Именно их жертвой стала Левая Ступня.

А на заре существования, в самое первое тысячелетие... но об этом гохерримы совсем не любили вспоминать. Каннибализм они отвергли давным-давно.

Кодекс. Джулдабедан с самого начала размышлял о судьбе всех гохерримов. Не только о своей. С самого начала он был погружен в самое себя – неважно, чем при этом занимался. В пылу ли битвы, на брачном ли ложе, на пиру ли с друзьями, на охоте или в медитации – часть его ума всегда была обращена к решению проблемы, что одного его и волновала.

Остальных мало заботило то, что будет завтра, а уж тем более через тысячи лет – но Джулдабедан заглядывал в будущее не хуже Согейна. Не переставал думать, как сделать так, чтобы гохерримы не стали рабами своих страстей или слугами тех, кто сильнее.

Даже клинок он себе выбрал нетипичный, не имеющий лезвия. Поначалу все сражались костями, выточенными из убитой Челюсти. Потом один за другим переходили к металлу, становились все более искусными оружейниками. Лишь Джулдабедан по сей день сохранил свой древний костяной шест.

– Подожди, – перебил Бельзедор. – Он же у него деревянный. Я точно видел.

– Так сколько лет-то с тех пор прошло, – пожал плечами Янгфанхофен.

И именно своему кодексу Джулдабедан в первую очередь учил юных гохерримов. С младых лет те усваивали, что нельзя есть тех, кто способен говорить. Что следует щадить тех, кто достойно сражался. Что дуэль священна, а честная победа не призывает к отмщению.

Учил истинной красоте поединка. Искусству благородной войны.

Как следует отметив встречу, старейшины кланов переместились на открытый воздух. Они собрались не только для того, чтобы выпить за здоровье друг друга и убедиться, что их по-прежнему десять. У многих были новости, многое давно назревало. Они неоднократно встречались по двое и по трое, обсуждали будущее своего народа, но сегодня пришло время для общего решения.

– Ты хорошо учишь нашу молодежь, – сказал Сильдибедан Джулдабедану. – Мы все тебе за это благодарны.

Вдали проскакали двое юношей на паргоронских конях. Мардзекадан узнал в одном своего сына – недавно старейшина снова женился, и у него наконец-то снова появился сын. Все предыдущие погибли много лет назад, в бесконечных битвах.

Пусть хоть этот переживет их побольше. Не из-за великой любви Мардзекадана к отпрыску, а чтобы не жалеть о том, что кровь слабеет.

– Однако когда они покидают твою школу, то ведут ту же жизнь, что и все мы, – продолжал Сильдибедан. – Скажите мне, братья, в чем правда?

– А в чем правда? – нахмурился Мардзекадан.

– Я думаю, что правда в силе: у кого сила, тот и прав, – рубанул ладонью Сильдибедан. – Братья. Сестры. Выслушайте мои слова. Мы все воины, и мы сильнее всех в этом мире, но мы неразумно используем свою силу. Беспорядочные набеги, стычки с кем попало, охота поодиночке и малыми группами.

– Согласен, – прохрипел Эррешидан. – Мы можем поставить Паргорон на колени, если организуемся в единое целое.

– Именно это я и хочу предложить, – кивнул Сильдибедан. – Систему. Армию. Мы все воины – так давайте станем войском. Нас достаточно много для этого. Пусть вместо кланов будут легионы.

Первородные загомонили. Предложение Сильдибедана всем пришлось по душе. Самый рассудительный из них, он прославился своими знаниями родовых древ и умением разрешать

споры меж их веточками, за что был прозван Судьей Паргорона. К нему прислушивались прежде – прислушались и сейчас.

– Мы давно обсуждали это с Росканшиданом, – продолжил Сильдибедан. – Когда-то наши кланы были просто семьями, когда-то они состояли только из наших детей и внуков. Сейчас у нас столько потомков, и они так переплелись, что большинство происходит от всех нас сразу. Мы – предки всего народа гохерримов.

– Мы – и еще двадцать два погибших, – дополнил Гаштерлодан. – Их кровь...

– Я не к тому, чтобы умалить их заслуги, – вскинул ладонь Сильдибедан. – Моя собственная жена лежит там, где ее убили нактархимы. Но перед гибелью она произвела на свет много детей, у меня тысячи потомков. Весь народ гохерримов – мои потомки.

– Мой сын – не твой потомок, – усмехнулся Мардзекадан.

– Ты так в этом уверен? – насмешливо спросил Сильдибедан. – Кто его мать, скажи?

– Критаригнева, прекраснейшая из дев клана Резкельшидана.

– Критаригнева – дочь Гирратеблата и Стардиромены. Стардиромена – дочь Экротарима и Марезабелы. Экротарим – сын Ростардрахара и Шьянагариты. Ростардрахар – сын Резкельшидана и Терремодены. Терремодена – дочь Эльглетаблона и Ногфанхолиты. А Ногфанхолита – дочь Зиглекаданы... и меня. Твой сын – мой прапрапраправнук, Мардзекадан.

Последний из Клыков опешил. Он невольно поймал взглядом скачущего вдали юношу, а потом расплылся в улыбке и хлопнул Сильдибедана по плечу.

– Мы обязательно за это выпьем, брат, – пообещал Мардзекадан. – Но заверши свою мысль. Вот переименуем мы кланы в легионы – что дальше?

– Позвольте мне, – молвил Росканшидан. – Мы с Судьей много об этом толковали. Вы же все знаете, что мой клан – самый малочисленный? Знаете, почему?

Гохерримы смутились. Да, все знали, что Росканшидан по прозвищу Часовой кочует в основном на границе с Каменистыми Землями. Там прохладнее, там больше растительности, а сейчас там еще и стоит башня Мазеда. Паргоронский Банкир и его дети-карлики посредничают в торговле по всей Чаше, да еще и доставляют интересные мелочи из-за Кромки.

Но еще там начинаются земли нактархимов. Из своих тайных крепостей они делают налеты. Живые молнии, закованные в костяную броню невидимки, они сливаются с почвой, сливаются с песком – и нападают из ниоткуда. А уж в те дни, когда Мистлето засыпает, и Центральный Огонь меркнет... ночь на внутренней стороне случается только раз в год и длится недолго, но она воистину страшна.

– Мы сражаемся с нактархимами испокон веку, – сказал Росканшидан. – И мы можем победить. Если создадим организованное войско первыми – победим.

– Паргорон должен стать нашим! – вспыхнули глаза Эррешидана. – Нактархимы – единственные наши соперники! У всех остальных кишка тонка! Уничтожим нактархимов, а остальных сделаем своими слугами! Сурдиты будут рыться в земле, ла-ционне – делать для нас вещи! Бушуки и кэ-миало нам тоже пригодятся! А ларитры... ларитр мы тоже потом уничтожим. Как-нибудь.

– А что насчет этих... гхьетшедариев? – спросила Руналодана.

– Дети Хера Древнейшего?! – фыркнул Эррешидан. – Сперма, смегма и нечистоты?! Эти разбегутся, как только мы обнажим клинки!

– Я бы вырезала их всех до одного, – процедила Джойнайшидана. – Мне отвратительны они как явление. Я убила ту тварь, которая поселилась в Пламенном море... и вы не поверите, если я расскажу, как мерзотна она была.

– Поверим, – сказал Гаштерлодан. – Мой клан тоже одного такого уничтожил. Он сожрал пятерых отличных воинов, а потом превратился... сначала я подумал, что это какой-то Орган, но нет.

На лицах Зубов промелькнуло отвращение. Гхьетшедарии, эти самые молодые из обитателей Паргорона, вызывали у них смесь омерзения и потаенного страха.

Они не боялись самих гхьетшедариев, но опасались того, что означало их появление. То, что демоны произошли из божественного Тела, не являлось предметом веры – все просто это знали. Но что ответит сам Древнейший, если спросить его, кого он скорее станет считать своими детьми? Ожившие Зубы или тех, кто появился из его Чресел, из божественного Семени?

Что больше похоже на классическое определение ребенка?

Но всерьез гхьетшедариев пока еще не воспринимали. Они не были воинственны. Все были уверены, что выжечь их поместья не составит труда. Просто никто не видел смысла этим заниматься, пока жив и силен главный враг.

– Десять легионов, – рисовал в воздухе план Сильдибедан. – Мы десятеро будем зваться вексиллариями. Знаменосцами. Мы будем не командовать своими легионерами издали, а вести их в бой. Каждый легион будет делиться на десять когорт – в первой будем лидировать мы сами, остальные возглавят достойнейшие после нас.

– Что делать, если один из нас погибнет? – спросил Худайшидан. – Легион будет поглощен другими?

– Нет. Число кла... легионов не должно больше уменьшаться. Если вексиллария убьет другой гохеррим – он докажет тем свою силу и сам станет вексилларием.

– Прекрасная мысль! – вспыхнули глаза Мардзекадана. – Мне нравится!

– А если это будет не гохеррим? – спросил Худайшидан.

– В таком случае мы объявим турнир за титул. Пусть молодые сражаются – и лучший среди лучших станет одним из нас.

Эта мысль понравилась всем еще больше. Гохерримы обожали турниры. На них они сдерживались, сражались не до гибельного исхода, но все равно безумно их обожали.

Новоявленные вексилларии оживились, стали обсуждать грядущую реформу. Единение! Совместный удар на нактархимов! Сильдибедан и Росканшидан уже наметали систему будущего народа-армии, но каждому первородному нашлось, что добавить.

– Когда мы расправимся с нактархимами и раздавим всех остальных, Паргорон станет нашей житницей, – хрипло вещал Эррешидан. – А потом мы сделаем его огромной крепостью... и пойдем дальше. Вы знаете, как кишит душами пространство за Кромкой? Мы заставим бушуков показать туда дорогу – и наши клинки никогда не будут голодать.

Эррешидан был первым, кто научился поглощать души. Он же был и тем, кто сильнее всех это любил. Его меч Кровожад был особенно жаден, особенно ненасытен – и Эррешидан щедро его кормил.

Но ему всегда было мало.

– У меня есть предложение, – сказала Джойнайшидана. – Нактархимы – сильный враг. До того, как ими займемся... не проредить ли нам сурдитов? Накормим как следует клинки их мясом...

– Между нами и сурдитами – толща Чаши, – перебила Руналодана. – Мой клан все время делает туда налеты, но ты знаешь, сколько воинов гибнет в дыме ларитр? Эти выпуки Легких... с ними охереть как трудно драться!

– Поэтому я предлагаю прорубить новый тоннель, – ухмыльнулась Джойнайшидана. – Прямо в центре. Там, где был дворец той твари, которую я убила.

– Тоннель сквозь Чашу? – удивился Мардзекадан.

Джойнайшидана только осклабилась. Братья и сестра посмотрели на нее с сомнением, но возражать не стали. В конце концов, если кому и под силу такой подвиг, так это ей, Могучей Княгине.

– Сытые клинки – это очень важно, – согласился Худайшидан. – Но я тоже хочу сказать. Эррешидан, ты тут хорошо сказал насчет судьбы сурдитов, ла-ционне и остальных... но один народ ты позабыл. Что ты планируешь делать с кульминатами?

Эррешидан хмыкнул. Кульминаты всегда как-то выпадали из картины. Да, иногда гохерримам удавалось одолеть кого-то из них, но только целой гурьбой. Даже первородные не рисковали выходить на них в одиночку.

– Неверно поставленный вопрос, – отвел взгляд Сильдибедан. – Я бы лучше спросил, что кульминаты планируют делать со всеми нами.

– Я каждое утро начинаю с фразы: спасибо, что я еще жив, о кульминаты, – хохотнул Резкельшидан. – Если бы они были такими же, как мы, в Паргороне давно бы остались только кульминаты.

– Верно, – кивнул Худайшидан. – Поэтому я считаю, что делать их врагами неразумно. Вместо этого разумно будет... но, впрочем, пусть за меня скажет другой. Вы слышите?

Гохерримы прислушались. Рокот. Гул. Земля словно чуть вздрагивает. И грохот понемногу нарастает, приближается...

– Я позволил себе дерзость пригласить на нашу сходку гостя, – сказал Худайшидан.

– Ты что замыслил, Князь?! – воскликнул Гаштерлодан. – Ты восстал против нас?!

– Я бы никогда не восстал против гохерримов! – вспыхнул Худайшидан.

– Я всегда говорил, что ему нельзя верить! – повысил голос Гаштерлодан. – Он же последний из... подгнивших!

Худайшидан невольно сжал кулаки. Его алый глаз вспыхнул пламенем, черный – чуть заметно задымился. Единственный тут в доспехах, в маске на пол-лица, Гниющий Князь придвинулся к Гаштерлодану и процедил:

– Я «подгнил» только телом. А что касается твоих малодушных и подлых слов, то ты мне за них еще ответишь. Но не здесь и не сейчас. Братья! Сестры! Я привел на эту встречу друга – и простите, что не предупредил!

Его толком не слушали. Все смотрели на быстро растущую багровую громаду. Коротконогий и длиннорукий, с огромными рогами, он шагал неторопливо, но каждым шагом мог перемахнуть здание.

– ПРИВЕТ, ХУДАЙШИДАН, – раздался оглушительный глас.

– Привет, Агг! – помахал Гниющий Князь.

Остальные Зубы смотрели на это с неприкрытым изумлением. О том, что Худайшидан водит дружбу с кем-то из кульминатов, слухи ходили давно. Но его не спрашивали – Гниющий Князь всегда был замкнутым.

И Гаштерлодан сказал правду, Худайшидан – последний из кариозных. Четверо остальных погибли тысячи лет назад – они родились слабее здоровых Зубов, страдали от вечной боли, и постоянные войны выкосили их в числе первых... хотя потомство успели оставить все.

Но не Худайшидан. У него яд Ралеос отравил только часть тела, и он сумел обратить свою слабость в силу. Тоже живущий в непрерывной агонии, Худайшидан научился ее претерпевать, почти не обращая на нее внимания. Искусство, которое переняли от него и остальные, а Джулдабедан даже включил в курс обучения молодых.

Конечно, лучше всех этому мог научить сам Худайшидан. Но из него плохой наставник. Его клан так же велик, как у остальных, но Худайшидан почти не управляет им, а много времени проводит в одиночестве, в пустыне и горах.

Видимо, там он однажды и встретил Агга.

Громадина подошла вплотную к Школе Молодых и поджала ноги, опускаясь на горячий песок. Длиннущая рука медленно протянулась вперед – и встретилась с рукой Худайшидана.

Алый глаз сверкнул, Гниющий Князь с некоторым превосходством глянул на братьев и сестер. Все ли смотрят? Хорошо ли видят?

Они смотрели. Они видели. И они все шире улыбались, потому что уже прикидывали, насколько ценными союзниками будут кульминаты.

Их мало в Чаше, кульминатов. Их в десятки раз меньше, чем гохерримов или нактархимов. Но даже один Агг – это гиря, способная склонить весы в нужную сторону.

А ведь обмен новостями еще не закончился. Мардзекадан приберег напоследок самое сладкое. Когда все устали восхвалять Худайшидана, он лениво поднялся, отсалютовал копьем и сказал:

– Я рад, что ты предложил объединение в войско, Сильдибедан. И рад, что у нас есть такой хороший учитель, как ты, Джулдабедан. Именно твои ученики оказались лучшими в моем кла... легионе. Мой сын, верю, также станет достоин тебя. И сейчас я хочу показать один прием, который я выучил давно, но всего пару лет назад довел до совершенства. Позволишь призвать сюда мою свиту, Учитель?

Джулдабедан кивнул. Никто из Зубов не явился в одиночку – доверие доверием, братство братством, а достаточно одному оказаться предателем, чтобы все горько пожалели о своем легкомыслии.

Минуло семь тысяч лет, но все помнят Дзернидкадану, что возжелала истребить остальных старейшин и стать единовластной царицей Пекельной Чаши. Ее замысел провалился, она погибла в той бойне, но вместе с ней пал еще один первородный и две дюжины обычных гохерримов. А потом ее клан принялся мстить за Кровавую Княгиню, и двадцать лет нактархимы радовались, глядя, как их враги режут друг друга.

Именно тогда Джулдабедан алым вписал в свой кодекс запрет на кровную месть. Ибо для кого-то вроде гохерримов она может стать вечной.

Мардзекадан, как и остальные, привел десяток гохерримов, личную дружину. Большинство держало при себе самых опытных и умелых воинов, часто родных сыновей и внуков. Проживших несколько тысячелетий, иногда помнящих еще смрад разложившегося Тела.

Но при Мардзекадане были сплошь юнцы. Ни одного старше двухсот лет, все – недавние выпускники Школы Молодых. Джулдабедан узнал каждого, всех мог назвать по именам.

– Готовы? – посмотрел на них Мардзекадан. – Помните, как я вас учил? В позицию!

Юноши и девушки одновременно обнажили клинки. Первородные глядели на это внимательно, но без опаски – числом они почти равны, а эти молокососы не угроза тем, кто сражался с Кишками.

– Хочет ли кто скрестить клинки? – предложил Мардзекадан, взмахивая копьем.

– Да! – вскочил Гаштерлодан. – Надеюсь, что предложишь!

Его сабля свистнула, разрезая воздух. Гаштерлодан звался Стремительным Клинком, и был он и в самом деле быстр на диво, хотя и невысок ростом. Короткие рога блеснули в багровом свете Мистлето, сверкнули алые очи... и одновременно сверкнули очи мальчишек Мардзекадана.

– Энергию мне! – сказал он что-то странное. – Клинки, дружина!

Молодые гохерримы не сдвинулись с места. Наоборот – они будто замерзли, окаменели, сжимая рукояти так, что побелели суставы. Мардзекадан же... началось что-то странное.

Все гохерримы умели усиливать себя чужими жизнями. Насыщать клинки и делаться от того много убийственней. А в первородных еще и текла кровь Древнейшего, их плоть была плотью божества, и мощь их была безмерна. Но Мардзекадан был не сильнее Гаштерлодана, они не раз сходились на турнирах и поединках.

Раньше. Сейчас с клинков дружинников сорвались невидимые почти лучи – и сошлись в Мардзекадане. И эти лучи... принесли с собой силу клинков. Мощь десятерых гохерримов прибавилась к мощи самого Мардзекадана... и он поверг Гаштерлодана за три удара сердца!

– Единение! – прогремел Мардзекадан, пока противник валялся на земле. – Здесь всего десять моих гохерримов! Представьте, что я сотворю, если приведу весь клан!

– Ты... ты одолеешь всех нас разом, – с плохо скрытым страхом сказала Руналодана. – Я... этому... с этим...

– Я не буду таить это искусство! – великодушно воскликнул Мардзекадан. – Я научу и вас!.. Я научу всех!.. Мне одному мало от того толка – единение клинков требует единения душ! Все гохерримы как один, все – как единый клинок! Нам нужно войско, нужны легионы! Нам нужны лидеры, нужны вексилларии...

– Нам нужен предводитель! – вскочил Сильдибедан. – Нужен... архистратиг!

Все взгляды скрестились на Мардзекадане. Первородные разом отсалютовали, и хором грянули:

– Архистратиг!!! Архистратиг!!! Архистратиг!!!

И вот так в тот день была затеяна великая кампания. Гохерримы решили покончить с бесконечными войнами... самым надежным способом.

55321 год до Н.Э, Паргорон, Обитель Мазекресс.

Что-то назревало. Весь Паргорон это чувствовал. Уже сто двадцать лет гохерримы ни с кем не воевали, ни на кого не нападали. Они отражали удары нактархимов, но ответных не наносили. Они не делали налетов на внешнюю сторону, не охотились в Червоточинах, не штурмовали дворцы гхьетшедариев.

Могло показаться, что гохерримы наконец-то пресытились пролитием крови – но в это никто не верил. Могло показаться, что у них начались междоусобицы, что кланы перессорились и теперь заняты друг другом – и вот в это многие верили. Они действительно стали часто сражаться между собой, только вот... странные это были битвы.

В них почти никто не погибал.

Всевидящие Бекуян и Согейн первыми поняли, что грядет. От них это узнал Ксаурр, а от него – Саа'Трирр. Информация попала в сеть кэ-миало и быстро разлетелась по всему миру. Нактархимы, и без того всегда готовые к войне, тоже прекратили мелкие набеги и тоже стали копить силы.

– В такие моменты я рада, что выбрала внешнюю сторону, – прозвучал мягкий голос.

– Даже гохерримы не так кровожадны, чтобы напасть на Сердце, – раздался другой. – Но мне тоже больше нравится внешняя сторона. Тут не так жарко.

Мазекресс и Оргротор обменялись улыбками. Вокруг колыхались лианы, позвякивали дрепте-лец, цветы-колокольцы, от земли поднимался пар, а два Органа сидели прямо на воздухе, с нежностью глядя друг на друга.

Это была не сама Мазекресс, а ее Ярлык, астральная проекция. Основное тело Сердца Древнейшего пребывало поодаль – громадная туша цвета сырого мяса. Безмолвная и неподвижная, без рук, ног или щупальцев, она простиралась здесь уже восемь тысяч лет.

Первое время Мазекресс еще могла перемещаться, хотя и очень медленно. После Разделения она сначала уходила все глубже в землю, скрывалась от кипящих на поверхности битв. Ей помогали Кишки и некоторые кульминаты, а дикие ла-ционне поклонялись, как божеству. У нее была определенная власть над другими Органами, а ее песнь наполняла души забытыми чувствами.

За полторы тысячи лет она проросла сквозь толщу Чаши и объявилась на противоположной стороне. Давно обосновавшиеся тут сурдиты покорно потеснились, молча признали превосходство Сердца, которое по сути тоже Мышца. Ее обитель быстро стала самым цветущим местом в Паргороне... пока на другом конце Туманного Днища не разбил свои сады Оргротор.

Восемь тысяч лет они то ссорились, то мирились, были лучшими друзьями и заклятыми врагами. Их отношения описывали все новые круги, шли по кривой спирали – и сейчас эта спираль вернулась в фазу примирения и приближалась к дружбе.

Население Паргорона постепенно меняется. Рождаются все новые существа, появляются новые лица – а старых с каждым веком остается все меньше. Мир вокруг полон насилия, и даже бессмертные существа в нем периодически гибнут.

Потому те, кто прожил достаточно долго, проникаются особыми чувствами к старым друзьям... и врагам. Бывает сложно отличить одних от других, когда вы знакомы тысячи лет. Когда подобных вам конечное число, когда вы периодически сверяетесь со списком – сколько еще Плоти Древнейшего пребывает в живых?

Оргротор и Мазекресс пытались убить друг друга минимум трижды. Но вот колесо в очередной раз провернулось – и им снова нечего делить, снова нет причин для вражды. Грядущие события важнее тех, что занесли пески времени.

– Жаль, что мы не сделали этого вместе, – сказала Мазекресс, смыкая кончики пальцев. – Мазед, Саа’Трирр... даже Гламмгольдриг...

– Ты знаешь о Гламмгольдриге?... – моргнул Оргротор.

– Я видела твоих детей. Видела этих... гхьетшедариев. Для кого-то проницательнее аичапа не составляет труда догадаться, от кого ты их породил.

– Другие не догадываются.

– Или считают неприличным давать тебе знать о своих догадках.

Оргротор покачал головой. Конечно, дело было не в этом. Просто далеко не все знали о том, как Оргротор это делает. Многие даже не подозревали о его участии в появлении бушуков и кэ-миало – первых считали детьми только Мазеда, вторых – только Саа’Трирра.

И гхьетшедариев все считали детьми только Оргротора. Даже, кажется, сам Гламмгольдриг. Во всяком случае, интереса к своему потомству он не проявил и никак не намекнул, что ему известна правда.

Но Мазекресс... она-то уж, конечно, все поняла.

– Значит, сегодня ты решила побыть неприличной, – изогнул уголки губ Оргротор. – Тебе ли не знать, насколько это опасно в моем присутствии?

– Возможно, именно этого я и желаю, – спокойно ответила Мазекресс.

По телу Оргротора прошла сладкая, давно не ощущавшаяся дрожь. Он поостыл за последние тысячелетия, утратил пыл с тех пор, как обзавелся полноценными детьми, но теперь его снова взял кураж.

Флирт с Мазекресс. Волнительно. Единственная из вершин Паргорона, которую он все еще не покорил.

Однако...

– Откуда мне знать, что это не очередная ловушка? – игриво спросил Оргротор.

Мазекресс улыбнулась. Ее астральная проекция была удивительно прекрасна, она казалась живой богиней – и в то же время это был только Ярлык. Истинное тело Сердца было гораздо больше Оргротора, было больше даже его дворца. Любому другому она казалась бесформенным чудовищем, горой пульсирующей плоти.

Но Оргротор видел суть. Видел душу. И, как... мнэ... божественному Фаллосу, ему нравилось то, что он видел.

Огромное, но прекрасное создание. Полное жизненной силы и нерастраченной любви. Во всем Паргороне Мазекресс была ему ближе всех по духу, по образу мыслей.

Тем сильнее становилась его ненависть, когда они в очередной раз начинали враждовать из-за эгоистического следования своим интересам. Мазекресс пыталась использовать Оргротора, Оргротор – властвовать над Мазекресс.

У них были общие цели, но каждый желал лидировать. Они оба хотели составить пару, но каждый хотел быть в этой паре главным. Каждый возвышал себя и свое видение того, каким должен быть Паргорон.

И каждый принижал заслуги другого.

Иногда чаша терпения переполнялась. Около тысячи лет назад они по-настоящему воевали. Чудовища Оргротора брали штурмом Мазекресс, а та успокаивала их своими песнями, ломала волю и обращала против создателя.

При этом она их еще и трансформировала. Она всегда считала, что может сделать лучше. Всегда находила, что можно исправить или усовершенствовать.

Но в одном она уступала Оргротору. В отличие от него, Мазекресс не могла создавать жизнь с нуля. Только менять уже существующее. И Отец Чудовищ не упускал возможности об этом напомнить.

– Зря мы столько раз ссорились, – сказал он, касаясь изящной руки Ярлыка. – Нам просто следует принять себя такими, какие мы есть. Я несу детородную силу Древнейшего и создаю жизнь. Ты же – Сердце этого мира. Тебе следует принять это и задуматься о своем главенстве над ла-ционне... над всеми обитателями Паргорона. Мне же оставь то, ради чего существую я.

– Оргротор, я прекрасно понимаю, что ты пытаешься меня уязвить, – мягко ответила Мазекресс. – Былые обиды заставляют колкости плясать на твоём языке. Но ты должен понимать, что я воплощаю не тривиальный кусок плоти, не буквально анатомический орган, а саму любовь Древнейшего. Больше всего он любил творение. Я не могу без этого.

– Да... Я понимаю. Я тоже воплощаю не буквально... орган...

– К счастью. Иначе нам всем было бы очень неловко с тобой общаться.

Оргротор натянуто улыбнулся. Шпилька Мазекресс оказалась больнее.

Будь он совсем юн, как когда-то – мог бы обидеться. Но возраст Отца Чудовищ приближался к десяти тысячам лет. Он испытал за это время бесконечно много – и о многом же передал. Ему, в общем-то, повезло с происхождением, поскольку во многих культурах его образ – самый сильный. Где-то вызывающий стыд, где-то смех, но при этом обладающий бесконечным глубинным контролем над психикой смертных... да и бессмертных.

Он уступает в могуществе Триумвирату, но его способности уникальны. Он единственный сумел создать существ, равных тем, что явились непосредственно из Тела. Бушуки, кэммиало и гхьетшедарии – такая же Плоть Древнейшего, как гохерримы, нактархимы и сурдиты. У них нет памяти о том, что они были частью чего-то большего, они явились в мир через его посредничество... и это самое веское доказательство его власти над миром. Он не приказывает – но он делает жизнь такой, какая она есть.

И все-таки... не такой, как хотелось бы. Не до конца. Небезупречно.

– Я много кого создал, – произнес Оргротор, глядя вдаль. – Много кого породил. Но всегда были какие-то недочеты. Не получается добиться совершенства. Такого, каким его видел бы Он.

– Возможно, мы добьемся его вместе.

– Возможно. Я раскритиковал тебя, но ты... действительно улучшаешь мои творения. И для этого тебе не нужна помощь других Органов.

Это было нелегко произнести. Нелегко признать.

– Я всегда восхищалась твоим умением создать жизнь с нуля, – прозвучал мелодичный голос. – Ты слишком строг к себе. Твои творения... они безупречны, но жизнь не бывает безупречной. Древнейший всю вечность тянулся сердцем к идеалу – но так и не смог его достичь. А мы – всего лишь две его частички.

– Я не настолько безумен, чтобы пытаться достичь идеала Древнейшего... но хотел бы достичь собственного.

– Что если нам попробовать вместе?

Они как-то незаметно придвигались все ближе. Ярлык Мазекресс уже почти касался Оргротора. Дыхание ее физического тела становилось все жарче. Воздух наполняли миазмы демонического вожделения.

– Я возьму с тебя брачную клятву, – тихо сказал Оргротор. – И сам принесу такую же.

– О непричинении вреда и защите интересов друг друга, – согласилась Мазекресс. – Попробуем создать жизнь, которая будет... нести нашу волю. Нас обоих. Здесь и за Кромкой.

– И ты никогда не будешь рассказывать им, откуда я взялся, – шутливо потребовал Оргротор.

– Не порть момент.

Их соитие... вы же понимаете, что Оргротор сошелся не с Ярлыком? Едва они заключили договор и уверились в чистоте помыслов друг друга, остальное не заставило себя ждать. И эта сцена... она была прекрасна на метафизическом плане, но у какого-нибудь смертного вызвала бы рвоту.

Возможно, безумие.

И она была длительной. Она была очень длительной. Она продолжалась часы... дни... недель тогда не было, поскольку не было Нижнего Света, но она продолжалась недели. Оргротор и Мазекресс не могли насытиться друг другом.

В некотором смысле... в некотором смысле это происходит по сей день. Оргротор и Мазекресс оказались настолько идеальной парой, что они буквально... срослись. С каждым днем, с каждой неделей этого необыкновенного соития Оргротор все глубже погружался в лоно Мазекресс.

Их плоть все сильнее взаимопроникала. Граница меж их существами становилась все менее четкой. Сознания все теснее переплетались.

И спустя какое-то время они перестали воспринимать себя по отдельности. Стали фактически единым целым.

Мазекресс была гораздо больше, и она была сильнее, так что внешне осталась одна она. Но она... изменилась. Именно тогда у нее появились многочисленные хоботы. Она не обрела подвижности, осталась вросшей в землю, но Паргорон везде Паргорон, а покидать его она все равно не собиралась.

Никто из них не собирался.

Оргротор не погиб. Он органично вплеся в это новое существо. Как те самцы глубоководных рыб, которые настолько щедры к будущим поколениям, что отказываются от собственной индивидуальности и навсегда прирастают к своим самкам.

– Подожди... – подал голос Дегатти. – То есть эти ее хоботы... это... это...

– Ну нет же, – поморщился Янгфанхофен. – Не опошляй.

Но для всего остального Паргорона Оргротор погиб. Его дети перестали чувствовать его присутствие. Он исчез, осталась только Мазекресс. И все стали считать, что она его убила. Поглотила, вероятно... в общем-то, это было почти правдой. Демоны и в самом деле частенько проделывают такое друг с другом, это заложено в их природе. Им свойственно забирать, а не дарить. Поглощать, а не расточать.

Однако на самом деле то было не поглощение, а слияние. Мазекресс не убивала Оргротора, он по-прежнему жив внутри нее, активно влияет на ее решения... и пребывает в вечном блаженстве.

Своего идеала он достиг.

– Помянем, – поднял бокал Бельзедор.

– Помянем, – поднял и Дегатти.

А Мазекресс вскоре после этого получила прозвище Матери Демонов. Она перестала просто переделывать других существ и начала порождать новых, сама по себе. В Паргороне

стали появляться невиданные прежде зверодемоны – иногда штучные, иногда скопом. Она экспериментировала, тренировалась, выбирала лучшие стратегии.

В слиянии с Оргротором она обрела новое могущество. И через некоторое время начала усложнять задачи, создавая разумных существ. Тех, кого потом будут называть низшими демонами.

Но это все произойдет уже позже. А первые несколько десятилетий у них с Оргротором был... медовый месяц. Они просто наслаждались друг другом, пока над Чашей сгущались тучи, пока все громче гремели громы, и сверкали клинки гохерримов.

Паргорон вступал в финальную фазу Десяти Тысяч Лет Войны. И началась она с решающей битвы Зубов и Ногтей.

Десять Тысяч Лет Войны. Часть 2

55307 год до Н.Э, Паргорон, где-то на границе Пекельной Чаши и Каменистых Земель.

В небесах пылал Центральный Огонь. Воздух дрожал от жара. Мистлето сегодня был не в духе, он ворочался и бурчал в своей пламенной обители, а внутренняя сторона Чаши скворчала, как яичница. Дворцы гхьетшедариев окутались призрачной дымкой, их владельцы изогнули пространство, подстраивая под себя климат.

Но прямо здесь гхьетшедариев не было... почти. Один-единственный таки явился посмотреть на события – до жути любопытный весельчак Гариadolл. Он парил высоко в воздухе и хищно ухмылялся, не в силах дожидаться начала. Он сам пока не решил, хочет ли помочь одной из сторон или просто таращиться со стороны... в общем, ему было все равно, лишь бы повеселиться.

Но он единственный был настроен так несерьезно. Внизу раскалились добела ауры. Десятки тысяч высших демонов сошлись в одном месте – там, где пески Пекельной Чаши превращались в пыльную равнину Каменистых Земель. В одну сторону уходила пустыня, постепенно все сильнее загибаясь, исчезая в дрожащей дымке. В другую – потрескавшаяся почва, поначалу ровная, но затем вздымающаяся холмами и скалистыми отрогами.

Гохерримы обрушились на нактархимов четыре года назад. Их легионы мгновенным штурмом уничтожили три крепости – но оказалось, что нактархимы сами выставили их на съедение. Они давно смекнули, что планируют заклятые враги, и дали тем узнать о якобы важнейших своих точках. На деле же то были пустышки – толком не защищенные, зато окутанные сложными миражами. Гохерримы зря потратили время, а нактархимы вовремя узнали о нападении.

Они не любили открытые бои, Ногти Древнейшего. Им не нравились лобовые атаки и поединки лицом к лицу. Нактархимы предпочитали силе скорость, а мощным и неотвратимым ударам – точные и непредсказуемые. На внутренней стороне Чаши невозможно таиться в ночи, поскольку настоящие ночи случаются там лишь изредка, но за сотню веков нактархимы научились множеству трюков.

У них не было демонических клинков – но у них тоже была демоническая сила. Они заключали ее в собственных телах, прятали под костяной броней. Это во многом даже удобнее, во многом надежнее... но тем слаще было гохерримам эту броню вспарывать.

Еще нактархимы зависели от своих крепостей. В них они создавали средоточия силы, насыщали сами стены душами... далеко не в таких масштабах, как потом будут делать бушуки, но тем не менее. Это давало им преимущество – но это же делало их замки желанными призами. Потеря каждого была весьма болезненна.

Поэтому открытого противостояния нактархимы долго не принимали. Ускользали от гохерримских легионов, рассыпались в холмах и ущельях Каменистых Земель, наносили булавоочные уколы, выбивали врагов по одному, обрушивались на спящих. До последнего скрывались в самых тайных своих крепостях, подставляли гохерримам менее ценные, устраивали засады и обманки.

Их тактика воплощала в себе все то, что гохерримы особенно не переносили.

Таким образом Зубы и Ногти воевали тысячелетиями. Клань нападали на клань, одиночки на одиночек. Вечное кровопролитие, бесконечные битвы. Но прежде каждый клан был сам по себе, и иногда случались даже междоусобицы – теперь же гохерримы отступать не собирались. Они шли железной лавой, вырезая и вычищая всех, кого могли.

Нактархимы не были так централизованы. Между собой они все были в союзе, они не вели междоусобиц, как гохерримы, но это были зыбкие союзы, шаткие. Старейшины даже

сейчас что-то выгадывали, торговались друг с другом. Каждый хотел, чтобы именно его клан пострадал меньше остальных, чтобы основные удары пришлось на других.

У гохерримов в основном гибли разведчики. Ядро их войска было неуязвимо, но оно было слишком велико и отовсюду заметно. Для поиска и вылавливания нактархимов отправлялись летучие отряды – и они порой попадали в ловушки. Прямо сейчас семь молодых гохерримов скакали по ущелью, за ними развевались плащи, кони храпели – а впереди мелькала серая тень.

Нактархим убегал. Глупый нактархим пытался удрать, но клинки разведчиков уже пылали, и от них расходился жар, и демоническая сила струилась в скакунов, разгоняя их сверх возможного. Во все стороны летели камни, копыта высекали искры, силуэты всадников размылись, они достигли пределов скорости нактархима... а вот и превысили!

– Заходи слева! – крикнула юная Эсветегона.

Свистнул чей-то клинок, по скале прошла трещина. Ущелье все сильнее сужалось... нактархим резко отпрянул, едва увернулся от импульса. Эсветегона полоснула саблей, с той сорвалась огненная вспышка. Ее конь захрапел, поднялся на дыбы – почти прямо перед копытами разверзлась земля, из нее хлынули черные щупальца... поргул!.. Совсем близко к поверхности!..

Иронично, но благодаря этому поргулу Эсветегона осталась жива. Она потеряла несколько секунд, отстала от остальных – и увидела расправу издали. Нактархим, которого уже почти достал Амдеркедбек, вдруг ринулся наземь, расплылся... а впереди задрожал воздух и из него выступил... еще один нактархим, только гораздо крупнее и шире.

Ноготь Большого Пальца Ноги.

Гохерримы набросились разом – и Дой'Текерхреб вскинул щиты. Самый могучий среди нактархимов, он был и самым среди них медленным. Он не умел бегать так же быстро, как остальные, не умел мгновенно маневрировать – но ему и не требовалось. Закованный в несокрушимую броню, огромный и грозный, он просто позволял гохерримам идти на смерть. Высылся как скала – и словно волны, разбивались об эту скалу их клинки.

Ему успели нанести только два или три удара, рассеянных импульса. Потом Дой'Текерхреб резко сомкнул щиты – и ущелье взорвалось. Звуковая волна шарахнула так, что разрезала скалы, разворотила камень... и убила на месте шестерых гохерримов.

Эсветегона в гневе закричала. Она не могла не признать силу Дой'Текерхреба... но ее возмутило нападение из засады!

Атаковать в лоб бессмысленно. Она встретила взглядом с этим чудовищем – и натянула поводья. Он просто сотрет ее в порошок.

Куда важнее связаться с когортой, доложить вексилларию, что здесь первородный Ноготь!

Она не успела. Ее выбил из седла тот, первый нактархим. Пронесся потоком ветра, вспрыгнул на коня, дернул Эсветегону за руку – и вместе с ней упал на землю. Гохерримка увидела, как размеренно шагает Дой'Текерхреб, как взматывается столбами пыль, как он заносит руку...

Вспышка! В нактархима врезался синий импульс, и тут же чиркнул по костяной броне топор. Вексилларий Сильдибедан рухнул с небес, спрыгнул с огромной высоты – и даже Дой'Текерхреба пошатнуло, даже он едва устоял на ногах. Взметнулся костяной щит, снова ударил топор... воздух загудел от ревуущих энергий!

Битву первородных нечасто удастся увидеть. Эсветегона жадно следила за ней... и одновременно отражала удары другого нактархима. Она не знала его имени. Щитки на ящериной роже разошлись, в прорезях пылали глаза... он тоже тарашился на драку Дой'Текерхреба и Сильдибедана!

И в то же время успевал отражать каждый удар! Прямой выпад расколел эту гибкую кость, но скользящие она выдерживает... а эта скорость нактархимов!.. Эсветегона полвека провела в Школе Молодых, где Джулдабедан натаскивал их именно против этих живых молний, учил предвидеть их движения, опережать, подстраиваться...

Сабля неслышно пела. Гохерримка теснила противника, сама уклонялась от костяных когтей и шпор... полностью вошла в ритм. Отдалась упоительному восторгу, что дарует только бой, только поединок с равным противником.

Она видела, она слышала. Сильдибедан испытывал сейчас то же самое. Они с Дой'Текерхребом... это походило на сложный танец, на феерию убийственного счастья...

...Это было три года назад. Сегодня Эсветегона снова смотрела на Дой'Текерхреб, что стоял утесом среди тысяч простых нактархимов, и невольно искала среди них того, кого так и не сумела убить тогда. Она по-прежнему не знала его имени, но запомнила, как красиво он дрался.

Будь он гохерримом – она бы, возможно, влюбилась в него.

– Клинки, гохерримы!!! – раздался рев Мардзекадана.

– В бой, нактархимы!!! – прогремел Фар'Дуватхим.

Десятки тысяч демонов. За всю свою историю они не сшибались в таких количествах. Нактархимов в конце концов заставили, вынудили выйти в поле. Крепость за крепостью превращалась в руины, кланы теряли свои логовища. Несколько раз они пытались заманить гохерримов в по-настоящему крупный капкан – но те научились не поддаваться на провокации.

А прятаться за стенами у нактархимов больше не получалось. Не теперь, не в этот раз. Как только удавалось распутать миражи, крепость становилась легкой добычей. Хватало одного легиона... как вот сейчас.

Мардзекадан вскинул копье – а тысяча гохерримов обнажила клинки. Хлынули энергии, сошлись в вексилларии... и тот ринулся вперед.

Нактархимов разметало. Мардзекадан крутанул копьем, высек искры – и целая область занялась огнем. Вексилларий просто взорвал все, что видел, уничтожил. И продолжал шагать, гоня перед собой волну смерти, раскаляя до безумия воздух, испуская пламенные лучи из своего копья.

То же делали и другие вексилларии. Первородные Зубы всегда были сильнейшими в своем племени, но теперь они стали неостановимыми чудовищами. Этот их прием слияния энергий оказался чем-то страшным, непреодолимым.

Многие нактархимы сразу запеклись в собственной броне... но многие и выжили. Они тоже были высшими демонами, и одни успели исчезнуть, а другие закрылись щитами. Один нактархим вылетел вперед. Из столба дыма, из завесы пламени – он обогнул Мардзекадана и ринулся на строй недвижных гохерримов, на стоящих с обнаженными клинками легионеров.

Теперь им пришлось защищаться! Либо биться, либо поддерживать клинком – гохерримы не могли делать то и другое одновременно! Нактархим успел вспороть несколькими глотки, успел перерезать несколько горл – и снова нырнул в дымовую завесу!

Тот самый! Эсветегона узнала его!.. Все нактархимы выглядят одинаково, но она как-то почувствовала, что это тот самый, увидела отображение его духа... какой сильный дух!

И она не выдержала, разорвала связь! Оставила поддержку вексиллария и прыгнула в Тень вслед за личным врагом!

Она стала первой. Нактархимы, не видя шансов одолеть вексиллариев, нападали на их легионы – и линии распадались, поддержка слабела. Один за другим гохерримы оставляли ее, разрывали связь, бросались в сечу сами... их сердца ныли, они не могли терпеть, им хотелось проливать кровь!

Вихрем пронесся Каш'Истербхем. Неформальный лидер всех нактархимов, старейшина сильнейшего из кланов и сам, пожалуй, сильнейший. Он ворвался в самую гущу, с непости-

жимой скоростью нанес несколько точных ударов – и десяток гохерримов обнаружили себя... мертвыми. У одних были вспороты животы, у других перерезаны горла.

Держателем Власти прозывали Каш'Истербхема. Он описал крутую дугу, почти взлетел над толпой – и врезался в вексиллaria. Гаштерлодана прозывали Стремительным Клинком, и он успел отпарировать, успел выставить саблю. Сталь ударила о кость, кость ударила о сталь – и закружились первородные в смертельном танце.

Нет никого быстрее нактархимов. Но гохерримы умели вовремя реагировать. Они били огнем клинков. И они научились складывать силу, их первородные превратились в неостановимые машины убийства. Они создали стальные легионы – и сегодня те впервые сражались все вместе.

Описывал круги шест Джулдабедана. Ни единым днем он не был старше остальных первородных – но отчего-то его часто воспринимали как старца. Почти половина всех легионеров прошла Школу Молодых – и сегодня Учитель Гохерримов гордо ухмылялся, глядя на своих учеников. Он учил их сражаться... и в первую очередь с нактархимами!

Костяные коты терзали паргоронских псов. Сталептицы выклевали алые глаза. Паргоронские кони топтали упавших, ломали копытами костяную броню. В этой сече обе стороны собрали все, что имели, привели всех, кого могли.

И тут были не только гохерримы и нактархимы. Словно рифы в океане, тут и там виднелись кульминаты, виднелись мегандоры. Высилась громада Агга – каждый его шаг заставлял землю сотрясаться. Огромный из огромных, кульминат топтал даже мегандоров – последние из чистокровных внезапно заняли сторону нактархимов.

Они были мельче. Рядом с кульминатами мегандоры казались карликами. Зато они были крепче. Прочнее. Устойчивее. Своими рожищами они вспарывали кульминатам животы, а рядом с гохерримами все равно оставались гигантами. Позвонки Древнейшего когда-то составляли божественный хребет, держали на себе все Тело.

И все же кульминаты были сильнее. Большая их часть давно уж не воевала с мегандорами, как гохерримы и нактархимы – они жили вперемешку, заводили общих детей. Однако не всем это нравилось, не все хотели раствориться в более рослом народе – и самых недовольных нактархимы уговорили выступить единым фронтом.

Опустилась колоссальная стопа. Тех'Кшетоган использовал шанс и скрылся в облаке пыли. Молнией он атаковал оттуда спины, шеи и руки.

Перебить позвоночник. Отсечь руку, вздымающую меч. Перерезать бедренную артерию. Гохерримы – живучие твари, но точный удар выведет из строя и их. Костяные когти нактархимов не так хороши, как их стальные зубы, но зато они их собственная плоть, в них струится дух Древнейшего!

Пусть гохерримы попробуют воевать без ступней, рук и голов!

Тех'Кшетоган исчезал и появлялся на поле боя, словно мерцающий фантом. Пробежать тенью паргоронского коня, отделиться от скалы, вынырнуть из тумана войны – и снова исчезнуть, забрав с собой жизнь врага. Проиграют ли они, победят ли – его разум был занят только боевой задачей. Только настоящим моментом.

Моментом боя.

Лишь ненадолго Тех'Кшетоган выбился из ритма. Он увидел отца. Увидел, как сражается Фар'Дуватхим. Против него стоял Сильдибедан, Судья Паргорона – и он едва поспевал за Перстом Указующим. Его страшный топор описывал дуги, раскалял воздух, оставлял трещины и сколы на броне противника.

Но Фар'Дуватхим всегда успевал уйти. Он скользил в потоках воздуха, дрожал горячим маревом. Костяные шпоры почти касались кожи, угрожали вспороть ее, разорвать гохерримову шкуру. В скорости Фар'Дуватхим превосходил врага, и только боевое искусство выручало Сильдибедана. Он всю жизнь сражался с нактархимами и умел предугадывать их движения.

Они не в первый раз сошлись в поединке. Фар'Дуватхим и Сильдибедан уже мерились силами, уже едва не убили друг друга однажды – много тысяч лет назад, когда Тело еще не закончило разлагаться. Возможно, они были первыми гохерримом и нактархимом, встретившимися на просторах Чаши.

Возможно, именно с них началась эта вечная война.

Земля превратилась в месиво. Десятки тысяч демонов сошлись в безумной мясорубке. Вексилларии командовали своими легионами, но и сами не оставались в стороне от боя. Ни один гохеррим на такое не способен. Сильдибедан бился с Фар'Дуватхимом, Гаштерлодан – с Каш'Истербхемом, а Худайшидан – с Дой'Текерхребом. Клинки высекали искры из костяных пластин, когти и шпоры рвали плоть.

– Энергию мне!.. – вскричал Сильдибедан, когда его кровь оросила землю.

Два десятка свободных легионеров ответили, отозвались на команду – и ринулись потоки с их клинков. Сильдибедан сразу ускорился, его топор засветился внутренним светом – и Фар'Дуватхим отпрянул. Двадцать клинков – это не тысяча, Сильдибедан не предстал неостановимым чудовищем, но все равно получил безусловное преимущество.

Вот так сегодня сражались гохерримы. Они до последнего придерживали этот козырь, прятали его, не раскрывали. К тому же у них было численное преимущество. На их стороне оказались кульминаты... они пока бьются с мегандорами, но тех неизбежно растопчут, и тогда колоссы обратятся к нактархимам!

Из всех народов Паргорона гохерримы и нактархимы, пожалуй, наиболее близки друг другу. Со множеством различий, абсолютно не схожие внешне, но взгляды на мир... Зубы и Ногти имели гораздо больше общего, чем любые другие демоны.

И именно поэтому они все время воевали, именно поэтому так ненавидели друг друга. Нет худшего врага, чем твой сосед или даже брат, который в чем-то с тобой не сошелся. Сегодня гохерримы и нактархимы собирались выяснить свои разногласия раз и навсегда... и не только они.

Нактархимы не удовлетворились помощью одних мегандоров. Узнав, что гохерримы заручились поддержкой кульминатов, что на их стороне сам Агг, они стали срочно искать друзей среди Органов. Их послы побывали и у Саа'Трирра, и у Мазекресс, и у Гламмгольдрига (от него не вернулись), и у Рвадакла, и у Мизхиэрданна, и у Кхатаркаданна... у всех этих чудовищ, оживших кусков божественной плоти.

Двое дали согласие. Из Кровавой Пены спустился Бекуян – и его всевидение немало помогло нактархимам вовремя узнавать о планах врага. Своим взором он пронизывал все Каменистые Земли, видел каждое перемещение гохерримских легионов и всякое прочее их действие.

А под самый конец войны явился Бекурахаб, Десница Древнейшего. Фар'Дуватхим и Каш'Истербхем все еще были живы – и Бекурахаб все еще сохранял с ними связь. Очень смутную, почти неосязаемую – но сегодня он пришел на помощь своим Ногтям.

Только вот... проблема в том, что вслед за Бекуяном явился и его близнец, Согеян. А вслед за Бекурахабом – его близнец, Согеерахаб. Что Очи, что Руки Древнейшего ненавидели друг друга – и когда одни встали на сторону нактархимов, другие присоединились к гохерримам.

Бекуян раскрывал нактархимам все планы и передвижения врага, а Согеян давал гохерримам советы насчет будущего. Просеивал ветки событий, выбирая те, где Зубы восторжествуют. Из-за Бекуяна такие было тяжело отыскивать, поскольку Правый Глаз сразу же узнавал и перекрывал все, что делал Левый. И тем не менее, Согеян в этой партии всегда был на шаг впереди.

А вот Согеерахаб, будучилевой Рукой, немного уступал Бекурахабу. Выглядел его точной копией, но был чуточку слабее. И гохерримам он согласился помочь при условии, что те помогут ему. Поддержат своими клинками.

Эти две пары близнецов желали смерти друг другу не только из-за накопившихся разногласий. Они были парными Органами. Идентичными. Поначалу они просто испытывали друг к другу некую подспудную неприязнь, но восемьсот лет назад погиб Аллетьюд, Правая Почка... и Геллетьюд каким-то образом перенял часть его сил.

Могущество оставшегося близнеца возросло не вдвое, но заметно, весьма заметно. Он быстро разросся, окреп, увеличился в размерах. Его способности умножились. И Геллетьюд, до этого один из самых слабых Органов, настолько возгордился, что восстал против Рвадакла. Он буквально опьянел от новой мощи... только Великий Очиститель все равно оказался сильнее. Геллетьюд был уничтожен – и Паргорон потерял обе Почки.

Но Глаза и Руки сделали из этого выводы. Они поняли, что если один из парных Органов погибает – второй наследует часть его сущности.

А никакой братской любовью меж ними давно уже и не пахло.

И теперь над морем демонов, над столкнувшимися живыми пожарами, над бессчетными гохерримами и нактархимами носились два белых шара, два гигантских глаза. Они исторгали зеленые и синие вспышки, хлестали друг друга лучами, пытались уязвить в самое нутро, нанести смертельный удар.

Бекуян всегда знал, где Согеян сейчас. Согеян видел, где Бекуян окажется потом. Они были слишком одинаковы – и ни один не мог взять верх.

В то же самое время Бекурахаб и Согерахаб сгибали саму реальность. Словно две кошмарные отрубленные руки, они вцеплялись в ткань мироздания и рвали ее на кусочки. Уродливая пародия на акт творения, исковерканная божественная сила – и Десница с Шуйцей были ее носителями. Попавшие под их воздействие демоны комкались, лопались, опадали кучками гнили.

Длани Древнейшего выделялись издали. Эти огромные паукообразные твари уступали в размерах кульминатам и мегандорам, зато вокруг них все кружилось, вздымалось в воздух, превращалось во что попало.

– Эти твари тут все разнесут! – гневно прокричал Джулдабедан. – Который, говорите, на нашей стороне?!

Росканшидан только поморщился. Он сам уже был не рад, что позвал Согерахаба – но уж лучше так, чем если бы здесь был только Бекурахаб, если бы он дрался не со своим близнецом, а с гохерримами.

Вот вздыбилась земля! Агг ударил ножищей, оставляя кратер – и упал рядом Иттиб, последний из первородных мегандоров. Громадный кульминат повалил его и принялся топтать, ломать кости. Треснул череп – и испустил дух Иттиб, и издал зловеющий смех Агг.

Кульминаты, в общем, и не злы совсем, и не жестоки, но убивают без раздумий. Отнимают жизни с равнодушием детей, давящих насекомых. В этом безразличии они и черпают силы – словно сухопутные киты, кульминаты процеживают эфирные потоки, поглощая бессчетных мелких духов, астральные тени растений и насекомых. Мегандоры делали это точно так же, но они были меньше, и духов им доставалось меньше.

И потому они проиграли.

Но основная доля битв все-таки бушевала не меж кульминатами и мегандорами, не меж двумя парами Органов, а между гохерримами и нактархимами. Один за другим они падали замертво, одна за другой отлетали скорбные души... хотя чаще никуда они не отлетали! Гохерримы втягивали астральные сгустки своими клинками, нактархимы вырывали их когтями, затягивали под броню.

Их станет меньше, но те, кто выживет, позаботятся, чтобы никто не погиб зря.

– А, вот так это у вас, демонов, воспринимается? – ухмыльнулся Бельзедор.

– Ну да, – невозмутимо сказал Янгфанхофен.

Нактархимы гибли чаще. Их было меньше. Они с самого начала были в худшем положении. У гохерримов осталось десять первородных, а у них только шесть... но они не собирались отступать!

Дой'Текерхреб. Защитник Основ. Он сражался с Худайшиданом, и меч Гниющего Князя тщетно высекал искры из его щитов.

Дой'Текерхреб, отец многих. Его могучие дети сражались с гохерримами Худайшидана, не давая тем поддержать вексиллария клинками.

Дой'Текерхреб, сильнейший и прочнейший. Он стоял неколебимым утесом и хотя был медленней других нактархимов, но все же был нактархимом. Гниющий Князь сделал выпад, ударил быстрее молнии – но столкнулись с грохотом щиты, врезалась кость в кость... и защемило между ними сталь.

Края костяных пластин врубались в серую кожу. Хлынула кровь Худайшидана. Дой'Текерхреб с рокотом рассмеялся, подтянул к себе вексиллария, с силой боднул головой... у гохеррима треснул череп. Если одного из них удавалось обезоружить, лишить проклятого клинка, он превращался в ничто, в неспособную биться мягкую тварь.

Но в этот раз гохеррим ответил. Они сызмальства приучаются терпеть боль. Любую, вплоть до самой мучительной. Именно Худайшидан заложил основы этого искусства, именно Худайшидан завещал своим потомкам, что боль – иллюзия, что страдание – обман. Десять тысяч лет Гниющий Князь жил в агонии, десять тысяч лет прикрывал маской половину лица.

Что ему удар жалкого нактархима?

Худайшидан нанес встречный. Меч застрял, и Дой'Текерхреб держал его словно тисками – так что Худайшидан ударил рогами. Про них часто забывают, для большинства нынешних гохерримов это просто украшение – но на заре времен их использовали наравне с клинками. Именно рогами древние гохерримы забили когда-то Челюсть.

И Худайшидан своими пользоваться не разучился.

В то же самое время Фар'Дуватхим хлестался сразу с двумя вексиллариями. На помощь Сильдибедану подоспел Резкельшидан, и Посланец Погибели едва успевал уклоняться от свисущих топора с мечом. У гохерримов жадно пылали глаза, они наперегонки стремились проткнуть Фар'Дуватхима, сделать его пищей для клинков...

А потом наверху раздался... хлопок. Просто резкий громкий хлопок, как будто что-то лопнуло. И сразу за ним – вспышка, волна света.

На мгновение все ослепли. На одну секунду стихли крики, рев и скрежет стали о кость. Но потом свет схлынул, и битва снова пошла своим чередом.

Только в небе вместо двух Глаз Древнейшего остался один. Бекуян испепелил Согеяна.

Тот не сумел предвидеть свою гибель.

Теперь весы судьбы склонились к нактархимам. Бекуян обвел гохерримов взглядом и исторг синий луч. Тот вспахал землю, распорол огненной сохой и принялся сжигать всех, кого задевал.

Правый Глаз, в общем, уже свершил то, чего желал, но он дал нактархимам слово. Однако гохерримы и нактархимы так густо перемешались, что убивать одних лишь первых было просто даже ему.

Поэтому Бекуян обратился против кульминатов.

Его взгляд настиг Эрригу, последнюю из Ребер. Громадная демоница продержалась недолго – луч Бекуяна просверлил ее насквозь. Следующим стал Оппег, Кость Плюсны. Маленький для кульмината, но живучий... увы, недостаточно.

Могучие и несокрушимые, кульминаты один за другим рушились с грохотом. Сотрясая землю, раздавливая тех, кто оказался внизу.

Агг с ревом оттолкнулся ногами, и прыгнул в небо, и ринулся ловить Бекуяна. Небывалой длины рука выстрелила – и пальцы почти сомкнулись, почти расплющили Глаз. Тому пришлось срочно набирать высоту, спасти свою жизнь.

Тем временем внизу рухнул запертво Гаштерлодан. Стремительный Клинок не выстоял перед Каш'Истербхемом. Но в то же самое время Джулдабедан ударил шестом – и пробил горло Эй'Инерлионы, Принимающей Удар. Она была последней из Ногтейлевой Ноги и несмотря на ее имя – самой крепкой из всех. Ее терпеливость и выносливость помогли ей выживать десять тысяч лет, она сотни раз получала раны, но каждый раз поднималась, каждый раз возвращалась в строй.

Гохерримы ненавидели это ее свойство.

Но сегодня Эй'Инерлиона приняла свой последний удар. Джулдабедан сумел сделать его смертельным. И на своем шесте он воздел ее голову, чтобы все видели – одна из первородных погибла!

Гохерримы возликовали, а нактархимы зашипели от ярости. Джулдабедан тут же отшвырнул эту вытянутую, похожую на череп ящера башку и крутанулся вихрем – на него набросились сразу четверо.

В самом центре продолжали бушевать Руки. Согерахаб и Бекурахаб, Левая и Правая, Шуйца и Десница. Их словно очертило незримой линией, через которую никто не переступал. Даже кульминаты сторонились этих чудовищ, всемогущих божественных дланей.

Словно драка пауков. У них было всего по пять лап – толстых, длинных, крючковатых лап, – но казалось, будто вдвое больше, с такой скоростью Длани ими перебирали. Они закручивали вокруг себя эфирные потоки, рвали саму ткань мироздания.

Вот они сцепились. Переплелись лапами. Каменные породы вокруг вздыбились, земля пошла рвами и оврагами. Ни один не мог повалить другого, ни один не мог взять верх. Согерахаб и Бекурахаб катались огромным клубком, нестерпимо давили, били всей своей бесконечной силой...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.